

Слово к читателям	2
-------------------------	---

УРОКИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

<i>Александр Миронов.</i> Почему умаление Великой Победы СССР над германским вермахтом есть умаление и самой России?	4
--	---

В ПАМЯТЬ О НЕДАВНО УШЕДШИХ

<i>Е. С. Роговер.</i> Григорий Бакланов (<i>Литературный портрет</i>)	7
---	---

ПРОЗА XXI

<i>Михаил Жаров.</i> Живые души (роман) (<i>окончание, начало в предыдущем выпуске журнала</i>)	14
---	----

ПРИЧУДЫ ЭПОХИ ПОСКОННОЙ МОРАЛИ

<i>Владимир Василик.</i> Генерал Власов как символ внерелигиозного пути	79
---	----

СМЫСЛОВЕДЕНИЕ

<i>Александр Миронов.</i> Русло русского речения, или Обретение словосочетаний, русскую душу вполне утасовующих... (<i>начало в 3-м и 4-м выпусках журнала</i>)	87
---	----

ПОЭТЫ О ВОЕННОЙ ПОРЕ, И НЕ ТОЛЬКО

Василий Денисюк. Ефим Роговер. Виталий Летущев. Юрий Монковский. Ольга Ружицкая. Николай Мрыхин. Наталия Ульянова	94
---	----

СЛОВО ЧИТАТЕЛЮ ЖУРНАЛА

<i>Евгений Морозов.</i> Во имя истины	113
---	-----

ИСТОРИЯ БЕЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ГРИМА

<i>Вадим Петров.</i> Две ипостаси политики Хрущёва: сельское хозяйство и культура	124
Уроки правления Никиты Хрущёва (редакционный комментарий)	135

ПРОЗА В МАЛЫХ ФОРМАХ

<i>Анастасия Сабянина.</i> История одного неудачника (<i>рассказ</i>). Пианист	136
--	-----

О САМОМ ВАЖНОМ

<i>Владимир Хилько.</i> В дебрях понимания, или Заблудившись в трёх соснах	142
--	-----

ГДЕ ПРАВДА — ТАМ И СЧАСТЬЕ

<i>Андрей Каратыгин.</i> Буратино forever?	147
--	-----

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Здравствуйте,
дорогие читатели журнала «Писатель. XXI век»!

Перед вами очередной, 6-й по счету выпуск журнала, который по календарю открывает уже третий год его жизни. Что сказать к тому? Для более осознанной работы в обозримом будущем редколлегия журнала, вероятно, следует сделать некоторые, но весьма значимые выводы и необходимые при этом пояснения. Что имеется в виду в первую очередь? Ниже разговор пойдёт о том, что наш журнал сумел-таки стать заметным и даже смог превратиться для некоторых людей в известную проблему. Почему так? Да потому, что он начал последовательно подвергать сомнению господствующую сегодня «липкую» *идеологию прагматизма или идеологию так называемых успешных (эффективных) людей*. Все мы родом или «вырастаем» из прошлого. Иначе говоря, все живущие сейчас есть продолжение когда-то и кем-то «посеянного». То есть хотим мы того или нет, но каждый из нас без исключения является наследником некой мировоззренческой традиции. В свою очередь, журнал «Писатель. XXI век» является эксклюзивной площадкой для ведения непростых дискуссий о главных смыслах в жизни всякого зрелого человека. Другими словами, он представляет издание, ведущее спор во имя стяжания истины. Поэтому-то именно на его страницах вполне уместен разговор о противоречиях и самой человеческой жизни, тем более что лишь последние и есть подлинный критерий истины. Иначе говоря, только противоречие есть средство для отыскания истины. То есть наш журнал очевидно «цепляет за живое», не дает занимать нейтральную позицию никому, понуждает каждого к действию во имя того или иного «символа веры». В результате любой наш читатель проходит своего рода тест либо проверку на подлинную зрелость или, если хотите, на *способность переносить психологическую перегрузку* во имя нахождения истины либо стяжания верного взгляда на действительность, а значит, и на выявление потребности к подлинной собственной бытийности. Другими словами, если нет осознания или «включенности» в глубинные смыслы жизни, то нет и самой подлинной жизни, нет ни единого шанса на истинно личное влияние на мир, которое, кстати, возможно только как благое. А что же есть вместо этого? В наличии только существование или внешнее функционирование наподобие животного или растительного, с комфортом или без оного, непременно ведущее к гибели души. И не важно, что человек при этом

может быть по обывательским представлениям очень влиятельным лицом и даже как бы добрым человеком. Да, подобное утверждение для некоторых прозвучит весьма обидно, но всякое иное воззрение неизбежно будет поражено различными страхами и несомненным персональным *моральным бессилием*, выражающимся систематическим уклонением от выражения своей позиции в любой многофакторной ситуации. Таково уж свойство самого бытия или разумного начала, лежащего в основании всего сущего. Поэтому всякое «бегство» от разговора по существу и далее на страницах журнала будет признаваться недопустимым и даже преступным с нравственной точки зрения. Для разговора же о главном нет и не может быть ничего более приспособленного, как серьёзная художественная литература и поэзия. Кроме того, коллектив сотрудников журнала намеренно идет на обсуждение ряда вопросов, внешне мало касающихся мира писательства. Но это делается специально для расширения и углубления уже опробованных в ряде творений тем, а также для нахождения новых, вполне пригодных для их творческой разработки. Да, далеко не всё ещё получается. Много претензий раздаётся со стороны читателей к качеству публикуемого литературного и поэтического материала. Но, как известно, дорогу осилит идущий, и будем полагать, что журнал сумеет в дальнейшем радовать своих читателей новыми и удачными публикациями.

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век»

ПОЧЕМУ УМАЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ СССР НАД ГЕРМАНСКИМ ВЕРМАХТОМ ЕСТЬ УМАЛЕНИЕ И САМОЙ РОССИИ?

Россия частников ни за что не устоит. Она неминуемо будет раздроблена и станет сырьевым придатком Запада...

Александр Зиновьев

Приближается 65-я годовщина победы СССР над гитлеровской Германией. Многие из нас готовятся к встрече славного юбилея. Но что-то отвращает или умаляет грядущий праздник. Некоторая историческая аналогия или параллель напрашивается сама собой. Скажем, вправде ли будет праздновать Италия победы Римской империи? Видимо, не очень. И дело не только в исторических сроках. С другой стороны, мы все ныне являемся свидетелями практически повсеместного пересмотра итогов Второй мировой войны. То тут, то там соседи России объявляют вчерашних сателлитов Гитлера собственными национальными героями. Причём это делают даже члены Евросоюза, бывшие советские республики в Прибалтике. Внутри самой России предпринимаются весьма энергичные усилия по оправданию антибольшевистских пособников Гитлера. При этом всемерно подчёркивается крайне неудачный ход самой Отечественной войны, приведшей к невиданным в истории потерям с советской стороны. То есть «русская жертва», принесённая на алтарь победы над невиданным на планете Земля агрессором, вдруг объявляется глупой и даже напрасной.

Выходит даже так, что Гитлер мог быть повержен как-то иначе. Кроме этого, находятся новоявленные мудрецы, считающие, что в войне с Германией победил на самом деле некий абстрактный русский народ, и победил он злейшего врага вопреки роли советского руководства, сам по себе. И ещё. Многие искренно полагают, что 9 мая 1945 года нацизм был окончательно повержен. Но так ли это в своей сути? Или почему поверженный когда-то враг продолжает быть в идейном отношении привлекателен? Может быть, сам гитлеризм вовсе и не побеждён, а лишь до поры до времени пребывает в тени и ждёт своего нового часа? Странно. Видимо, далеко не всё нам известно о недавнем нашем прошлом. Причём складывается даже впечатление, что до сих пор скрывается что-то очень важное, если не самое главное. При этом, с одной стороны, весьма заметное число наших с вами внешне вполне преуспевающих современников сегодня сознательно отвергают такие слова, как «истина», «правда», «сущность», «суть», «мораль», «добро», «зло», «грех», «праведность», полагая их употребление ненужным и даже опасным, с другой, российские власти как бы

в унисон сказанному выше вдруг пришли к заключению, что в прошлом нашей страны имеются абсолютно запретные к обсуждению темы, как-то: *подлинное* идейное содержание нацизма, от мало знакомых смыслов которого фактически пострадали миллионы наших соотечественников. Другими словами, многим власть предержащим ныне очень выгодно и далее скрывать от сограждан правду о природе исторических потрясений, делая вид, что это знание не актуально и даже преступно. При этом нам зачем-то настойчиво внушают мысль, что мы победили фашизм, тогда как фашистская Италия не смогла самостоятельно сражаться даже с маленькой греческой армией, а фактическое отстранение дуче от власти произошло задолго до мая 1945 года и по воле самих итальянцев. Вторая же фашистская держава в Испании прекратила своё существование вообще лишь много лет спустя после окончания войны и только с естественной кончиной диктатора Франко. То есть наша страна вела подлинную борьбу не на жизнь, а на смерть с другим врагом, имя которого до сих пор зачем-то скрывается. Но ведь скрывать нечто просто так никто не станет, а значит, в подобной позиции упомянутых лиц из власти непременно присутствует *персональный страх*. Какой же именно? Видимо, такой, что открытие ими безотчётно скрываемого даже от самих себя неизбежно приведёт их же к вопросам о разумности собственного мировоззрения. Последнее обстоятельство, конечно, поставит вопросы о ревизии имеющегося взгляда на жизнь или к проблеме «перемены своего ума». Например, гитлеризм в своей основе провозглашал ставку на особо одарённую личность (сверхчеловека) или на особо одарённую нацию (расу господ), объявляя их подателем и распорядителем всего сущего. В результате нацисты объективно стали выразителями крайнего эгоизма в человеческой истории, объявив,

в свою очередь, всех сторонников всеобщей справедливости (морального общества) или коммунистов своими злейшими врагами. Их главными идеями были те представления, что настоящими носителями подлинных (непреходящих) смыслов культуры в истории человечества всегда были представители лишь отдельных народов, так называемой высшей расы, которым одним по плечу решение грядущих мировых вызовов, а значит, только сохранение и укрепление их позиций в качестве бесспорных мировых лидеров позволит продолжить бытие самого человечества. Но ведь господствующий ныне в мире идейный дискурс в своей основе или с сущностной точки зрения мало чем отличается принципиально от гитлеровского, если его рассматривать за рамками прямого насилия или насилия «здесь и теперь». Иначе говоря, гитлеризм в своём идейном основании, как это ни странно, остаётся до сих пор не развенчанным, а значит, его рецидивы вполне возможны и в будущем. Кто сегодня объективно является его идейным союзником? Это, конечно же, все ныне известные антисоветчики и все ярые антикоммунисты. Кого конкретно можно отнести к последним? Это Г. Х. Попов, Г. Митрофанов и все им подобные общественные деятели. Видимо, поэтому-то в последнее время они же весьма натужно оправдывают деяния генерала-предателя Власова, выдавая его за подлинного радателя нашего Отечества. Впрочем, эти же люди искренно полагают, что никак не связаны идейно с нацизмом, так как истово выступают против применения известного прямого насилия. Но ведь цели-то (окончательное господство «эффективных» над прочими) у всех у них с сущностной точки зрения абсолютно одинаковы, а значит, их отличие состоит лишь в используемых средствах. А каковы средства старых и новых борцов с коммунизмом? Ложь, обман, но разнесённые во

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

времени и в пространстве, а следовательно, как бы совсем и не подсудные приёмы — вот ключевые принципы из арсенала «анти». Ещё игра «с заведомо не нулевым числом» или с тайно и нечестно присвоенным заранее преимуществом или *сознательное представление греха добродетелью* также в арсенале активно используемых ими всеми средств. Другими словами, всякое сокрытие сути нацизма есть системный признак лишь его иной формы существования. Но понимать это пока способны далеко не все, а значит, работу по «расшивке» подобной его мимикрии необходимо делать уже сегодня как во имя всех павших на поле брани с его прямыми обезумевшими носителями, так и во имя упасения будущих поколений от соблазна нового служения ему же. То есть

гитлеризм в своей основе всё ещё жив, а значит, празднование победы Красной (Советской) армии над германским вермахтом, порождённым исключительно нацизмом, никак не должно успокаивать или приводить к мысли, что всё самое ужасное уже позади. С другой стороны, нельзя и делать вид, что Великой Победы и вовсе не было. Была, ещё как была, но была только как предпосылка для мирного перехода к подлинно человеческому обществу, чего пока очевидно не случилось. *Поэтому умаление Великой Победы СССР сегодня и выражается как раз в том, что постсоветская Россия никак не решает задачи перехода к подлинно человеческой жизни, подменяя её сладкой целью вхождения в мировой рынок, наивно полагая при этом сохранение себя и в будущем этого рынка на правах равного среди равных.*

Е. С. Роговер

ГРИГОРИЙ БАКЛАНОВ

(Литературный портрет)

В дни, когда вся страна готовится отметить 65-летие нашей Победы, хочется вспомнить о творчестве художника слова, который пришел в литературу XX века одновременно с Юрием Бондаревым, а ушел из жизни незадолго до наступления нынешнего Нового года. Наш литературный портрет становится, таким образом, данью памяти замечательного писателя.

Григорий Яковлевич Бакланов родился 11 сентября 1923 года в Воронеже. Он вырос в интеллигентной семье, но рано осиротел. А в октябре 1941 года погиб под Москвой ушедший в народное ополчение его старший брат.

Будущий писатель, не закончив средней школы, поступил в авиационный техникум, намереваясь связать себя с профессией лётчика. Летом 1941 года работал также на фабрике. Когда началась война и прошёл слух о том, что в армию будут брать в первую очередь тех, кто окончил десятилетку, Григорий Бакланов поспешил сдать экстерном экзамены за среднюю школу. Осенью 1941 года он ушёл на фронт добровольцем. Сначала служил рядовым в гаубичном полку, где был самым молодым солдатом, а в ноябре 1942 года его направили в артиллерийское училище, которое он окончил, пройдя ускоренное обучение, в следующем году. С этого времени он командовал взводом управления артиллерийской батареи, участвуя на Юго-Западном и 3-м Украинском фронтах, сражаясь на Украине, в Молдавии, Румынии, Венгрии,

Австрии. Был удостоен ряда военных наград. После тяжелого ранения Бакланов был признан негодным к службе, но молодой офицер, проявив настойчивость, вернулся в свой полк. Закончил военную страду он начальником разведки артдивизиона. Жизненных впечатлений было накоплено много.

Вскоре после демобилизации он поступил в Литературный институт им. М. Горького в Москве, который окончил в 1951 году.

Ещё осваивая литературную науку и овладевая в институте тайнами писательского мастерства, Бакланов начинает печататься. Свой первый рассказ «*Выговор*» он публикует в журнале «Крестьянка». Выбор этого журнала не был случайным. В начале своего творческого пути Бакланов осваивает значимую в ту пору сельскую тему. Ряд рассказов и очерков, а также повесть «*В Снегирях*» (1954) он посвятил послевоенной колхозной деревне. Многочисленные поездки по стране помогали освоить эту тему.

Но во второй половине 50-х годов у молодого автора возникла потребность рассказать о тех нелёгких испытаниях, которые он вместе со своим народом перенёс в годы войны. Отныне фронтовая тема становится определяющей в творчестве Г. Бакланова. Он уверенно входит в плеяду писателей, которые, как К. Симонов, В. Некрасов, Ю. Бондарев, А. Ананьев, К. Воробьев, В. Быков, поведали всему миру о том, какой

ценой досталась советскому народу Великая Победа.

В одном из воспоминаний о годах войны Бакланов рассказал о том, как он и его фронтовые друзья брали город Секешфехервар, потом отдавали и снова брали его, и однажды он... позабывал убитым. «Мела позёмка, секло лицо сухим снегом, и мы шли сгорбленные, вымотанные до бесчувствия. А мёртвые лежали в кукурузе — и те, что недавно убиты, и с прошлого раза, — всех заметало снегом, ровняло с белой землёй. Словно среди сна очнувшись, я подумал, на них глядя: они лежат, а ты ещё побегаешь, а потом будешь лежать так».

Лишь пережив подобное, писатель сможет рассказать о том, что было на душе у юного лейтенанта, который должен был умереть такой смертью под зимними звёздами. Военные впечатления не давали покоя, не отпускали, требовали рассказать о них на бумаге.

Первым значительным произведением на военную тему стала повесть «Южнее главного удара» (первоначально она называлась «Девять дней»), созданная в 1957 году. Она освещала сражения под тем самым Секешфехерваром, воспоминания о котором мы привели выше. Примечательно, что она была посвящена братьям, погибшим смертью храбрых в Великой Отечественной войне. Участники битвы, изображённые в повести, все предстают как братья, общими усилиями одолевшие страшного врага. Не случайно первая глава названа словом, спланивающим людей в нерасторжимое единство, — «Товарищи».

Писатель описывает исключительно тяжёлые бои с превосходящими силами противника, когда приходилось и идти на штурм, и отступать, и прорываться из окружения. Тогда не принято было так повествовать о войне: официальная её историография предлагала и требовала другой подход к освещению победного 45-го года. Но молодой автор не замалчивает нега-

тивных подробностей военного, бытового и психологического плана. И герои, изображённые им, не похожи на эпических чудо-богатырей или сказочных героев, совершающих поступки «по шучьему велению». Это совсем обычные люди, которые ценой невероятных усилий совершают, казалось бы, невозможное. При этом они испытывают все неудобства и трудности, присущие войне, — холод, голод, измотанность сил. Естественно, что в повести не найти страниц, исполненных пафоса и фанфарных звучаний.

Любопытно, что в боях под тем же Секешфехерваром участвовал и Василь Быков, который отметил, что в повести Бакланова честно и мужественно отражена «неприкрашенная военная действительность». При этом Бакланов не пренебрегает шуткой, вводит юмористические по своей тональности эпизоды, например анекдоты о «кукурузниках». Но от этого драматизм происходящего, правдивость изображённого становится ещё очевиднее. Такой же эффект возникает и тогда, когда в суровую прозу повести вторгается песня из репертуара Клавдии Шульженко. Накал и обнажённость прозы становятся острее и сильнее. Таковы главы «Пушки стреляют на рассвете», «Первый бой», «Ошибка» и другие. Трудно забыть, как наш майор, счастливый, радостный, жмурясь от встречного ветра, несётся на мотоцикле <...> навстречу своей смерти, в жестокие лапы подстерегающего его противника. Но повесть «Южнее главного удара» была лишь подступом к основной военной прозе писателя.

В 1959 году в печати появляется повесть «Пядь земли». Выход её совпал с публикацией второй военной повести Ю. Бондарева «Последние залпы», близкой по своему тематическому материалу. Произведение этого типа стали называть «лейтенантской прозой», имея в виду и центральных героев повести, и авторов, вчерашних лейтенантов. Но если у Бондарева доминирует

сгущённость во времени и напряжение, то для Бакланова характерно растяжение событий во времени (оборона плацдарма у него длится около трёх месяцев) и меньшая сосредоточенность эпизодов вокруг центрального события.

Перед читателем представляли будни войны, протекающие на маленьком пятачке плацдарма, отвоёванного у гитлеровцев. Противник делает всё возможное, чтобы сбросить наших бойцов с плацдарма. Беспрерывно, и днём и ночью, продолжаются атаки, которые выматывают все силы сражающихся. «Как это просто до войны говорилось, — читаем мы в повести, — ни пяди своей земли не отдадим. Вот она, пядь нашей советской земли, и каково это — не отдать её!» Тем не менее бойцы делают всё, что от них зависит, чтобы действительно не отдать эту кровью политую пядь.

События, переданные в повести, даны в восприятии лейтенанта Мотовилова. Он отличается мужеством и смелостью, хорошо видит и понимает справедливость предстоящей задачи и возвышенность намеченной цели. Он способен глубоко и остро чувствовать трудности, преодолеваемые солдатами, но понимает и суровую историческую необходимость победить все эти невзгоды, опасности и потери. Лейтенант уверен, что «мы не только с фашизмом воюем, — мы воюем за то, чтоб уничтожить всякую подлость, чтобы после войны жизнь на земле была человеческой, правдивой, чистой».

Мотовилов видит, как проходит жизнь бойцов под непрерывным огнём фашистов, который ежеминутно несёт людям смерть. Но он своим поведением и убеждением других внушает мысль о неизбежности и обязательности победы, о безусловном сохранении каждой пяди советской земли. При этом повесть освобождена от каких-либо риторических высказываний и ложного пафоса. Но и без громких фраз участникам сражения ясно, что

кровавая схватка, которая протекает на крохотной пяди земли, освещена благородным и ярким светом правды. И лейтенант Мотовилов знает, что «родятся после войны новые поколения, и будут тоже беспечны, как беспечна молодость. Надо, чтобы они знали, какой ценой добывалась для них жизнь на свободной земле».

Читатель с интересом следит за тем, что происходит на этом небольшом участке земли, на правом берегу Днестра. Повседневная жизнь защитников плацдарма настолько приближена к читателю, что возникает эффект присутствия, который обостряет сопереживание и сочувствие многим из показанных в повести героям.

Некоторые критики увидели в повестях этих лет, в частности в «Пяди земли», проявление «ремаркизма», т. е. близость окопных переживаний героя к фронтовым жизнеощущениям героев романа Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен». Отсюда, по мнению тогдашних рецензентов, особый трагический колорит, пристальное внимание к насильственной смерти, изображение множества трупов. Но этот «ремаркизм» был надуманной категорией, потому что война начала XX века и война середины столетия порождают сходные обстоятельства, родственные ситуации и картины. Кроме того, герои Ремарка — в отличие от персонажей Бакланова — статичны, неизменны, их подавляет безнадежность, непрояснённая цель сражений, преувеличение ужасного.

В повести Бакланова очень интересна фигура капитана Бабина, командира пехотного батальона. Этот волевой человек, по существу, направляет основные события и оказывается подлинным организатором боя. Если Бабин сопоставлен с Мотовиловым как старший и младший, то Мезенцев противопоставлен центральному герою. Мезенцев показан как эгоист, шкурник, мещанин, привыкший жить за

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

чужой счет. Получив приказ протянуть линию связи по болоту, Мезенцев решает не выполнять его и исчезает, ловко устроившись в трубочке в военном оркестре. По вине этого труса и предателя погибает солдат Шумилин, у которого остаются дети-сироты. К сожалению, Мотовилов, презирая своего антагониста, не проявляет по отношению к Мезенцеву необходимой активной непримиримости как к опасному злу, давая возможность предателю удобно устроиться в тылу у капитана Яценко, ещё одного очевидного труса и покровителя дезертира и симулянта.

Повесть выделяется заметным психологизмом, удачным распределением эпизодов во времени, мастерством диалогов, изображением обжитости небольшого пространства, трагизмом показа лучших защитников плацдарма во главе с Бабиным, тщательностью в раскрытии процесса самонаблюдения и прозрений, передачей суда людей и суда совести, приглушенным звучанием героического начала и акцентированием великой народной беды.

Произведение Бакланова честно и открыто изображает ужасы войны и «окопную правду». Оно вызвало напряжённые споры, связанные с выбором героя и принципом построения, но при этом стало крупным событием литературной жизни конца 50-х годов.

Начало 60-х годов было ознаменовано появлением повести Григория Бакланова *«Мёртвые сраму не имут»* (1961). Действие её происходит в 1944 году. Сюжетным ядром становится эпизод, повествующий о том, как прорвавшаяся в тыл советских войск немецкая танковая колонна уничтожает наш арtdивизион. Начальник штаба последнего Ищенко, равнодушный офицер, занятый лишь своей карьерой, в самый ответственный момент бежит с поля боя, предав подчиненных и свалив затем всю вину на безмолвных погибших, которым не больно. Бакланов резко выделяет в повести проблему

фронтowego эгоизма и трусости. Писатель показывает, как предатель бросает лежащего на снегу разведчика, как мечется из стороны в сторону, находит «щель», в которую вползает, словно животное, и снова бежит кустами «со взведённым пистолетом в руке». И потом в доказательство своего участия в бою показывает особисту «пробитую пулями и осколками шинель», обнаруживая не раны на теле, «а всего лишь дыры в шинели».

Но повесть *«Мёртвые сраму не имут»* рассказывает не только об этом провале, но и о героическом прорыве дивизии сквозь вражеское окружение. Она повествует о суровом испытании кровью, в котором человек проверяется на стойкость и в котором проявляется сила духа и мужество советского человека.

Трудно забыть эпизод с ранением Мостового, когда он стаскивает с себя рубашку и обнаруживает перебитую пулей артерию. Он увидел на снегу свою кровь и поразился тому, что её так много. Рука ещё держала ружье. Но у переднего немецкого танка огнём сверкнула пушка. «Тугой горячий звон ударил Мостовому в голову <...>, что-то острое вошло в него, в мозг его, в тело, вошло безвольно и мягко, словно не было в нем ни костей, ни нервов».

Столь же впечатляющим представляется сцена гибели Ушакова, когда струя огненного металла — третья трасса — вонзилась в бойца, прошла через него, и он упал. И только тогда эта светящаяся трасса погасла.

Яркое, незабываемое впечатление производит подвиг Васича, волевым усилием остановившего бегущих. И те, кто упал на снег, и те, кто полз, увидели, как он встал перед ними во весь свой рост с автоматом в поднятой руке, словно заслонив их собою от пуль и немцев. Но гибнет и Васич, насквозь прошитый автоматной очередью присевшего солдата — немца. Почти все бойцы дивизиона погибли. Безоружные, они сумели сжечь шесть немец-

ких танков, дрались до последнего, не пропустив немцев. Люди из дивизиона погибли, но сраму они «не имут», ибо им не за что срамиться перед живыми. Помню, с каким волнением и читательским потрясением «проглатывалась» эта повесть Бакланова.

Новым шагом вперёд в творчестве писателя и в раскрытии темы войны стал роман *«Июль 1941 года»*. Он создавался в течение нескольких лет и вышел в 1965 году. Отметим очевидную новизну этого произведения. Во-первых, писатель обратился теперь к крупной эпической форме — роману. Во-вторых, события произведения протекают теперь в самом начале войны. В-третьих, здесь в основном действуют военачальники высокого ранга, что позволило автору остановиться на широких вопросах стратегии военных действий. В-четвертых, новое произведение Бакланова обрело право именоваться военно-историческим романом, который встал в нашей литературе рядом с трилогией К. Симонова, романами И. Стаднюка «Война» и А. Чаковского «Блокада». Наконец, самое главное: Бакланов одним из первых связал поражения начала войны с процессами 1937 года и уничтожением Сталиным основного офицерского корпуса нашей армии. Автор стремится проникнуть в коренные, глубинные причины наших отступлений, смело говорит о порождённой довоенным временем обстановке страха, растерянности, подозрительности, отчужденности, психологии «винтиков». Герои романа мучительно размышляют над этими проблемами. Писатель раскрывает философию противоборствующих сторон и воспроизводит панораму первых сражений войны. Нетрудно увидеть, насколько это широкое полотно принципиально отличается от его предыдущих вещей, не умаляя при этом и их достоинства.

Можно выделить две ведущие сюжетные линии романа. Одна передаёт хорошо начатое и плохо законченное

наступление корпуса, руководимого генералом Щербатовым. Вина во многом падает на командуемого армией генерала Лапшина, испугавшегося ответственности и проявившего преступную самоуверенность, приведшего к утрате первых завоеваний и к окружению корпуса. Вторая сюжетная линия ретроспективно переносит нас в 37-й год, когда командный состав нашей армии несёт одну потерю за другой и на место опытных военачальников приходят такие, как Лапшин, который поднимается от руководства батальоном до командования армией. Конфликт романа и столкновение двух полководцев разной школы сближают это произведение с прославленной пьесой А. Корнейчука «Фронт».

Запечатлев широкую историческую панораму, Г. Бакланов несколько утратил свойственную ему в ранних повестях художественную конкретность. Но батальные эпизоды сохранили свою выразительность, колоритность и насыщенность деталями. Вот, например, как передан подвиг неизвестного солдата, который неожиданно столкнулся с фашистским наступлением: «Для того бойца, который, выскочив из избы, увидел въезжавших в улицу немецких мотоциклистов, успел выстрелить в них с колена и упал под пулемётной очередью, весь этот короткий миг от момента, когда он увидел их и побежал, а потом, остановившись, начал отстреливаться, до момента, когда он лежал уже на дороге, и вся колонна, мотоцикл за мотоциклом, проехала через него, — всё это, безмерно малое во времени, вместило и страх его, и решимость, и жизнь, и будущее, и смерть» [1].

Роман, затрагивавший острые вопросы проявления культа личности, который сказался на боеспособности Красной Армии и на слабой подготовке к надвигавшейся войне, успел выйти отдельной книгой в 1965 году, но оказался запрещённым. Но уже

в 1967 году на IV съезде писателей СССР он был назван в числе значительных произведений в литературе о Великой Отечественной войне.

Новизной материала отличался созданный в начале 60-х годов рассказ «Почем фунт лиха». Он переносит читателя в маленькую немецкую деревню, где события происходят на шестой день после окончания войны. Четверо советских разведчиков и офицер, временно живущие у местных хозяев, оказываются свидетелями проявления частнособственнической психологии последних. Немцев разыскивает старик-поляк, чудом спасшийся из соседнего концлагеря, чтобы припомнить их жестокость, проявленную в военные годы. Но отмщения не состоялось: все трое хозяев ночью удирают на Запад.

Рассказ «Почем фунт лиха» дал толчок к переходу Григория Бакланова к совершенно новой теме — жизни страны в условиях мирного, послевоенного времени. Этой теме посвящена повесть «Карпухин», созданная в том же 1965 году, что и роман «Июль 1941 года». Писатель затрагивает здесь острейшие вопросы справедливости, законности и милосердия. Как складывается судьба фронтовиков в новых обстоятельствах, в условиях командно-административной системы?

Героя повести Карпухина преследуют один за другим тяжкие удары судьбы. Во время войны он за чужую провинность был отправлен в штрафную роту, в тяжкие послевоенные годы за малую вину получил непомерно большой срок. И вот теперь, когда он вернулся домой и женился, снова стал жертвой грубой несправедливости. Пьяный Мишаков попадает под колёса машины, которую ночью ведёт абсолютно трезвый Карпухин. И вот снова судят невинного человека. По установившейся привычке Карпухина обвиняют в вождении машины в нетрезвом виде. Если следователь Нико-

нов обнаруживает человечность и проявляет доверие к откровенному незадачливому бедолаге, то прокурор Овсянников менее всего озабочен судьбой бывшего фронтовика и равнодушен к справедливости, но более всего печётся о состоянии своей печени, превратив оказанное ему следователем доверие в дополнительное обвинение [2]. Так безвинный, честный и трудолюбивый человек становится очередной жертвой беззакония, халатности и равнодушия. Автор проявляет сочувствие и к вдове погибшего Мишакова, но более всего его тревожит проявление вопиющей несправедливости, узаконенной царящими порядками в судопроизводстве и быту; писателя беспокоит проявление жестокости людей, и он в традициях Л. Толстого ведёт свой нравственный суд с позиции гуманности и милосердия.

Спустя десять лет Г. Бакланов вновь осмысляет нравственную проблематику и создаёт роман «Друзья» (1975). Повествуя о двух друзьях, бывших фронтовиках, а ныне архитекторах, писатель ставит их перед выбором: отстаивать свой перспективный план застройки микрорайона или пойти на поводу недовольных чиновников и отказаться от проекта. Если Андрей остался верным своим смелым и прогрессивным идеям, то Виктор отступился, что позволило ему процветать. В этом приспособленчестве, прислуживании, беспринципности, сделках совести Виктор видит принцип жизни. «Андрюша, — произносит он, — мы есть и будем. И в этом своя историческая справедливость!» [3]. Так снова угодничество, раболепие, предательство, измена призванию выдаются за справедливость, да ещё историческую!

Снова обратился к военной теме Бакланов в 1979 году, создав замечательную повесть «Навеки — девяностилетние». Вновь потянуло писателя к былым ровесникам, молодым лейтенантам. У героя повести лейтенанта

Третьякова много общего с лейтенантом Мотовиловым из «Пяди земли» — и в складе мыслей, и в приверженности к справедливости. Он совсем ещё мальчик, этот Третьяков, но на его плечи всей своей безмерной тяжестью навалилась война.

Первый бой Третьякова описывается на протяжении трёх глав, а впечатление такое, что длится он одно мгновение. Бакланов великолепно показывает энтузиазм и азарт этого девятнадцатилетнего командира, его задор, вдохновение, оптимизм. Ненадолго попадает он в госпиталь, получив ранение, и здесь ему суждено пережить первую, но очень недолгую любовь. В традициях Л. Толстого Бакланов побуждает своего юного героя размышлять о смерти и бессмертии, о содержании войны и смысле мира. Но вот приходит пора отправляться лейтенанту в последний бой.словно перед Болконским, перед ним предстает бездонное небо: «...высоко над головою, в высоком ослепительном небе строй за строем шли белые кучевые облака. Как хорошо в мире, Боже ты мой, как просторно! Он словно впервые вот так всё увидел» [4]. Но вдруг звучит автоматная очередь, и, как подкошенный, Третьяков падает на землю. При этом его тревожит, что «лежит неудачно, на дороге, на самом виду», будто специально, на показ он упал, чтобы все видели его. И ещё он думает о том, что «гаснет звезда, но остаётся поле притяжения. Вот и люди так». Это последняя мысль перед смертью полубившегося нам лейтенанта, который навсегда, навеки останется девятнадцатилетним.

Повесть, ставшая прощальным реквиемом писателя по скошенному войной поколению, была в 1982 году удостоена Государственной премии СССР.

Григорий Бакланов ещё напишет повесть «*Меньший среди братьев*» (1981), повесть «*Свой человек*» (1990), две книги зарубежных очерков — «*Темп вечной погони*» (1972) и «*Канада*» (1976), роман «*И тогда придут мародёры*» (1995). Он будет много работать в кино, и по его сценариям будет поставлено 8 кинофильмов, в том числе «Был месяц май» (реж. М. Хуциев) и «Салют, Мария» (реж. И. Хейфец). А в Театре на Таганке будет создан спектакль «Пристегните ремни» (пьеса написана в соавторстве с режиссёром Ю. Любимовым).

С 1986 по 1993 год Григорий Бакланов руководил журналом «Знамя», способствуя духовно-нравственному обновлению нашего общества. В те же годы он был одним из секретарей правления Союза писателей СССР. Тогда же он опубликовал мемуарные «*Невыдуманные рассказы*», где поделился воспоминаниями об А. Твардовском, Ю. Трифонове и С. Орлове. В 1983—1985 годах вышло Собрание сочинений Г. Бакланова в четырёх томах. Оно вообрало в себя многое из того, что написал за свою долгую и плодотворную жизнь этот замечательный художник слова [5].

Он ушел из жизни в самом конце 2009 года, прожив 86 лет. В день кончины на экранах телевизоров показали стройную фигуру красивого и обаятельного человека, очень много сделавшего для нашей литературы.

Литература

1. Бакланов Г. Военные повести. М., 1967. С. 137.
2. Бакланов Г. Пядь земли: Повести и рассказ. М.: Сов. писатель, 1970. С. 424.
3. Бакланов Г. Друзья: Роман. М.: Сов. писатель, 1977. С. 49.
4. Октябрь. 1979. № 5. С. 38.
5. Быков В. О правде войны и правде мира // Дружба народов. 1996. №11. С. 5—6.

Михаил Жаров

ЖИВЫЕ ДУШИ

(роман)

(окончание, начало в предыдущем выпуске)

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

КОЛДОВСТВО

Глава 1

Отец Макарий не любил поездных проводниц, милицию и бомжей. Эти породы не благоговели перед его рясой и бородой.

Уже год, как он не мог перетереть на зубах прелое послевкусие от женского чулка. Крепкими руками с чёрными угольными пальцами безбожные проводницы вязали отца Макария своими колготками. А бригадирша, смеющаяся тонна, чтобы подавить его устные протесты, сняла с богатырской ноги рыжий чулок и законопатила им уста Макария.

Лёжа на полу между рундуками и пуская из глаз тихие, благоухающие спиртом слёзы, он слушал весёлую беседу победительниц:

— Ай да попик-попёнок! Придумал! Заправил рясу в штаны и в восьмом вагоне окна ногами выбивать!

— Этот, как его?.. Монахи-то восточные... Шао-линь!

— Во! Точно! Ха-ха-ха!

— Мне, говорит, у вас в буфете воду бесовскую продали. Три литра джина-тоники усадил да водки немерено. Ещё бы не взбеситься.

Милиция с ним обходилась и того хуже. Хотя бы не далее, как вчера, по приезде отца Макария в Огнегорск, обычный постовой милиционер, уличная пустолайка, осмелился заметить:

— Батюшка! Завтра Пасха, а вы в Страстную субботу да посреди улицы, то есть в общественном месте, пиво пьёте.

Ладно бы кто, а то мелковозрастный мерзавец с резиновой палкой, который не отличит дикирия от трикирия, взялся учить! Благочестивый! Как тут было не кинуть в него недопитой бутылкой? В козла.

Спустя мимолётные полчаса отец Макарий сидел на лавочке в дежурной части милиции и вспоминал, откуда у него в ладони сержантские лычки, а на запястьях порванные наручники. Над ним возвышался молодой майор. Голубоглазый, бритый наголо, физически развитый.

— Святой отец, ты по мозгам хочешь? — риторически спросил майор и отчего-то покраснел.

Не успел отец Макарий изобразить на лице отрицание, как на его голову опустилась сдобная ладонь товарища майора, и от унылых стен

милиции отразился звук лопнувшей шины. Отец Макарий съехал с лавочки на пол.

— Мы ещё к таким детей крестить водим! — дышал огнём майор, накрутив на кулак бороду нарушителя. — Ножниц у меня нет, остриги бы. Такие, как ты, и Россию продали!

В клетку для задержанных отец Макарий переместился по воздуху, потеряв гравитационную связь с грешной землёй. Сему способствовал патриотический ботинок майора.

Сквозь наступающий сон отец Макарий слышал, как на него составляют протокол:

— Что писать, работает или нет?

— Пиши — нет. Смотри по документам, вон целая папка. Его уже три года назад сана лишили и из епархии выгнали. Иеромонах, блин.

— Так, обнаруженные вещи... Евангелие, журнал «Эротикон», очки... Андрей Юрьевич, глядите, у него очки табаком закопчёны, как у сварщика маска.

Проснулся отец Макарий от ломоты в костях. К тридцати годам он успел настыть по общим вагонам, чердакам и подъездам, и деревянная лежанка под ним не способствовала здоровому отдыху.

— Проснулись, ваше высокопреосвященство? — улыбнулся румяный, но уже не кроваво-красный майор. — Помнишь ли, что сегодня вытворял? Кричал, что отлучишь от церкви, заупокойную по нам при жизни прочитаешь. Постового погон лишил. Наручники порвал. Уголовное дело на тебя надо возбуждать, но в честь праздника я тебя даже на сутки не определяю. Короче, оформили тебя по пьяни. На, расписывайся и убирайся к чертям собачьим.

Выйдя из милиции, отец Макарий побрёл по прохладной ночи к известной ему церкви. Боледа похмельная голова и ныло от ботинка.

Впереди ударили колокола. Значит, двенадцать. Христос воскрес!

Глава 2

Проводницы, милиция. И бомжи. Чуть завидят, сразу — дай, дай, дай!

До бьющих колоколов оставалось обойти здание почты, и на тебе — стоят у лавочки три страхолюдных бомжа. Один в жёлтом рыбацком плаще с капюшоном на башке, другой — в лыжной шапке, спущенной на рожу, третий — просто замотан в разное тряпье с головы до ног, как немец зимой 41-го.

Отец Макарий вжал голову в плечи и, теребя пачку «Дирола», уже было миновал трёх нищеглотов, но его окликнули:

— Рома! Филин!

Отец Макарий похолодел. Последний раз мирским именем его звали в Огнегорске 12 лет назад, на базе. Ошибка была маловероятна, вряд ли кого ещё могли окликнуть Ромой Филиным ночью на пустой улице.

— Тебя зовут! Стой!

Отец Макарий снял с плеча рюкзак, готовый драться.

— Не напрягайся, Ром. Ты нас знаешь. Я — Царёв, начальник караула. Они — Саня Бондаренко и твой брат Юра.

— Что за шуточки! — обозлился отец Макарий, встав вполоборота и низко опустив голову.

— Братишка, не горячись! — усмехнулся бомж в лыжной шапке, и голос его был голосом Юры. — Нас никого не взяли на тот свет. А сейчас мы оборотни, но не бойся, не съедим. Ну привет же, братишка!

Отец Макарий смолчал.

— Мы еще в больших собак умеем превращаться, — сказал молодым голосом бомж, замотанный в тряпье.

— Смотри, если не веришь! — Бомж в рыбацком плаще снял капюшон.

Отец Макарий вскрикнул и забормотал крестясь: «Господи, помилуй!»

На него смотрело земляное бугристое лицо с пустыми глазницами. Вместо волос на голове рос зелёный мох.

— Да мы это, мы! — улыбнулось чудище и показало не зубы, а серые придорожные камни. — Как тебя ещё убедить?

Отец Макарий бросился бежать, подобрав руками рясу.

Чудище в плаще запустило руки в асфальтовую толщу и сделало движение, как делают люди, вытрясающие коврик. С каменоломным треском по асфальтовой дорожке ринулась волна. Отца Макария подбросило, и он со скорбным охом приземлился на шею.

— Ты чего, Ром, убегаешь? Мы друзья! — наклонилось над ним чудище вместе с двумя другими. — Мы тебя хотим попросить помочь нам с хорошими делами. Ты не рад нас встретить?

Отец Макарий приподнялся на локте и сказал себе вслух:

— Встрял! Даже больше, чем кажется. Если эти есть, а не кажутся, значит, где-то есть и Бог непридуманный. Плохо!

Глава 3

В армии трудностей достаточно. Колдовать в армии, как я узнал, тоже непросто.

Можжевельник найти было ещё можно, он рос на свинарнике у пленницы. И валерьянки в МПП имелось до XXII века. Другое дело — эссенция розы, хотя и требовалось не более капли. Пришлось заменить её огуречным лосьоном. Совсем туго вышло со смесью пяти частей мускуса и пяти частей цибета. Амбры, пачули и кассии на базе опять же не росло ни травинки. О касатике флорентийском и ясенце белом с острова Крит я вообще услышал впервые.

— Надо бы египетского райского семени, — клянчил призрак Коля.

— У нас в столовой я смогу достать только лавровый лист, перец и в лучшем случае щепоть укропа! — торговался я. — Достойный гербарий?

— Согласен, но в таком случае, если на то пошло, по возможности, пожалуйста...

— Говори, что ли! — не выдерживал Гриша Колиных ужимок.

— Кардамон! Два грамма! — веско высказывался Коля.

О колдовстве парни из чёрного караула договорились в своём кругу. Меня посвятили после. Коля показал себя хорошим психологом, вводя меня в курс дела непринуждённо и без суеты.

— Михаил, от тебя потребуется малость.

— Слушаю.

— Немного крови, чуть-чуть страданий и по мелочам.

Я проявил тактичность, не выказав интереса к первым двум компонентам, но о мелочах боязливо любопытствовал. С той минуты начался наш восточный торг. Мне с Колей не хватало кепок и щетины. Коля требовал: растёртые опилки гикори, осадок красного вина и простую смолу асафетида (да, да, простую). Я понятливо кивал, но сильно не обещал.

Дальше — больше. Аппетиту Коли стало мало растительных компонентов. Он поручил мне раздобыть сушёные мозги оленя.

— Точно ли сушёные? — насторожился я. — Для полезного дела я бы использовал свежие.

— Миша! — Коля шутить не хотел. — Я был сатанистом или ты?

— Врать не буду, в сатанизме я двоишник и олух.

— Кто из нас, ты или я, читал средневековую книгу теней «Legemeton»? — не успокаивался Коля. — Вот простейший вопрос: какое у неё второе название? Не знаешь же! И не гримасничай! «Lesser Key of Solomon» — ничего не говорит? Читал ли ты «Псевдовласть демонов» Виеруса, ученика Корнелиуса Агриппы? Что тебе говорит имя Елизаветинского мага Джона Ди? Или Папиуса? Антона Шандора Ла Вэя?

— Мне в школе Марк Твен нравился, «Том Сойер», — потупился я.

— А мне про Гекльберри Финна больше! — поддержал меня Саня Бондаренко.

— Я Джека Лондона запоем читал, — вставил слово и Царь.

— Мне жаль вас, — махнув рукой, признался Коля. — Кто из вас, простаков, поймёт, что значит два месяца, доводя себя до обморочного состояния, читать Евангелие задом наперёд, справа налево?!

— Что, и такие дураки когда-то были? — искренне удивился Царь.

— Вы чего это веселитесь, а? Шутки наши?! Мишка пока достал только лаврушку, уксус и укроп. Мы не огурцы солить собрались!

— Что бы нет? — не унывал Царь. — Михаил насобирает за лето всякой лебеды, наделаем закруток, соорудим погребок, и пусть стоят банки до времени, когда забредёт в наши края олень.

— Причём безмозглый, — подсказал Юра Филин. — Колёк! Ты не пробовал читать книги кверху ногами? Может быть, действенной, чем задом наперёд?

— Между прочим, молитва «Отче наш» справа налево употреблялась оккультистами в Розенкруеланизме ордена алхимиков Золотой Зари! — лаконично парировал Коля.

— Так или иначе, оленя я не найду, точка! — сказал я.

— Мих, поймай ему кабана, — предложил Саня Бондаренко, — ногами стоя подходит к забору на третьем посту. Или бобра, у них на углу второго поста плотина.

— О, придумал! — пришла ко мне идея. — Коль, я тебе спокойно могу изловить ондатру. Они в каждом пруду у нас живут. Димон Невмержитский на прошлой неделе одну прямо из норы за хвост выдернул, а Славик Веселов двух прикладом убил.

— Про ондатру я не читал, — сознался Коля.

— А ежей у нас сколько по КСП бегают! — влез Юра. — Ёж — серьёзный зверь.

— Помню, в 89-м к нам на периметр через пролом в заборе лось забежал, — сказал Царь. — Я сам тогда его из «калаша» уложил. Рота неделю на котлетах сидела.

— Лось!.. — устремил на меня заблестевшие глаза Коля. — Вместо оленя-то!

— Будь уверен, Коль, — устал я пререкаться, — только встречу, сразу быка за рога!

Ещё полчаса представители фауны средней полосы России ходили под прицелом, пока мы не сошлись на воробье.

— Хорошо, попробуем, — сдался Коля. — Я где-то читал и про воробьиные мозги.

Глава 4

Утром за баней я кинул камень в беззаботную воробьиную стайку. Законные птицы, естественные, как воздух, и я не живодёр, но пришлось. Все улетели, а один комедийно извернулся на асфальте, выпятил грудь, откинул крыло и в отчаянном вальсе побежал по кругу.

— Ладно, воробьище, — сказал я, склонившись над ним, а он смотрел куда-то вверх хитрым глазом, — Я не со зла и не для себя.

Я взял его на руки, и в это время он надменно задрал клюв, расправил оба крыла и улетел в мир иной. Балет!

В пакетик из-под сигаретной пачки я выжал его головку, словно ягоду крыжовника.

Несравненно проще оказалось достать собачий язык. По обычаю в день своего дежурства прапорщик Нежин привёл из города на базу псинку, молоденькую, с ушками торчком.

— Гуляш, Гуляш! — окрикивал он целый день. — Ай ты, барин! Умница моя! Гуляшик. Бегай, бегай, сладкий.

Прапорщик Нежин. Подозреваю, что в Книге Судеб о нём записано: «Перцовка, собачатина, вес 160 кг». Далее следующее имя по алфавиту.

Я страдал от Нежина. Он заступает дежурным по базе: «Угарова ко мне!» После суток караула я сижу ночь напролёт и рисую его портреты. В фуражке и без, постарее и помоложе. Он опорожняет бутылками перцовку и ест суп с собачьими рёбрами. Утром рассматривает себя.

— Миша, я тронут! Тебе цены нет. Тебе не в армии место, а на выставках. Ай ты умница!

Оценив портреты, он их мнёт и вытирает ими масляные руки.

— В пятницу я заступаю вместо замполита, будешь меня рисовать в парадной форме, а если не усну — ещё в каске.

Часто собачек приводили ему прямо на базу из города дети и старушки. «Ваш командир с усами просил щеночка от нашей Чайки, чтобы сторожевую собаку из него воспитать и следы нюхать».

Символично и трогательно было то, что хотя Нежин кинологом не был, но с шеврона у него смотрела, улыбаясь, овчарка.

Но пёс с ним, с Нежиным. О языке я спросил Сабита вечером:

— Сабит, ты рыжего Гуляша уже разделал?

— Ну.

— Меня прапорщик Нежин послал сказать, что ему нужен язык.

— Зачем?

— Дома, сказал, пожарит.
Сабит. Татарин, свинарь. Громадный, самый большой на базе.
Казнил для Нежина собачек ответственно, с любовным старанием.

— Михаил! Хорошо! — подозрительно похвалил меня Коля. — Теперь! Нужна кровь.

— Ой, Коль, на днях медики приезжали, я четыреста грамм сдал. У меня мало осталось.

— Много от тебя и не надо! Капельку! Капельку твоей, капельку другой, капельку третьей.

— Смотрю, много у тебя кровей набирается. Давай подробнее.

— Пустяки! Требуется твоя кровь, змеиная и невинного младенца. Терзал я себя бритвой недолго. Чик по пальцу — и перестарался.

Родные мои пальцы! Вам нужны были лёд автомата, тонны лопаты, километры метлы и нежность чёрного хлеба. Получив правдивые ссадины и мозоли, вы научились правде. Сейчас вы рисуете и чувствуете всю линию за несколько мгновений до её окончания. Я сейчас могу трогать вами дерево своего креста и, нахватав заноз с него, видеть текст, сложенный из них.

Со змеёй я тоже не сплеховал. С конца апреля земля контрольно-следовой полосы кишела змеями. Они во множестве выползали греться и на тропу наряда. Часовые соревновались, кто больше навешает их на колючую проволоку, тем самым создавая отличные декорации из эпохи Дикого Запада.

Вечерком в караульной курилке я предложил:

— Понедельник. За продуктами поедут завтра. Есть на базе нечего. Не зажарим ли сегодня змею?

Получаса не прошло, отважный Славик Веселов, убийца ондатр, приносит в мешке взрослую толстую гадюку. Он вывалил её на землю, прижал палкой шею, а затем штык-ножом, не дрогнув, отсек голову.

Длинное её тело бешено взвилось, я схватил его. Из среза быстро побежала тёплая рубиновая струйка. Я, будто из любопытства, подставил под струйку ладонь, а затем вытер старой, заранее приготовленной подшивой.

Дело было сделано, но и ужин состоялся. Разделявали змею я и Славик, вдвоём. Он держал, я тянул её из кожи. Оголённое и выпотрошенное её тело извивалось ещё минут двадцать. Столько же билось пустое сердце и злилась голова. Она, голова, вгрызалась в подносимую ветку и старательно переминала гибкими челюстями, выпуская ядовитые зубы.

С невинным младенцем я придумал невинный обман.

Вову Попова ротный на построениях стыдил:

— Товарищ Попов, ты не нравишься мне! Ты хотя бы стираться умеешь? Сапоги чистить? Бриться? Что у тебя рожа в шрамах? Можно подумать, с басмачами рубился. Ты хотя бы маленько понимаешь меня?

Вова, опустив глаза, улыбался и не понимал.

— Товарищ Попов! Ты бабу знавал? Опять улыбается!

Мне никого не было жалко в армии. Ни себя, ни тех, кому было хуже, чем мне. Никого, кроме Вовы Попова. Его также жалели Илюха с Костей, мои земляки, с которыми я держался. Он не был совсем убогим, он курил и интересно рассказывал о том, как жил до армии. Мы, то есть я, Илюха и Костя, не смеялись, когда он всерьёз вздыхал

о том, что не успел забрать у Никитки из второго подъезда машинку, «такую чёткую, джип с фарами на крыше, и Никитка фиг потом отдаст». Родители его были пьяницами, и он, случай особенный, не пил и не дышал клеєм, а до 18 лет играл во дворе с малышней и этим был очень счастлив. Он действительно не умел следить за собой, ходил нестиранный, чумазый, и настоящую опасность для него представляло бритьё. Вова спихивал с лица кожу лоскутами, и не представить, что бы он с собой сотворил, если б ему пришлось бриться под счёт до десяти, как приходилось поначалу моему призыву.

Мне всего-то потребовалось с платком наготове проследить за Вовой в умывальнике. Раздетый по пояс, без тени мускулатуры, этот великовозрастный ребёнок опять же полоснул себя от глаза до подбородка и забрызгал умывальник, пол и зеркало.

Чуть не до драчи я повздорил с Колей из-за гусиного яйца. Именно оно по науке требовалось для ритуала, и именно его обладателем я стал. На пруду за баней под тополем гуси с сельхозкомплекса повадились откладывать по ночам яйца. Я подметил эту их опрометчивость и ярким, запоминающимся утром разгрёб сухую прошлогоднюю траву в гнезде, сооружённом на скорую гусиную лапу, и обрёл тёплое тяжёлое совершенство природы.

— Брось его в дыру в караульном туалете и посоли сверху, — раскрыл мне специфичный рецепт Коля.

— Это на любителя, Коль, а я знаю, как вкуснее приготовить.

— Миша! Снова ты из-за ничего воду мутишь!

— Коль! Ты — призрак, тебе разрешается без еды, а мне, Илюхе и Косте это яйцо обеспечит полдня сытости.

— Мишань, плюнь на Колька. Сделай, как он говорит, — сказал редкое слово Гога, нервный, метавшийся призрак с большим животом, в котором томилась душа абортыва.

Последнее. Найти два ножа с белой и чёрной рукоятками. В качестве белого я согласился пожертвовать своим сувенирным ножиком с кусячками для ногтей (чем и был он мне дорог). Касательно «чёрного» ножа, Коля положил глаз на мой штык-нож № 1196027.

— На три дня закопай его в землю лезвием вниз! — умно распорядился Коля.

— Увы, с ножом придётся закопаться и мне, — вздохнул я.

— Бессмертный ты «дух»! — взъелся наконец на Колю Гриша. — Ты навсегда останешься «душарой»! Он и на секунду не имеет права расставаться с ножом!

— Да пусть не закапывает! — обиделся Коля. — Главное-то не это, а чтоб до ритуала не резали этим ножом старого перса или левитского звездочёта!

Глава 5

Ночь для магической церемонии выбирал я, не убивший ни перса, ни левита. Я оказался более убедительным, чем Коля с рассказами о фазах луны.

— Я пушу вас завтра с одиннадцати до часу к себе на первый пост. Возьму земли с КСП и посыплю её по ступенькам, чтоб вам можно было пройти в освящённое помещение. Начкаром будет Грибан, уставник. При нём никто не придёт ко мне спать.

— Возьми Атам! — Коля держался торжественно и строго. — Атам, а не Боллин! Нож с чёрной ручкой, сколько можно объяснять! Ага, вот. Бери теперь Сингулум. Где у тебя Сингулум? Как я не говорил? Верёвка с узлами! Ладно, я сам виноват. Черти ножом круги на глаз. Первый с радиусом 120 сантиметров, второй — 135, следующий — 150 и последний — 175.

— Спокойно, Коля! У меня глаз-алмаз! — задабривал я Колю, на ходу забывая важные цифры.

— Да будешь ты благословен, нож ремесла! — диктовал мне Коля. — Да будет так!

— Да будешь ты!.. — кряхтел я, чертя по полу лезвием магические круги. — Да будет так! Ух... Не всё ещё?

— Лепи из воска три куклы. Вомни в них истолчённые пряности, воробьиный мозг и соскобы кровей. Обязательно нужно преувеличить половые органы, чтобы было видно чрезвычайное половое возбуждение. А кто будет смеяться, тем лепи прямо на головах. Смеяться буду потом я.

Разминая воск, я ходил кругами, подпिनывая перед собой собачий язык, завернутый в бумагу, и пел гимн воробью как аналогу оленя: «Чёрный Бык Севера, Рогоносный, Тёмный Повелитель Гор и Долин, Принц Сил Земли, приди, мы умоляем тебя, и храни этот круг. Да будет так!»

— Хороший ведьмак, хороший, — подбадривал меня Коля.

Остальные призраки даже заплотировали мне (что было похоже на шелест листьев весеннего дерева), когда я зарядил футбольного пинка по свёртку с языком, ядрёно закончив последнее заклинание: «Аратор, Омнатор, Сомниатор, Инквизитор, Лапидатор!»

— Миша! А-яй! — укорил меня Коля. — Заставлю целовать оскорблённый предмет.

— Вы! Товарищ старший лейтенант, Александр и Юрий! — обратился Коля к трём добровольцам. — Приготовьтесь! Михаил вдавит в землю фигурки с вашими именами, и они вас позовут. Ваши действия: ныряете в землю и ищите каждый свою фигурку. Как найдёте, сразу не выныривайте, ройте землю пласт за пластом. Вы должны набраться глины, камней, песка, торфа, чтобы обрасти разными слоями новой плоти. Потом бегите к ножу с белой ручкой, Боллину, — я объясню Михаилу, где его воткнуть, — перепрыгиваете через него и забираете с собой. В дальнейшем, если захотите прекратить свои похождения, ударьте им себя, и тем самым вы освободитесь от тел. Знайте: вы станете людьми наоборот, с бьюю вместо удовольствия и с удовольствием вместо боли. Ясно всем?

— Ты нас в медуз не превратишь? — спросил Юра.

— Слушай теперь ты, Михаил, мой послушный ассистент! — проигнорировал Коля некомпетентный вопрос. — Ты забираешься в туалет, дымишь лавровым листом и молишься над поруганным яйцом: «Ветром ваши члены освобождаются, дыханием ваши рты открываются,

светом ваши глаза проясняются, я заклинаю вас, пробудитесь, поднимитесь...»

— Да будет так! — не утерпел я подсказать Коле.

— Молодец!

Спустя пять дней на периметре заходила земля. Несмолкаемым визгом залилась сигнализация. Часовой оператор не успевал выкрикивать номера срабатывающих объектов и участков. Тревожная группа, пристёгивая на бегу к автоматам магазины, подрывалась без передышек.

В час пятьдесят минут ночи часовой 3-го поста открыл огонь очередями по трём неуклюжим фигурам, ниоткуда взявшимся на самом открытом участке, где не росли ни деревья, ни кусты. Женёк Орлов, Орёл, младший сын вологодского охотника, как ему показалось, уложил в нарушителей все до одной пули, но те, не сбавив прыти, проломили забор и скрылись.

— Медведи, — исчерпывающе определил командир полка, приехавший утром из Электростали.

Женёк Орлов, убивавший с отцом не придуманных медведей, твёрдо и честно заявил начальнику базы, что отныне отказывается ходить в караул. Никто ни словом не осудил Орла. Не он ли сунул Малышу в глотку кулак и привёл его за шкурку в вольеры, откуда тот имел за радость убежать? Наверное, впервые немецкая овчарка Малыш, зверь с серьёзно повреждённой психикой, встретил сопротивление от двуногого мяса.

— Я, маленький, так волка из леса привёл, — пояснил Орёл.

Глава 6

Поднимались по тёмной лестнице на пятый этаж.

— Мужики, вы мне объясните наконец, что за квартиру мы должны взломать? Что за куклу найти? — ворчал отец Макарий. — Я, между прочим, уже отметил в здешней милиции.

— Не нервничай, — буркнул из-под капюшона Царь.

— Квартира-то жилая? Слышите ли? Кто мне скажет?

— Давно никто не живёт, — ответил Юра, прямой и несложный, как раньше, брат. — Люди расхотели в ней селиться. В ней бесы хозяйничают. Если чья семья въезжает, бесы стравливают мужей с жёнами, родителей с детьми, заставляют губить друг друга. В 93-м году в этой квартире жили молодые супруги, им хотелось больше гулять, чем нянчить детей. Договорились они, что он побьёт её, беременную, по животу. Побил, получился выкидыш. На них пало проклятие быть бесами, а выкидыша в морге зашили поступившему Гоге.

— Что, разве так делается? — пыхтя, спросил отец Макарий; его дыхание было не олимпийским.

— Рома! Или как тебя сейчас, Макарий? Макарка? — отозвался Саня Бондаренко из прелых тряпок. — Я двенадцать лет не живу, а могу догадаться, что таким образом избегают лишней возни с тельцами.

— Из наших вшили по плоду ещё Тарасу и Грише. Им выпало дополнительное проклятие носить чужих абортёшей.

— И при чём тут кукла, зачем она нам?

— Она в 93-м году была приготовлена будущими бесами для будущей дочери. Получив куклу, мы сможем освободить из Гоги несчастного абортывша.

Металлическую дверь Царь выгнул в полукруг тем же способом, каким любой пакостник вскрывает ни за чем в подъездах почтовые ящики. Вой встревоженного металла вспугнул отца Макария. Он прыгнул через лестничный пролёт бежать, но Юра его остановил:

— Догоню, выщипну позвонок из позвоночника.

Вступая в квартиру, отец Макарий поперхнулся от ударивших в лицо один за другим пыльных сквозняков. Прожевав скрипучую безвкусицу, он сплюнул сухими губами и огляделся. Впереди по коридору слабо белел низкий холодильник. Кухня. По правую сторону в тёмном комнатном проёме светил уличный фонарь, отражавшийся в стеклянной дверке серванта.

Включили в комнате свет, и куклу не потребовалось искать. Она в качестве незамысловатого украшения сидела на хлипком и низком столике. Типично советская девочка. Круглощёкая, розовая, золотые кудряшки. Зелёное платице с ромашками.

Отец Макарий шагнул к ней и завис ногой в воздухе. Сзади с топотом вбежали в квартиру молодые мужчина и женщина, упитанные и восторженные.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — воскликнула женщина, и у неё изо рта выпал длинный красный язык.

Она, ловко мотнув головой, как обычно женщины закидывают непослушные волосы, возвратила язык в рот.

— Мы погулять ходили! — оглушительно загомосил мужчина; он тоже выронил наружу воспалённый язык, но тут же торопливо заправил его обратно в рот пальцами. — Мы были у священного ясеня. Я сам в том году устроил капище! Уложил вокруг ствола камнями.

Отец Макарий, видя бесов, чуял холодок на висках — это седали его волосы.

Бесы оставляли пыльные следы от босых ног, и пыль же, словно морозный пар, клубами исходила из их лёгких во время речи. Одеты они были в домашнее, никак не для прогулок по улице. На женщине был халат с не повязанным на глобусном животе поясом. На мужчине — жёлтая рубашка без двух пуговиц посередине и широкомащтабные трусы до колен.

— Нам куклу надо взять, — выступил вперёд Царь, — дело в том, что...

— Мы всё знаем! Могильная земля слухами полнится! — перебила его женщина и так самозабвенно улыбнулась, что забыла подобрать вновь выпавший язык.

— Куклу мы не отдадим никому, — невнятно пробормотал мужчина, заблаговременно сунув в рот палец. — Я захочу — она вспыхнет и сторит за секунду. Недавно я так спалил пятерых африканских зомби. Не позволил им топтать землю моих пращуров.

— Мы же освободим вашу дочь! — возмутился Царь.

— Детей мы не признаём! Мы всегда в войне! — не вынимая пальца изо рта, ответил мужчина, — У нас нет ни минуты спокойствия. Мы бьёмся то со стаями азиатских ящуров, то с джинами Шайтана. Эти паразиты сейчас повсюду.

— Вы же сами нечистая сила! — заметил Царь. — Из-за чего вам с другими бесами враждовать?

— Нечистая нечистой рознь! Мы воины Чернобога, исконные, родные. Всё равно, что Баба-яга с Кощеєм.

— И мы не просто бесы, а поганые бесы. Поганцы, погане, как прозвали нас тысячу лет назад вот эти! — дополнила женщина и кивнула на отца Макария.

— Мы и вашему брату даём жару! — Мужчина сжал в кулак свободную руку. — Вчера, к примеру, ночью, в вашу Пасху, идём мы мимо церкви, смотрим, перед воротами стайка херувимов прыгает. Я с себя медвежью шкуру снимаю, в которой хожу на сражения, накрываю ей стайку, и два херувимчика-голубчика попадают. Дома общипали их и пожарили с чесноком. Не хуже щей из мошей.

— У него деньги есть? — неожиданно спросила женщина Царя, указав глазами на отца Макария.

Царь пожал плечами, а Юра подтолкнул отца Макария в плечо:

— Братишка, есть деньги?

— Сколько надо денег? — опередил отца Макария Царь. — Называйте цену.

— Не-не! Куклу мы продавать не будем. Пусть ваш поп-папуас за водочкой сходит. Посидим, побеседуем. Может быть, подружимся.

— Братишка! В магазин — бегом!

Отец Макарий кивнул и — не медля, прочь из квартиры.

Бегом? Конечно бегом, но безвозвратно. Эти знакомства добром не кончатся. На душу наплевать, ей так и так прямиком в ад, а тело надо выручать. Оно ещё погуляет, поест и попьёт. Лишь бы не в компании с бесами, которые хотя и врут про себя на каждом слове о своих злодеяниях, но чем черти не шутят?

Длинная тяжёлая ряса, подрясник, сверху кожаная куртка, зимние на меху ботинки. Мудрено ли, что вспотели даже живот и колени, а за ними — борода и уши. Лёгкие превратились в горящую колёсную покрывку. Закоптились горло и нёбо. Несчастное сердце билось в огне и дыму за рёбрами, молило спасти.

Куда? Через забор — в детский садик, в избушку на курьих ножках. И не дышать! Кровь в венах остановить, чтобы не журчала.

Отец Макарий свернулся в уголке избушки и сдвинул зубы, унимая вырывающееся из груди пламя. Снаружи слышно пробежали звериные лапы. Отец Макарий нащупал под тканью крестик и сжал его так, что треснули кудри на груди. Животное obeжалo избушку кругом и остановилось напротив лесенки.

— Макарка! Покусаю! — голосом Сани Бондаренко сказала животное. — Выходи.

Лапы избежали по лесенке, и в избушку сунулась волчья морда с пустыми впадинами на месте глаз.

— Макарик, — улыбнулась чёрной пастью морда, — тебя только за смертью посылать. Поехали — подвезу.

— Убили бы сразу, черти злые! — проворчал отец Макарий, разъярённо выдёргивая сигарету из пачки.

— Не ругайся. Залазь, поехали.

Отец Макарий решительно втянул в себя прикуренный фильтр, недоумённо поморщился и вышел из избушки.

— Едем! Хоть к дьяволу! Колебись всё!

Скакал ночью по городу поп верхом на оборотне. Борода, не по годам седая, металась по плечам. Ему стало смешно и не страшно. Жизнь кончилась, а смерть пока не наступила.

Глава 7

— Ты пей, мы потом, — отказался от водки мужчина-бес.

Отец Макарий, вдруг расхотевший о чём бы то ни было спорить с бесами, налил в один стакан.

— Несчастий вам побольше и всего-всего наихудшего! — спокойно, с расстановкой произнёс он, поднося стакан ко рту. — Будьте прокляты!

Мужчина разразился хохотом, а женщина пустила по щеке зелёную слезу.

— Приятно! — одобрил тост мужчина. — Сердечно!

— Скажи ещё раз или запиши нам! — всплакнула женщина.

Отец Макарий, не церемонясь, налил второй стакан.

— Гореть вам в аду! Черти бы вас подрали!

Выпив, он отвалился на спинку рыхлого стула, в голове зашало.

— Расскажи нам что-нибудь о себе! — попросила женщина, размазывая по лицу слезную зелень.

— Я начну рассказывать, вам, чертям, тошно будет.

— Давай! — обрадовался мужчина. — Нам хорошо, когда тошно.

— Я ведь расстрига, распопа, меня поганой метлой из монастыря вывели, — улыбнулся отец Макарий. — Я двадцать тысяч прогулял, которые мне настоятель поручил отвезти в детский дом.

Бесы, рассмеявшись, захлопали в ладоши.

— Я семь лет никем езжу по стране, детей крещу, покойников отпеваю, освящаю дома, собираю деньги на строительство храмов. Я иконы по деревням воровал. Меня в дома, как родного пускали, а я иконы уносил. Деревенских старушек грабил. У одной ночевал, она мне за чаем рассказала, что прячет золотой оклад из разорённой церкви и ждёт знамения, чтобы передать в какой-нибудь храм. Я спросил показать — не показывает. Полотенце в трубку скрутил, повязал ей на голову, вставил скалку и закручивал, пока у бабки кровь из ушей не пошла. Отдала оклад.

Отец Макарий вспомнил о сослуживцах и брате, оглянулся на них... Они сиротливо стояли у стены и хмурились пустыми глазами.

— Разочаровались? — спросил он их. — Я не тот. Не помощник в хороших делах.

— Да! Что уставились на человека?! — твякнул бес на оборотней.

— Миленький, допей бутылочку, — мяукнула женщина отцу Макарию, — а потом мы с тобой выпьем.

В её словах была не ясная ошибка: как они выпьют с ним, если приходится долить последнее? Однако отец Макарий раздумывать и расспрашивать не хотел, он налил и выпил.

— Вот теперь бейте его в нос! — крикнула женщина оборотням. — Бейте в нос!

Оборотни глянули на неё округлившимися глазами.

— Не стойте, бейте!

— Не будем! — ответил ей Царь.

— Вам кукла нужна? — пояснил мужчина. — Мы выпить хотим.
— Рехнулись тут все?! — приподнялся из-за стола отец Макарий. — Меня-то спра...

Он не досказал, к нему приступил брат Юра и жёстким кулаком двинул в нос. Вышло сильно, до потемнения в глазах.

— Что ты делаешь, Юрик! — рассердился Царь. — Макарку бесам скармливаешь!

Бесы уже ползали по полу и насухо вылизывали капли, сыплющиеся из носа отца Макария.

Отец Макарий согнулся, чтобы не запачкать рясу. Прослезившись от удара, он глядел исподлобья на Юру.

— Спасибо, братишка. Метко попал.

— Смотри, куда капает! — дёрнул за полу рясы мужчина-бес. — Капай поровну!

Отец Макарий звучно плюнул на бесов, размазал ладонью кровь по усам и выпрямился.

— Хватит с меня!

— Как же! Мы только начали, — обиделась женщина. — Мы ещё из брови выпьем. Эй, бейте его в глаз!

Отец Макарий пронзительно глянул на оборотней и выставил вперёд руку с распыленной пятернёй.

Саня Бондаренко оглянулся на Царя и на Юру, они промолчали. Он двинулся на Макария.

...Отец Макарий устоял, схватившись за край стола. Левому глазу стало тепло, мокро и неудобно. Слух уловил всплески падающей на пол водички.

— О, крепенькая кровушка, с градусом! — похвалили снизу, шурша по полу языками. — Вы там даром не стойте, бейте его по зубам, чтоб из губ потекло.

— Я сказал — хва... — взвизгнул отец Макарий и громко чмокнул от удара.

Он упал на четвереньки, головой к головам лакающих бесов. Судорожно дыша и жмурясь, чтобы не видеть набегающую под собой красную лужицу, он вспомнил, как раскидывал пятерых бродяг, с которыми решил заночевать на чердаке и которым нечаянно выказал коробку с серебряными крестиками и цепочками. У нападавших были кирпичи и железные прутья, но он не получил ни единого синяка, потому что силой и дурью обладал медвежьими. Вспомнил, как в новгородской милиции высадил решётчатую дверь. Как в тульском баре одним ударом уронил бандита по кличке Носорог, который распорядился: «Э! Бородатый в чёрном платье! Забирайся на сцену. Пой мне “Мурку”». А сегодня — избивают, как ребёнка.

— Хватит... тьфу... мужики... ей-богу...

— Не плачься, сейчас по последней и заканчиваем, — пообещали бесы. — Бейте его по бокам, чтобы из лёгких стал брызгать.

— Господи, помилуй! — тонко взмолился отец Макарий. — Давайте поговорим! Я анекдотов про попов тыщу знаю!

Бух! Бух! Бух! Кх-х... Бух! Бух! Хё-ё... Бух! Кху... Брль...

— Юра! Юр! Убьёшь! — вступился Царь.

Отец Макарий лежал щекой на линолеуме. Близко, перед самыми его глазами, прыгали два длинных языка. Бесы от жадности спешили,

захлёбывались. Кашляли. Вылизав линолеум до блеска, до отражения лампочки с потолка, они уселись на полу, опьяневшие, утомлённые.

— Берите! — махнула женщина рукой в сторону комнаты, где находилась кукла. — Но её только человек возьмёт. От рук нечистой силы она сгорит.

— Ромик! Вставай! — без лести ласково сказал Юра, поднимая под руку брата. — Прости меня и нас.

Со слипшейся бородой, обвисшими усами, поддерживаемый Юрой, отец Макарий добрёл до стола в комнате и хотел сдёрнуть куклу за волосы, но руку вдруг убрал, ожёгшись. По комнате пахло палёной синтетикой.

Уже аккуратнее, кончиками пальцев, отец Макарий тронул куклу за пухлую её руку, но снова отпрянул. На пластмассовой руке появились вмятины, как от горячего железа.

— Не далеко ты от нас ушёл, Макарка! — проворчал Юра, меняя имена брата по настроению.

Отец Макарий крестился и пять минут невнятно бубнил себе под нос вспухшими губами. Затем осторожно коснулся ромашкового платя. Ткань начала тлеть и дымиться.

Дольше и громче отец Макарий бормотал молитвы и, крестясь, скрипел зубами, но, увы, от нового прикосновения по пластмассе побежал синий язычок пламени, который с трудом отец Макарий заплёвал сукровицей.

До утра он молился и пробовал взять куклу, поджигал и плавил её. Ослабев и сдаваясь, он лёг грудью на стол.

Он не заметил, что его львиную гриву притянуло к кукле, будто статическим электричеством, и волосы плотно оплели игрушку.

— Рома! — позвал Царь.

Отец Макарий распрямился, и кукла упала ему в руки. Не вспыхнула, а сладко закрыла синие глаза.

Глава 8

Я заходил к ним в увольнениях. Они поселились в одной из землянок, которые во множестве тянулись вдоль болотины по направлению от леса к городу. Сталин, и. о. Бога на земле, ниспослал сюда рабочих строить новый русский город, и они-то и жили в этих землянках.

Землянка оборотней и священника была выкопана в склоне холма над ручьём. Имелась дверь, торчала из земли труба. Внутри об эпохе индустриализации не говорило ничего. Только что среди скудного хлама я нашёл самодельный портсигар с отчеканенными на алюминиевой крышке Лениным-Сталиным и надписями «Россия» и «СССР». Я взял портсигар себе, и он до сих пор у меня.

— Знакомьтесь! — представил мне Царь большого батюшку с битым лицом. — Роман Филин, брат Юры. Ныне — отец Макарий.

— Мы, Мишк, стали популярными, — улыбнулся мне Юра, аппетитно жуя с открытым ртом оконное стекло, которое откусывал от солидного осколка, — в день не по разу приходят нас вербовать. Сегодня вот, до тебя, приходили три кавказских демона, здоровые, чёрные, с острыми железными крюками вместо носов. Говорят, к ним пойдём

в помощники, будем жить в дворцовых залах и пить коктейли из женского молока и крови девственниц. Мы им в ответ чуть носы покривили, а главному нос совсем выдернули и вставили железнодерожный костыль. Получился Буратино.

Как-то я забежал к ним, когда отец Макарий громко читал молитвы. Юра хлестал себя по спине железным ломом. Саня Бондаренко бился головой о притащенные откуда-то тиски. Царь грыз и глотал змею. То происходила «служба на дому» по желанию оборотней.

Осенью оборотни водили меня в свой туалет. За весну и лето под молитвами отца Макария оборотни проели в земле замковые пространства. Из землянки мы спускались тоннелем по костоломной лестнице, сложенной из каменных валунов. Во время спуска я старался не тратить на впечатления, и поэтому глубину тоннеля я с ужасом ощутил, когда мы вошли в отхожий зал, который размерами был сравним с закрытым теннисным кортом. Посреди зала мерцал золотой стадион. Зал освещался от просыпанных там и тут мерцающих угольков, которые Юра выпросил у чёрта-кочегара из ада. От увиденного впечатлительность моя вспыхнула и сгорела быстрее спички. С сухой гарью в горле я задал глупый вопрос, где они взяли столько золота.

— Михаил, мы наоборот во всём, — ответил Царь, с укоризной сощурился на меня глазами. — Мы питаемся стеклом, камнями, пьём песок, а не воду. Я, например, люблю похрустеть ржавым железом, а Саша обожает всякую химию, может залпом утомонить банку старой краски или лака. Юра автомобильные покрышки ест вприкуску с кирпичами, вместо хлеба. Алхимия, брат!

На поверхности я задал ещё один пикантный вопрос:

— Что бы вам не дать золота стране, если оно так просто достаётся? И мне бы горстку.

— Ценю, Михаил, твои сердоболие и скромность! — ответил Царь. — Видел бы ты! Сейчас же всюду бесы. Ты копейку роняешь — уже бежит чертёнок схватить её и обсосать. Правда, если копейка трудовая, выплунет. Черти сосут деньги, как леденцы, любят жир с человеческих пальцев, любят деньги, подмоченные нервным потом. Мы и моргнуть не успеем, как орды нечисти организуют вокруг дармового золота человеческую бойню, чтобы приперчить и посолить его. Пусть в стране будет честное богатство, чтобы чертям не на чем было лакомиться. Также и тебе горстки не дадим, тебя же ради.

Глава 9

Среди людоедов попадают не удачники и изгои. Грязный старый цыган в кожаной кепке скитался по парикмахерским и крал волосы из мусорных вёдер.

Перед отцом Макарием он присел, снял кепку и залепетал:

— Каюсь! И в живности своей, и после — грешник я. Но при жизни, что ни праздник — я в церкви! Спасался, как мог.

Переведя внимание на оборотней, он надел кепку, приподнялся на цыпочки и выпятил дохлую грудь.

— Я красивый? Не очень старый? Когда-то я был крепче вас и кушал только спортсменов. Лет пятнадцать назад бары и рестораны были под моим контролем. Мне долго служил прижизненный авторитет

исполнителя цыганского джаза. Я ссорил ребят в кожаных куртках, и потом мне оставалось лишь проследить, куда на природу свезут свежую тушку бывшего боксёра или штангиста. На прудик, в лес или в овражек. Меня зовут Павел Шахновский! Вы слышали мой джаз? Вы вообще слышали цыганский джаз? Ну, слушайте!..

— Павел! Павел! — пресёк джаз Царь. — Лучше потом соберёмся и послушаем, как люди! Павел, помогай. Мы молодая нечистая сила, мало кого знаем, помогай. Чистая душа нужна.

— Зачем?

— Мы собираемся в Кайфу, а он — живой, — Царь указал на отца Макария. — Ему надо без последствий умереть.

— Как это? — открыл рот отец Макарий. — Вы говорили, мы за лекарством пошли!

— Макарка, не перебивай! — грубо оборвал его брат Юра. — Жив ты будешь, в конце-то концов!

— Вот вам душу чистую надо, а вы не думаете, что Бога может остаться мало? — вытаращив глаза, зашептал цыган. — Души — это частицы Бога, и если тратить их зря, Он и кончиться может!

— Павел, не умничай, — добродушно усмехнулся Царь. — Я в школе физику учил. Там закон есть, что рассеявшееся вещество рано или поздно вернётся в прежний объём. Например, улетят духи из открытого флакона, но спустя миллион или сто миллиардов лет вернутся обратно во флакон. Так и Бог, Павел. Все прежние души соединятся в одно и будет новый Бог!

Цыган, слушая Царя, вздрогнул и огляделся по сторонам.

— Найду я вам чистую душу, — шепнул он. — В качестве платы возьму бороду и волосы вашего телёночка. Я мало прошу. Так бы взял всего, но, видно, он вам самим нужен. Добрый телёнок.

Первым понял выгоду предложения опять же Юра. Он ухватил брата за бороду и потребовал:

— Макарка, ищи чем резать, а то вырву!

Отец Макарий закрыл от стыда глаза. На ресницах у него блеснули по-детски злые и бессильные слёзы.

Цыган в виноватом поклоне протянул Юре опасную бритву с янтарной ручкой.

— Павел, объясни-ка нам дорогу в Кайфу, — попросил Царь, крутя в руке пузырёк из-под валокардина с якобы чистой душой внутри.

Цыган искренне рассмеялся полным ртом. Приставив ладонь к подбородку, ловя прожёванные волосы, он пробормотал:

— В Кайфу никто не знает дороги. Простая нечисть не вхожа в Кайфу. Только Комар может знать, он жил в Кайфе, его выгнали оттуда.

Глава 10

Ни с какого бока Комар не походил на одноимённое насекомое. Рыжий толстяк в серебристом плаще с коричневым портфелем в руке.

— Что вы мне предложите покушать? — улыбнулся он шире плеч.

Царь коротким движением руки показал на отца Макария, который облокотился о берёзу и курил, отрешённый от происходящего.

Остатки его бородки и короткая прическа торчали неухоженно и диковато.

— Наелся я таких пакетиков быстрого приготовления! — Комар, демонстрируя нетерпение идти, покачал портфелем. — Мошенниками с пропитыми печёнками я сыт по горло. Вы мне найдите пусть не святого, но просто порядочного священника, тогда поговорим о Кайфе.

— Кто я?! Пакетик?! — резко рванул к Комару отец Макарий. — Всякая нечисть будет обо мне ещё судить?!

— Ты что, неужели святые подвиги вершил? — рассмеялся Комар, не испугавшись наступления. — Расскажешь мне, может быть?

— Я при банде московских убийц служил, и не за деньги!

Комар перестал смеяться и прекратил качать портфелем.

— Расскажи, послушаю.

Отец Макарий, кривя лицо, вернулся к берёзе, оперся об неё спиной и широко расставил ноги.

— Три менеджера, бухгалтер и исполнительный директор торговой фирмы. Молодые, хорошо зарабатывающие парни... — без пролога и вступления начал рассказ отец Макарий.

Я появился среди них, когда им уже наскучил даже разврат. Вечерами после работы они встречались, чистенькие, вежливые, садились в машины и ехали искать несчастных.

Я познакомился с ними на освящении новой БМВ, которую купил Альберт. Тот, что исполнительный директор. После освящения поехали в «Прагу» и подружились. Спустя неделю дружбы Альберт предложил мне: «Дружище ты наш алкоголический! Отче! Поехали сегодня вечером отдыхать по-нашему!» Я согласился и поехал с ними на Москву-реку, где в районе Тушино мои молодые приятели упражнялись ножами над пьяненьким рыбаком. Рыбак, щуплый мужичок в кепке «Аэрофлот», читал стихи Гумилёва, пел что-то оперное на итальянском и обещал показать, как он изъясняется на пяти языках. Тем не менее пощады он не вымолил. На обратном пути менеджер Боря спрашивал меня: «Не понравилось? Мне и самому сегодня не очень. Не надо было ему в печень попадать, он бы дольше пел».

С того дня я вызвался бывать у них на всех вечерах отдыха. Брал с собой дарохранительницу и причащал тех, над кем развлекалась деловая компания. Мне всегда предоставлялось время для причащения. Компания не торопилась с концовками: то долго ломали кости, то по очереди душили, то палили паяльной лампой. К тому же они увидели особенную изюминку в проводимых мною таинствах. Правда, не всегда сами люди соглашались на причащение и проклинали меня наравне с компанией.

В Строгино на свалке они расстреливали из пневматических пистолетов старика с фронтовыми медалями. Я попытался подойти к нему, но у него хватило проворности и сил, чтобы схватить обрывок ржавой колючей проволоки и стегануть меня по лицу, назвав шакалом. Вот, смотрите, шрамы на щеке остались. Заканчивал тогда веселье Альберт — из боевого «вальтера».

Дети не понимали, что я делаю и для чего. Я просто клал им в роттики кусочки просвирок и вливал со лжицы вино. Помню, девочка лет шести,

которую компания вывезла в лес по Питерской трассе, сказала мне: «Боженька, меня Аня зовут. Эти дяденьки меня не съедят?» Они захлестали её ремнями. Я, зажимая уши, уползал на локтях.

Я не брал от Альберта никаких денег и не ел с ними за одним столом. Однако не старался и разубедить их. Они бы и не стали слушать, это была война богатых с бедными. В то время я ещё имел сан. В итоге я помог... отслужил для сорока восьми человек.

— Альберт, говоришь? — рассеянно спросил Комар. — История твоя мне понравилась, хотя она, конечно, не есть житие преподобного. И вообще, она спорная и никакого подвига не было, но лад с ним. Задирай подол!

Комар двинулся к отцу Макарию. По пути он расстегнул свой портфель и, поворошив в нём рукой, извлёк странный инструмент, представлявший собой тонкую, стройную берцовую кость, нежно белую, с вырезанными по ней то ли арабской вязью, то ли письменами на иврите. С одной стороны кость имела острый косой скол, отчего была похожа на громоздкую медицинскую иглу.

— В клиниках липосакция стоит уйму денег, так что подсчитывай выгоду, — обольстительно улыбнулся Комар, поглаживая отца Макария ладошкой по круглому животу.

— Всё? — спросил Царь.

Объевшийся Комар выдернул окровавленную кость из-под рясы отца Макария и, тяжело дыша, встал с четверенек.

Оборотни отпустили руки и ноги отца Макария, и он остался лежать кверху лицом, худой, потонувший в рясе, как в луже мазуты.

— Погляди на себя! — сказал сверху Комар. — Помолодел, подтянулся! Стройный, как принц!

— Сожрал его да ещё смеёшься! — осерчал Царь. — Говори, где Кайфа.

— Ушёл бы и не сказал ничего вам, наивным, — сказал Комар, — но по случаю, что среди вас есть друг короля Кайфы Альберта...

Глава 11

Отца Макария мучило почти смертельное давление. Комар высосал из него весь жир, отчего, к примеру, кожа у Макария стала тоньше папиросной бумаги. Выпали волосы, вплоть до бровей и ресниц. Неделя он лежал в землянке, мало напоминая живого человека.

— Доставим его в Кайфу с шиком, — сговорились оборотни и устроили себе командировку в столицу, где разворотили по ювелирному и вещевому магазину.

Землянку пришлось расширить, чтобы нагромоздить её добытыми костюмами. Один угол завалили несколькими пудами золотых украшений. Отец Макарий, зелёный от недуга и злости, не смотрел ни на что.

— Ромик! Братишка! Макарик! Поешь! Что тебе принести? — услужливо спрашивал Юра.

Юра разобрал найденный тяжеловесный вентилятор 1956 года производства и из его самолётного мотора изобрёл мощную татуировочную машинку. Он принялся писать на себе думающие письма. Так, на

левым плече он выколол ртутью: «Не жалею, не зову, не плачу...» — и буквы этой надписи смешались, завихрились, и потом различными стали чьи-то овеваемые ветром волосы. Юра считал, что напрочь забыл лицо Тани Беляковой, но, оказалось, помнил её волнистые волосы.

Как шпаргалку, он наколол на ладони: «Ты жива ещё, моя старушка? Жив и я. Привет тебе, привет...» Наколол и ни разу не смотрел. Но после этого ладонь его постоянно мокла и с неё, не переставая, текли прозрачно-голубые капли. В одну из последних наших встреч я видел Юру, расписанного с головы до ног. На одной только его груди мультики сменялись сериями. То появлялась усатая кошачья личина, то замахающийся в упор мальчишка, напоминающий лицом брата Рому, то горел костёр, то высвечивалась строчка: «А пока мы ещё дети, нам расти ещё расти, только небо, только ветер...»

— Макарка! Две недели прошло! Я думаю, ты уже притворяешься! — менее почтительно взывал Саня Бондаренко.

Саня занимался тем, что высекал на себе ножом атлетические формы. Он считал, что было бы желание, и не очень задумывался над техникой скульптуры. Лучше всего у него удавались шаровидные формы, и от их избытка он сделался похожим на гусеницу.

— Роман! — веско доносилось от Царя. — Подъём, боец!

Царь часами не двигался, сидя на табурете. Из ступней его ног прорастали семена трав, и он время от времени был вынужден с треском отрывать ноги от земляного пола.

Отец Макарий поднялся с лежанки голый, страшный и восхитительный. Под кожей сочились волокна мышц и лунным камнем отливали костные суставы. Из рюкзака, с которым он приехал в Огнегорск, он вынул бутылку церковного кагора, до дна опорожнил её из горлышка, и лишь лёгкий румянец выступил на его впалых щеках.

Из груды нарядов он выбрал древесно-коричневый костюм. На шею повесил двадцать килограммов цепей. На запястья нацепил по пять килограммов браслетов. На пальцы надел перстней и колец столько, что это выглядело громоздкими кастетами.

Глава 12

Шухрат ценил свой запах и свою безопасность. Он чувствовал себя могучим мужчиной, когда из-под воротничка вдыхал собственный давнишний пот, и помнил, что в багажнике лежит АК-47, а в бардачке — «ТТ».

В Москве он собрал выручку с пяти своих игровых клубов и спешил на «хаммере» по ночной трассе в Суздаль, где друзья приготовили ему девственниц Марину и Дашу. Вкусы у Шухрата были нежные, утончённые, ради их удовлетворения он не жалел времени на дорогу.

Шухрат не сразу удивился, что вровень с ним бежит по дороге невиданно большой пёс. Лишь глянув на спидометр, он вспомнил, что за окном машины 180 км/ч, но лишне размышлять не стал, а топнул на газ. Доведя стрелку до 220, Шухрат поинтересовался псом и застонал от огорчения. Пёс бодро прыгал, задрав заднюю лапу, и точной струёй поливал окна «хаммера».

Шухрат, как мог, скоро остановил машину и выскочил с взведённым пистолетом. По вине героина, введённого полчаса назад под язык, он не сообразил, что сверхскоростной зверь среди ночи не к добру.

Случилось же, что не позже чем спустя минуту Шухрат как-то без грусти смотрел вслед уносящейся машине. Он стоял на полусогнутых ногах с приспущенными штанами и боялся поглубже вдохнуть или хуже того — кашлянуть. Понимал, что выстрелить не успел, а курок у пистолета взведён.

Тройка оборотней, превратившихся в гигантских волков, мчала к Москве, а пристёгнутый к ним тросами «хаммер» трепетал на ветру, как щепка. Красными углями вылетали из-под их когтей куски асфальта. Отец Макарий сидел на водительском сиденье, озираясь на происходившее снаружи. Лес по обеим сторонам дороги округлился и создал собой долгую арку, чему виной была нереальная скорость, изменявшая оптические свойства предметов. Из потаённых проёмов в стенах арки выглядывали сказочные существа.

Строгим взглядом провожал «хаммер» леший в душегрейке, а за его спиной мерцали глаза немцев в касках. Больше полувека назад этот леший по имени Поклеван сказал сатане: «Сдался ты мне! Я старше тебя, и я русский. Не буду я в стороне!» Он вышел из леса на немецкий разведотряд и порвал всех, а души увёл с собой, поучая: «Хотите — держать не буду, идите к дьяволу». С тех пор немецкие души ходили за русским лешим, как несмышлёные дети.

Выглядывали и торопливо прятались животные. То единорогий лось, то кабан в бронзовой чешуе, то медведь с львиной пламенной гривой. Низко перелетали через дорогу совы с человеческими руками вместо лап.

Тройка свернула с асфальта и помчалась по открытому полю. «Хаммер» планировал по воздуху, лишь слегка касаясь колёсами весенней травы. На горизонте проявились очертания строений. Отец Макарий вынул из кармана пиджака пузырёк, впихнул его в рот и ударил снизу по челюсти, словно бы колол орех. И вовремя!

...Замок с мраморными колоннадами и тридцатью пятью камерами видеонаблюдения во мгновение ока — пал... Хозяин, кутивший возле кованых ворот, не успел и вздрогнуть. Он оглянулся, когда мягко оседала пыль, а гром катастрофы уносился к самой Москве.

Глава 13

Город Кайфа был основан в 1997 году в дачном районе Подмосковья. В трёхэтажном доме с трёхэтажным подвалом грешный мальчик по имени Альберт принял в гости дьявола. Озабоченный недугом, испытанным прежде Фредди Меркюри, Альберт договорился с рогатым духом, что тот по наступлении рокового часа дарует ему, Альберту, свободу, не задержит у себя. Альберт очаровал рогатого проектом того, о чём мечтали испокон времён все злодеи, — забирать с собой в могилу накопленные богатства. Ударил Альберт и рогатый по рукам, что на земле появится колония от преисподней, где заместником его дьявольского величества станет он, Альберт.

Альберт превзошёл надежды рогатого. Он провозгласил Кайфу независимой от ада, стал сам подписывать с людьми контракты и по своему усмотрению заселять Кайфу грешными душами. Вскоре дошло до того, что приходили с поклоном черти и несмело просили Альберта отдать в ад того или иного злодея, чтобы по вековой справедливости посадить его в чан. «Что, мой сладкий? — встречал Альберт подобострастного чёрта. — Мишу Ромба вам отдать? Забудьте! Мельцина? Пошёл вон, огрызок!»

Однажды дьявол попробовал погубить Кайфу, устроить в ней мятеж, завербовав с этой целью кайфовца по имени Комар. Однако служба безопасности Кайфы вычислила смутьяна и депортировала его вон.

Отец Макарий въехал в Кайфу целый и невредимый, хотя, проламываясь из одного мира в другой, пришлось на мгновение погибнуть и расстаться с приготовленной душой.

Отряхнуться от железных опилок погубленной машины ему уже спешил юноша с ухоженным лицом конченного гомосексуалиста.

— Господин! — Юноша сделал реверанс до земли. — Вы неожиданно! Никто не ожидал! Очень смело — вы повредили границу. Позвольте быть вашим рабом!

Отец Макарий внезапно испытал нетерпение ударить его тяжёлой, в браслетах и кольцах, рукой. Юноша, угадав, для чего над его головой взмахнула золотая рука, упал на колени и навзрыд заплакал.

— Я недавно в Кайфе! Не терзайте меня, я буду очень хорошим!

Сбросив с себя тросы, подошли оборотни, принявшие человеческие облики. Юра наступил юноше на затылок.

— Веди нас к Екатерине с Альбертом!

— Екатерина с Альбертом наши король и королева! А я обычный гей. По знакомству в Кайфе. Меня сразу в ад, если что не так.

— Да перестань ты, мужик! Мы тебя не подставим, — вступился Царь. — Юра, убери ногу с человека.

Юра повиновался просьбе Царя и снял ногу, но при этом провернул ею с усердием курильщика, давящего окурки.

— Как звать-то тебя, милый? — спросил у юноши Саня Бондаренко.

— Венер, — виновато ответил юноша.

Шли по широкой улице мимо немыслимых дворцов, и Венер, подобострастно заглядывая в глаза отцу Макарию, рассказывал:

— Вот посмотрите, господин, в этом доме с позолоченным забором в реальной жизни живёт гениальный продюсер многих гениальных музыкантов, а в измерении Кайфы этот дом занимает гениальный бард, который похоронен на Ваганьковском кладбище. Конечно, он немного недоволен, потому что до смерти жил на Арбате, но Кайфа молодая и скоро будет намного лучше. Скоро Альберт добьётся того, что гении после смерти смогут оставаться по месту жительства и будут пользоваться дипломатическим иммунитетом Кайфы. Также к Кайфе скоро отойдёт Рублёвка и несколько районов Москвы с высотными домами. С преисподней Альберт сейчас совсем не считается. Поселяет в Кайфе даже тех разных гениальных бизнесменов и политиков, у которых души были проданы дьяволу и десять, и двадцать, и больше лет назад.

Кайфа хороша ещё тем, что в любое время из неё можно выходить в реальный мир. Я вот до сих пор встречаюсь со своими любимыми,

и они даже не знают, что я умер. Серёжа, Стасик, Димчик... Мы пришли. Резиденция Альберта и Екатерины.

То был вопиюще бессмысленный и бешено богатый дворец с готическими арками, ангарной круглой крышей и причудливой лепниной в стиле барокко. Венер провёл гостей по цветочному саду и без стука отворил им незапертую дубовую дверь.

— У нас, как коммунизм, — сказал он, — двери не запираем, никого не боимся.

— А мы не страшные? — спросил Юра.

— Нет. Я хотел вас сразу из Кайфы вышвырнуть, но Альберт желает видеть это ничтожество, — Венер кивнул на отца Макария. — Говорю один раз: не разбегаться, не драться, слова не кричать. И запомните, за хамство я вас не прощу.

Венер переменился в голосе одновременно с тем, как отворил дверь в просторный холл, в глубокой темноте которого мерцал телевизор и шли новости про попытку взрыва Чубайса.

— Ваше королевское! — развязно кликнул с порога Венер. — Вот они, налётчики. Вежливости не понимают, я бы порвал их. По-моему, они случайные проходимцы. Ни небо, ни ад таких не пошлёт.

— Спасибо, Нерик, — мягко отозвался от телевизора голос, — пойдёшь, отдохни. Я сам поговорю с ними.

Венер ушёл и закрыл за собой дверь, а в холле зажёгся свет. Строгий худой старец поднялся с дивана. Спутанные его волосы отливали седой голубишной, а на худых плечах была белая рубаша с косым воротом.

— Садитесь, милые, — тихо предложил он, указывая на мраморный низкий столик.

Отец Макарий с вниманием рассматривал старца и осознал, что видит его впервые. В это же время Царь любовался красным офицером, стройно затынутым в португальскую, скрипящим хромовыми сапогами.

Саня Бондаренко видел бритого с битой атлетического парня, а Юра — есенинского юношу, рассеянного и золотавласого.

Сели за стол и хозяин тоже.

— Хорошо, что я дождался вас, — сказал он, представляя старцем для отца Макария. — Такие, как вы, должны были прийти рано или поздно. Я бы сам порушил Кайфу, если бы не знал, что она значит. Мне разве не тяжело? Собрал самых проклятых злодеев и золоторных типов, как тот же Венер, которого вы уже посмотрели. Но пусть они себе роскошествуют, сколько не успели при жизни. Наступит час, когда они пресытятся, и я донесу до них — Слово! Они переродятся в ослепительных ангелов и двинутся на Москву, зная, кого по справедливости и без жалости карать.

Почти то же говорил офицер Царю, пользуясь лишь иной фразеологией. Злодейские души он называл агентами, которые в нужный час получают приказ пойти против своих же, но живых.

Саня Бондаренко и Юра слушали чужь про восстание душ, доказуемую цитатами из Ленина, что революции нужны сволочи.

— Я очень неучтивый! — перебил себя многоликий хозяин. — Не угостил, а уже угнетаю своими проектами. Екатерина!

Гости замерли. По массивной витой лестнице со второго этажа спустилась... княжна в долгом изумрудном сарафане и красным платом на

плечах... девушка с косами и в ситцевом домашнем халатике до колен... и одна для обоих — Сани Бондаренко и Юры — девчонка с рыжим фонтаном на голове и в кроссовках.

Екатерина покорно исполнила пожелания гостей, принесла оборотням бокалы с уксусной и синильной кислотами, а отцу Макарию коньяк. Хозяин же принял с подноса стакан с красным вином, очень красным.

— Я знаю о вас, — глотнув вина, сказал он, — вы армейские страдалыцы, знаю. Служба информации в Кайфе работает на высоком уровне. Хотите, почитайте последние два номера нашей газеты «Между», в них статьи о вас. Я сочувствую вам и поэтому распорядился не останавливать вас на пути в Кайфу, пусть это и стоило хорошего дома и повреждения границы. Я вижу в вас достойных борцов со злом. Я обеспечу вам политическое укрытие в Кайфе, и вы будете иметь возможность беспрепятственно выходить в ночную Москву с кинжалами под плащами. Впрочем, я далеко забежал. Вам нужна игрушка. Катя, принеси и счастливо расстанься с ней!

— Ошибки, ошибки, — умудренно pokrutil головой хозяин. — Давайте вместе простим её! Как Марию Магдалину. Да и удивишь ли кого сейчас десятью абортами, а десять лет назад Он насрал на неё проклятье.

Екатерина вернулась с пластмассовым пупсом в руках. Она передала его отцу Макарию и отвернулась, схватив лицо руками и заплакав. Отец Макарий повертел пупса и покосился на оборотней. Они во все глазницы смотрели на вещателя. «Что им-то приглянулось в долговязом старичине и его послушной матрёшке?» — подумал отец Макарий и тихонько толкнул пальцем свой бокал. Тот грузно кувырнулся, и коньяк обильно залил идеальную поверхность столика. Хозяин непонимающе глянул на проделку и, не усмотрев в ней коварства, примирительно улыбнулся.

— Ты обрюзг, Альберт, — сказал отец Макарий, рассматривая отражение в коньяке, — и придумал же ты изображать передо мной седого пророка! Для меня святого ничего не осталось.

Оборотни тоже увидели нежитя со стекающим, как у спаниеля, лицом. «Обновилась» и Екатерина. У неё не закрывались глаза и не смыкались губы, из-за чего она выглядела сушёной воблой.

— Ты, батюшка, всё приключения ищешь? — Альберт попытался улыбнуться тяжёлыми синими губами. — В таком случае ты по уши в канализации.

— Ах ты, лицедей! — крикнул Саня Бондаренко и прыгнул через стол к Альберту.

От кулака Сани пал бы любой колосс Церетели, но Альберт даже не качнулся, приняв на лицо удар.

— Вот только драки не устраивайте в моём доме, молодые люди! — поучительно произнёс Альберт. — Учтите, ударяя меня, вы будете попадать по железной стене. Только зря будете маячить у меня перед глазами. Венерий! Мальчик мой, заberi их от меня!

Распахнулись уличные двери, и в комнату влетел Венер, трудно узнаваемый, с потрескавшимся лицом. Он летел по воздуху благодаря гудящей чёрной шубе.

— Я люблю вас, Альберт! — провозгласил он и взмахнул руками; рукава его шубы распались, и туча мошек устремилась к оборотням.

Оборотни, для любого из которых было под силу сжать в руке кусок угля, чтобы получился алмаз, беспомощно, с распростёртыми руками, повисли в воздухе, облепленные мошками.

Глава 14

— Кайфа! К нам вторглись недостойные! Три доморощенных чудачюда и бывший поп! — Венер исполнял роль конференсье, нарядившись в гофрированную юбку и выбрав себе лицо Сергея Зверева. — Они хотят взять у Екатерины вещь! У Екатерины! У нас у каждого есть такие вещи. Например, у меня — аквариум с детскими слезами. Как со змей цедят яд, так я этих гадёнышей приставаю зубами к стенке аквариума и совершаю что-нибудь над ними. Кап-кап-кап. На сегодняшний день сорок литров. Запустил морскую мурену, приглашаю посмотреть. Но я отвлёкся. Поприветствуем ненужных гостей!

Представление творилось в обширном кинозале, обитом синим бархатом с золотыми эмблемами французских лилий. Свободных мест не было. Из динамиков разливался Киркоров, «Огонь и вода», и оборотни на сцене против своей воли выполняли роль подтанцовки. Отец Макарий сидел на корточках посреди сцены, перед ним стояла всем известная оранжевая неваляшка. Вы помните, может быть, и у вас была такая, она большая и, кувыряясь, издавала колокольчо-булькающие звуки.

Венер вышагивал по сцене, низко шутил и регулярно отвечивал поклоны Альберту и Екатерине, сидевшим в первом ряду. Они взяли себе прижизненные облики. Теперь отец Макарий узнавал прежнего исполнительного директора Альберта. И косился на Екатерину. Видя её впервые, зная, что сердце её не стучит, он всё же любовался ею. Красота её была опасной, убийственной. Недаром в 1991 году три парня один за другим повесились на газовой трубе, проходящей над дверью Екатеринойной квартиры. Ради неё убивались и убивали, а она раз за разом исторгала из себя плоды. На десятый раз решила родить. Накупила пелёнок, распашонок и неваляшку, но, встретив делового парня, Алика, пообещавшего ей роскошное будущее, если поедет с ним из Огнегорска в Москву, Екатерина поспешила избавиться от третьего лишнего.

— Кайфа! А пусть он возьмёт, если ему надо! — воскликнул Венер и приблизился к отцу Макарию.

Он быстро поцеловал отца Макария в сияющую безволосую голову, вслед за чем на вогнутом экране высветилась картинка: рыжий клоун, упёршийся головой в пол и высоко выпятивший зад. Почему-то зал грянул единодушным хохотом.

Отец Макарий поднял голову и вздрогнул самым сердцем. На экране гнулся клоун, которым он только что себя воображал.

— Пробуй, бери, если руки искренние! — сказал громко на публику Венер. — Это тебе подсказка: вспоминай, когда что-то брал в руки с искренней заботой! А мы посмотрим!

Отец Макарий потянулся, и лишь подушечки его пальцев коснулись неваляшки, как пластмасса под ними промялась и мелко потрескалась, всё равно что яичная скорлупа.

— Он думает, что, если обычный, значит, лучше всех нас! — воскликнул Венер. — Он не думает, что единственный и неповторимый

всплеск любви у Екатерины дорожке, чем чьё-нибудь долгое и тухлое смирение. О! Глядите!

По экрану побежали строчки «...и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого...»

— Нашёл где молиться! Где ты видишь здесь хоть одного лукавого? Здесь достойные люди, а черти из другой компании!

Отец Макарий вспомнил, как впервые сложил ладони лодочкой и принял для лобызания руку настоящего.

В напрягшейся тишине зала прозвучал треск. От нового прикосновения по туловищу неваляшки скользнули длинные расколы.

— Чья это была рука? Архиепископа всея Гнуси? Лицемер ты, батюшка, и всегда был им. Придёт твой час, попрошу знакомого чёрта, чтоб персонально для тебя приготовили чан с кипящим дерьмом!

В зале заплодировали Венеру, а одного губернатора пронял безудержный смех.

Отец Макарий закрыл глаза и вспомнил Дашу, свою Дашу с ребёнком от нерусского. У неё балетная талия и неожиданный таз, раздвинутый вширь, что даже не верится глазам. И грудь... Лицо Даши запечатлело врождённую загадку: тонкий прозрачный на свету нос и круглые от здоровья щёки. Даша — простушка, отец Макарий легко сошёлся с ней как с женщиной, прижился у неё в Александрове, оказался хорошим хозяином. Подруги шептали Даше: «Расписывайся». Одна из них, тихая распутница, просила Дашу дать его чинить электропроводку. Сам он понимал, что настиг причала, но перед началом честной жизни решил съездить в Огнелорск в церковь и на могилу старшего лейтенанта Царёва...

Венер остуился и открыл рот. На экране осторожные пальцы перебирали складки женской расщелины.

Отец Макарий нежно вспоминал, как трогал Дашу, грузную, смиренную. Исследовал её, обуреваемый мыслями о том, что вот та тайна, под его пальцами! Вход для любви и выход для новой жизни!

Неваляшка взорвалась, как от выстрела. Холот поднялся громче, чем на концертах Петросяна. Венер взмахивал руками и заливался:

— Браво! Я чуть не покраснел! Надо же! Срамник!

Екатерина тоже смеялась, деликатно прикрываясь ладошкой. Один Альберт лениво махнул рукой и сурово сказал:

— Чудилу на чучела ко мне в сад, а этого... кто чего захочет.

Венер, не прислушиваясь к Альберту, уже снова смотрел на экран, на котором руки отца Макария бережно заворачивали в кусок простыни чёрный воронёный штык образца Второй мировой, немецкий, маузеровский, с упором на рукояти в виде головы арконского орла.

Отец Макарий до этого ни разу не вспоминал подетально своё особо тяжкое преступление, хотя каждую минуту, и во сне, жил с памятью о нём. Он привык, что и днём, и ночью сердце самоубийственно добивается аритмии, сокрушаясь о содеянном. Память об этом закрепила в вегетативной нервной системе и стала такой же постоянной, как дыхание.

В 1998 году он, уже лишённый сана, устроился в санатории на берегу Волги. Напел скороспелому директору о выгоде часовни на территории санатория, и к 2000 году вырос в соседстве с автостоянкой пахнущий свежей сосной теремок.

Прежде сюда получали путёвки люди с вулканическими мозолями на руках, а затем «добро пожаловали» те, у кого мозоли кратковременно случались лишь от новой обуви. Вот и Стас, заботясь о ногах, приходил на службы в резиновых сланцах на босу ногу. По характерному чпоканию, не глядя, можно было определить, что пришёл исповедоваться Стас. Исповедам он был предан, как спортсмен тренировкам.

«Вчера вечером выпивши был, молитву на сон грядущий не прочитал, — всерьёз каялся Стас, косясь и без того кривым глазом в дебри макариевой бороды, — а сегодня в душе крестик снял и полчаса был безбожником».

Он ретиво падал на колени, нырял под епитрахиль и едва не вырывал крест, чтобы смачно целовать его после разрешительной молитвы.

У Стаса лицо было недоразвито от первоначальных зародышевых стадий. Виделось в его лице что-то дозволюционное, земноводное. Например, нос обозначался бугорком и ноздрями наружу, а зубы настолько были велики, что торчали и сохли, отчего Стас постоянно облизывался.

«Разве у тебя, батюшка, не было чувства, что молодые ошибки не засчитываются за грехи? — вопрошал Стас, приходя порой пьяным. — Я и не злой был до четырнадцати лет. Ты вот понимаешь, а бездушные менты, дьяволопоклонники, ждали моего дня рождения, четырнадцатилетия, чтобы скрутить меня за прежние шалости. Откуда им было знать, что именно я в этот день пострелял из обрезка одну семейку счастливую? Обрадовались поводу для задержания, нелюди. А знал бы ты, батюшка, как меня, ребёнка, травмировали на суде! Разве обязательно было перечислять то, что я натворил до четырнадцати лет? Насчитали сто два преступления, и из них одно тяжкое. Какое к дьяволу тяжкое! Я испытал, как входит в человека нож, и всё!»

Стас плакал и искал глазами по храму тех, кто бы мог желать ему зла. К счастью, никогда другие люди не оставались молиться, если исповедовался Стас. Также старались не бывать с ним в бассейне или баре. Знали график его сеансов у пиявочника.

«Соответственно! Я получил от судьбы право озолотиться. Я человек, а не апостол! Правильно, батюшка?»

Отец Макарий подло обнажёживал: «Бог простит!»

«Мне испортили четырнадцатилетие, и я устроил им встряску на свои восемнадцать лет. Семнадцать ранений в шею. Мент был, майор. Справедливо же?»

Я рано повзрослел. И рано пресытился женщинами. Меня до сих пор тошнит от них, — он брал руку отца Макария и прикидал к ней щекой. — Если только насиловать, то ещё бодрит. Я тебе смешное расскажу. В том году решил вспомнить молодость и изловил беременную. Всяко её... Поймали меня менты, чуть мозга не вынесли, я после того видеть плохо стал. Так их посадили за превышения, а по мне прокуратура не доказала!»

Освоившись, Стас стал приносить с собой виски. Находясь в часовне вдвоём, Стас и отец Макарий оглядывались и чокались как можно тише.

«Даже не знаю, с чего и начать. Вчера хотел о Серафиме Саровском почитать, а поленился и смотрел телек».

Они выпивали, и Стас вместо закуски стремительно целовал руку отца Макария. Позже он пытался целовать в губы, но отец Макарий отступал и говорил: «Сыно, Бог с тобой!»

«Меня бесит, что государство мечтает известить меня, а других, пусть плохо, но кормит и одевает. Соответственно я не переносу разные там детдома, диспансеры, приюты, интернаты. Пока я был бедный, я сам жёг и взрывал их. Теперь же я веду террор чужими руками. Ко мне в офис едва ли не каждый день приходят просить денег. То поэты на издание книжки, бараны. То музыканты-скрипачи на запись диска. Ослы. То овцы из благотворительных фондов: этому — на мемориальную доску, этому — на памятник. То приходит козлёнок, говорит, что у хорошего художника творческий юбилей и нужна бутылка шампанского. Из таких-то я и отбираю своих террористов.

Думаешь, не соглашаются? Конечно, не все, но согласных мне хватает. Тем более, я от природы вижу, в ком есть гнильца, и знаю, кого вербовать. Смело посылаю их взорвать дом инвалидов или вылить баночку ргути на газон в детском доме. Удачная сделка у меня была с чокнутым энтузиастом, которому потребовались деньги, чтобы открыть детский дом ремёсел. Я благословил его сжечь единственную в районе библиотеку для слепых. Он справился, но за деньгами не пришёл, олень. Стыд заел».

Путёвка у Стаса заканчивалась, он пришёл на исповедь в костюме, ботинках, пахнущий духами. При людях обнял отца Макария и прикусил ему плечо. Отец Макарий хотел отстранить его, но нащупал у него подмышкой пистолет и решил потерпеть.

«Благослови, владыка! Думал я, думал. Хотел сначала избраться в депутаты, но нет, — Стас ласкающее целовал отца Макария в шею, — в депутаты я всегда успею. Обращусь я в священнослужители! Благослови!»

На следующий день Стас уехал в Москву налаживать контакты с епархией, а получасом позже санаторий покинул отец Макарий с тощим рюкзаком на плече. Так собираются ненадолго, недалеко или на гибель. В рюкзаке был свёрток из куска простыни, перетянутый хозяйственным шнуром.

В 1994 году Рома Филин, будущий иеромонах отец Макарий, уезжал из Десногорска, города с двумя кубическими храмами — блоками АЭС. Больше в Десногорск он не возвращался, не навещал отца и мать, и могилу брата. А в 94-м Рома сказал родителям, что уходит служить Богу, молиться за погибших. Перед отъездом он навестил заветный сарай взять одно из того, что накопил с братом до армии по берегам нагретой атомными реакторами Десны и по священномученическим лесам Смоленщины.

В сарае даже ступать приходилось по рассыпанным винтовочным патронам. В углах кучами скопились целые и пробитые советские и фашистские каски, пушечные снаряды, пулемётные ленты. Отдельно в мешках и ведрах были рассортированы где гранаты, где пистолеты, а из одного ведра торчали русская кавалерийская шашка, длинный австрийский штык и ещё штык немецкий. Этот-то штык будущий иеромонах взял с собой в сомнительные странствия, не зная зачем, но, угадывая, что судьба штыка не закончена.

Нашли его братья Филины в сырости, в овраге, где по вёснам набегают вода и толпятся камыши. Обычно в таких местах глупо искать. Те же патроны из подобных мест крошатся в руке, как сигареты. Но штык сохранился, будто сроненный на прошлой неделе, а не полвека назад. В нетронутости от влаги оставался кожаный кожух с креплением для портупей. Главное, что в кровостоке чёрного воронёного клинка каменно замерли рдяные капельки и прихотливые струйки. То была русская кровь, и она-то, видимо, и берегла штык от коррозии, не давая ему рассыпаться, берегла в нём память о чьей-то святой смерти. И томилась в ожидании возмездия над новым изувером-фашистом.

Десять лет отец Макарий бродил со штыком, не ведая, куда его приютить, ища приюта сам. Попадая в милицию, он скидывал штык в сугроб или в лужу, а потом забирал с того же места хоть через неделю, хоть через 15 суток.

В Москве отцу Макарию искать Стаса не пришлось. Стас сам его нашёл. Отец Макарий неуверенно ступал по Цветному бульвару, теребя в мокрых пальцах визитку с адресом Стаса, когда с дороги на тротуар нагло въехал бирюзовый «ягуар». Из машины вылез Стас и бросился обнимать и целовать Макария.

— Отче! Ты мне послан! — Стас блестел стеклянными глазами, но алкоголем от него не пахло. — Я в последнем банке обналичил вклады и сейчас еду избавляться от них. Едем со мной, отче!

Вместе с отче Стас выехал из Москвы, по пути окропляя из луж пешеходов. Через два часа примчал к лесу.

Выволокли из багажника чемодан с медным замком, а затем — булькающую канистру. Обдирая о ветки крокодилью кожу чемодана, пошли в лес искать поляну.

Нашли. Стас вывалил из чемодана на траву гору непчатых сто-долларовых пачек.

— Отче! Я порываю с прежней жизнью! А это, — он пнул альпийскую гору денег, — результат моей грешной жизни!

Стас отвернул канистру и усердно, пока она не опорожнилась, полил деньги.

— Отче! Отныне я начинаю святую жизнь!

Адским пламенем взялся денежный курган. Доллары — это вещественное, осязаемое зло — тревожно загудели, видимо, не веря, что могут так обычно погибнуть. Они (оно!) горели, как подобает бумаге, хотя по силе сокрушать человека превосходили любое оружие.

У Стаса упали плечи, грудь вжалась.

— Отче. Ты бы знал, как мне хорошо. Я рождаюсь заново. Я — чистый непорочный младенец. Мне теперь начинать жизнь заново. Как это хорошо. Как хочется!

Стас говорил, а левая бровь натягивалась тетивой, и зрачок левого глаза начал пульсировать, словно в нём крутился и хотел выбраться наружу червячок.

— Стой-ка! — Стас резко, будто его позвали, оглянулся на костёр.

Огонь мало-помалу спадал, и можно было видеть, как ветерок на мгновения выхватывал из гуши пепла зелёные фрагменты.

— Кто теперь я? Сколько мне навёрстывать? С нуля! Сколько мне заново людей поубивать? Сколько кровищи пролить? Ну в самом деле, не в попы же идти! Что делать-то, ты, провокатор?!

Отец Макарий, пятясь, щупал рукой в рюкзаке. Стас надвигался на него.

— Что мне с тобой сейчас сделать? Ты мне миллион долларов возместишь? Ты, смутьян! Поп Гапон!

Ж-ж-ж-з-з! Отец Макарий выдернул из ножен штык и направил его Стасу в грудь. Почему сразу не ударил? Вдруг испытал омерзение к человеческому телу, чтобы проникать в него ножом.

Стас сладко улыбнулся, взялся за направленный в него клинок обеими руками и спокойно сказал:

— На счёт три. Давай вместе! Раз! Два! Три!

— Как же тайна исповеди? — притворно усмехнувшись, пошутил Венер.

Зрители неблагодарно смолчали. Они смотрели, как тень отца Макария отделилась от пола и встала в рост, самостоятельная, непроницаемая. Она подняла голову неваляшки и передала её, невредимую, в руки отцу Макарию. Мошки с оборотней опали на пол, и настала гробовая тишина.

С места поднялся Альберт. Он одёрнул пиджак, кашлянул и чуть слышно похлопал в ладоши. Зал отозвался шквалом аплодисментов и восторженными криками. Лишь из дальнего ряда по-волчьи смотрел и не восторгался Стас.

Венер переглянулся с Альбертом и подбежал к отцу Макарию, подогнув голову, как трусливая собака.

— Господин, браво! Мы открываем карты — это была проверка, и вы с блеском прошли её. Отныне вы почётный гражданин Кайфы, и Кайфа навсегда влюблена в вас!

Отец Макарий мутно глянул на гнущегося Венера. Тень же провела острой (острее всего на свете) рукой по ковру, и пол разломился надвое.

Рослые, мохнатые, с рогами черти выпрыгивали из разлома и ловили по залу граждан Кайфы. Шум и визг стояли как на горящей свиноферме. Уважаемые дамы и господа лезли под кресла, но черти вытаскивали их за ноги и волокли в разлом. Екатерина, как кошка, взобралась по занавесу под потолок, рычала и плевалась оттуда.

На отце Макарии от жара, хлынувшего из разлома, испарились золотые украшения. На их месте остались выжженные витиеватые узоры. Рядом с отцом Макарием остановился, сложив на груди руки, адский командир с усами и бородкой Феликса Дзержинского.

Последним забрали Альберта. С чёрными пузырями из ноздрей он через минуту ещё показался из разлома, уже успевший хлебнуть смолы, но его сразу утащили обратно.

В наступившем спокойствии командир, похожий на Дзержинского, повернулся к отцу Макарию, молча пожал ему руку и ушёл в полымя разлома.

Кайфы не стало, за стенами дома ждала реальность.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ
ОБСЕРВАТОРИЯ

Глава 1

Смелее Красной Шапочки Света преодолевала семикилометровый лес и через одной ей понятный ход в заборе обреталась на базе. Её возникновение на территории базы были всегда настолько внезапны, что никто из солдат им не удивлялся. Даже в ночное дежурство Муравьёва считалось обыденностью встретить Свету, хотя бы и голую.

Света приходила на базу, как правило, соблазнять и соблазняться, но случалось, что и просто проведать дембелей. Её не пугали ни лес, ни ночь, ни плохие времена года, ни годы собственные.

Влюбилась она в базу в 1991 году, в 13 лет, а в 1993 году, осенью, её сердце должны были заполнить дембеля Гриша, Гога, Тарас и Ёрш.

Все помнят, что Рома Филин (в недобром будущем отец Макарий) стоял на третьем посту, а Андрюха Ершов, Ёрш, все знали, стоял на втором.

Тем не менее Андрюхи на посту не было, и появиться он едва успел перед приходом смены.

Он вернулся из леса, не дождавшись, к своему огорчению, когда взорвутся цистерны и склад с тротилом.

Человек с умом и повадками векового мудреца, он с первых дней принял армию такой, какая она была, а армия приняла его. Офицерам он сделался мил как образцовый солдат — чисто стиранный, вовремя бритый, говорящий, мыслящий. «Деда» приняли Андрюху чуть ли не за равного себе за его философское спокойствие, с которым он принимал удары об голову табуреток и лавочек. Фактически на втором месяце службы Андрюху стали приглашать «деды» и «прадеды» на ночные попойки, во время которых спрашивали его о жизни и слушали. Офицеры — и того больше: крича на него, избегали матерных слов и, заманиваясь, не били.

Он получил прозвище «адвокат» и, соответствуя ему, грамотно заступался как за свой призыв перед «дедами», так и за всю роту перед офицерами. Он не боялся сказать пьяному Вертяге: «Если наказываешь Гогу и Тараса с Гришей, то наказывай и меня», — и после этого Вертяга уходил в задумчивости спать. А то и начальник базы, тиран и ирод, Муравьёв интересовался на общем построении: «Товарищ Ершов! Как, по-вашему, достойна рота выходного дня или её ждёт спорт-день?» Андрюха отвечал ненавязчивым тоном: «Товарищ майор, если на одну чашу весов поместить хотя бы каплю вашего великодушия, а на другую нелёгкую участь каждого из нас, то перевесит первое». И польщённый Муравьёв проявлял первое.

А когда пришло время дорасти Андрюхе до «деда» и соответственно получить главное право на обладание приходящей и переходящей Светой, случилось непредсказуемое — у Светы обнаружились характер и вкус. Она категорически не пожелала Андрюху, но Грише, Гоге и Тарасу отдала себя всю и всюю.

Глава 2

В осенние ночи 1993 года Света заявлялась на базу на втором, может, третьем, месяце беременности. Из-под майки с Микки Маусом у неё обозначался увеличенный живот. Притворяясь спящим, Андрюха Ершов шурился на то, как или Гриша, или Гога, или Тарас выходили со Светой из каптёрки.

Она взяла за привычку сидеть на его кровати и иногда прижимала задом его ногу. Он, замирая, бегал глазами под зажмуренными веками. Она смеялась, ёрзала и вслух говорила о том, что ещё хочет успеть сегодня с Гришей, Гогой и Тарасом попробовать. Они пили вино и Андрюху «не будили». Как-то это сразу установилось: при Свете ему оставалось обязательно спать.

Однажды он «проснулся», драматически зевнул и произнёс:

— Ну, бог с вами, наливайте и мне.

Света глянула лунными глазами и несправедливо засмеялась:

— Спи, отсталый!

— Упал спать, тебе сказали! — вдруг выпалил и Гриша.

— До трёх считаю — и ты спишь! — встрял Гога.

Андрюха, словно облитый кипятком, лёг.

Следующим утром он парламентарно заявил:

— Парни, одумайтесь! Я призываю вас не к порядочности, а к порядку. Данный порядок установил не я, и, думаю, с этим вы спорить не будете. Вы предаёте не меня, а порядок. Тем более вспомните, кто я есть действительно. Одумайтесь!

— Ёрш, не нуди, а то огребёшь сейчас, — ответил Гриша; он не владел дипломатической мыслью, но почувствовал, что Света — это сильный политический козырь и при помощи его можно захлопнуть лишний рот. — Тебя баба не хочет, и ты ревёшь, сам как баба.

Гриша и Тарас с Гогой вошли в азарт и принялись крушить судьбу Андрюхи. В столовой заявили ему:

— С нами есть больше не будешь. Вставай в очередь, получай сечку и садись с «воронами» или «духами».

Вечером того же дня ему отказали в чае со сгущёнкой, а на следующее утро Гриша чуть не убил душкой от кровати «духа» Бакая за то, что тот заправлял Андрюхе кровать. И самое страшное произошло на утреннем разводе, когда Гриша объявил:

— Антипов и Голованов — метёте ротный плац. Блажко, Козлов и Петров — большой плац. Веселов — влажная уборка в ленинской. Так, что ещё... Влажная уборка туалета — Ершов!

Любимым для Андрюхи Ёрша временем стали часы поста. Один и никем не видимый, он со скрипом и стоном выгонял через горло, как через мясорубку, воспоминания о том, что вчера на вечерней проверке «духи» били сзади ему в печень, а сегодня утром Гриша на глазах у роты сухой бритвой окантовал ему выше ушей затылок. Постепенно успокаиваясь, он погружался в мечты и радостно улыбался.

Радостным казалось видеть себя забирающимся на водонапорную вышку и выливающим пузырёк яда... Казалось смешным прокатиться на БТРе по живым строениям... И уже тоненько смеялся Андрюха, воображая, что при помощи выдуманных единомышленников захватит

власть на базе и устроит концлагерь с пытками и повешеньями. Для Гриши и Тараса с Гогой он мастерил в уме отдельные эшафоты. Но самые-пресамые мучения Андрюха сулил «духу» Коле Балину...

Коля Балин, это человеческое тело с именем и фамилией, жило, двигалось и разговаривало против законов природы. Под властью Гриши, Тараса и Гогой это тело не спало, не ело и не уставало. В нём не ломались кости и не прекращался кровоток. И вдруг оно стало жалеть Андрюху и заботиться об Андрюхе! Не потому, что Андрюха как-никак был «дедом», а из сострадания и желания найти друга по несчастью!

Первый раз такое случилось, когда Коля подошёл и дал Андрюхе хорошую сигарету, после чего дождался и попросил докурить — в точности, как должно было быть, если б не Света. В другой раз он взял у Андрюхи из рук кирпич и сам принялся скоблить жерло туалета. Мало-помалу Коля, единственный во взводе и роте, не постыдился прилюдно беседовать с Андрюхой.

В радостных мечтах Андрюха произносил приговорённому Коле напутственный некролог: «Ты, тело, блин, брренное, совсем страх потерял? Ты со мной одним воздухом не имел права дышать!»

... Что Андрюха мечтал предпринять со Светой, нельзя и не нужно пересказывать. Так или иначе, претворять мечты в реальность самому — было страшно. А в реальности он ночами под кроватью вылизывал Светины ботинки, испачканные осенней слякотью.

Глава 3

Андрюха взобрался на вышку и, не снимая с плеча автомат, прислонился спиной к перегородке. Он не собирался спать и не хотел, а глаза закрыл, чтобы успокоился воспалённый мозг и скорее зашекетали бы сознание радостные мечты.

Совершенно неожиданно и внезапно пришло сновидение. Андрюха очутился в своём Омске, дома, в комнате с портретом Высоцкого. Перед ним на задних лапах стояла полуметровая крыса в розовом халате. Андрюха бросился из комнаты и заорал, разрывая голосовые связки: «Дьявол! Дьявол!» Его охватил тот страх, который сильнее любого другого страха, даже страха перед смертью.

Как скоро сновидение пришло, так и исчезло, но после него Андрюха хотел открыть глаза и не мог. Хотел двинуть рукой или ступить шаг — и также не мог. И сердце не стучало.

Он услышал голоса приближающейся проверки во главе с начальником караула и всю волю направил на то, чтобы разомкнуть веки. С запредельным усилием удалось приоткрыть щёлочку, через которую стало видно, что проверка уже в двадцати метрах от вышки.

Сердце Андрюхи стронулось и расковались члены, когда начкар, как мог тихо, шаркал подошвами по лестнице. Он, прапорщик Москалёв, не убоаялся бы разбудить древнемайскую мумию и среди начкаров славился бесспорным везением в ловле спящих часовых. Но до этого дня он ещё не знал, какое неприятное впечатление производят честные, незаспанные глаза и направленный в лицо ствол автомата.

Чёрная крыса повадилась мерещиться Андрюхе, лишь только он смыкал веки хотя бы на минуту. Отличием новых встреч от первой было то, что от раза к разу ослабевал страх и не вставало сердце. На третий день Андрюха уже заглянул в её глаза и встретил в них злобу, которой не бывает ни у одного человека или зверя. На пятый день крыса заговорила и предложила Андрюхе то, на что он согласился не раздумывая.

Глава 4

Разобрали одну кровать и сняли железную раму с сеткой. На раме «дух» Коля Балин и quasi-дед Андрюха носили по роте, как царицу, голую Свету.

Никто этой ночью не смыкал глаз, кроме Толика Скальберга, спавшего с невозмутимостью йога. Гриша с Гогой вжились в роль римских патрициев, облачившись поверх пьяной наготы в простыни и насылая кары на простолюдинов. Те же Рома и Юра Филины который час «сушили крокодилов», «сидели на электрических стульях», «черепашками» стояли на ножках перевернутых табуреток.

Чувствуя то, как под ребром кровати крошится хребёт, бардовый Андрюха повернулся к восседающей Свете и спросил у неё невозможное:

— Света! Чего бы ты хотела, чтобы стать моей?

Она, не ожидая от раба человеческих слов и тем более таких, тихо ахнула:

— С ума совсем сошёл! Я сейчас Грише скажу, он тебя...

— Я не шучу. Я теперь всё могу. Просто скажи — и дома убедишься, что исполнилось.

— Вообще дурак! Сундук золота я хочу! — она подпрыгнула, чтобы сделать большее. — А ну, дай мне одеяло, и поехали на улицу!

Она вернулась на базу утром же. Ворвалась на КПП и взмолилась вызвать к ней Андрюху. Начальник базы, удивляясь на неё и на себя, разрешил Андрюхе уйти с огневой подготовки. На целую минуту.

— У меня дома сундук с драгоценностями! — шепнула Света, вцепившись Андрюхе в рукав. — Я их трогала, они настоящие! Это ты? Как это?!

— Быстро слушай и не перебивай! Я встретился с самим дьяволом. Он дал мне клочок чистого листа, который когда-то вырвал из Книги Судеб. Я теперь многое могу. Но не даром. Мы договорились, что я буду участвовать в большом проекте, и я сразу выпросил у него, чтобы взять и тебя тоже. Пойдёшь?

— Да!

— Сегодня же к полуночи приходи на угол второго поста, туда, где лазейка в заборе. Подождёшь, я к тебе выберусь. Нас будут встречать глубоко в лесу. База и Огнегорск потом взорвутся, останемся только мы с тобой. Согласна?

— Да!

— Я тебе не сказал ещё об условии именно для тебя. До полуночи избавься от живота. Беременной к ним нельзя. Понятно?

— Да! А сундук?..

— Выбрось! Забудь! Я подпишу тебе Зимний дворец.

В оговоренный полночный час Андрюха и Света встретились на берегу тёмного пруда, застывшего между базой и гиблым лесом.

— Вот! Всё! Почти! — нервно содрогаясь, забормотал Андрюха. — Ты и я! Мы на пороге рая! Вернее, ада, но не того, что...

— Куда идти? — вяло спросила Света; её качало, и джинсы промокли от не перестающей крови.

Они спешили по лесу, и ноги их вязли в сырой полёгшей осоке. Андрюха старался болтать и надрывно смеяться, когда чувствовал, что может заплакать.

— Я автомат оставил на вышке. Никому он больше не понадобится. Базе — капут! Хорошо, что комаров меньше стало. Здесь комары величиной с птичьих птенцов, и их миллиард! За пять минут кровь выпьют. Ха-ха! Я честно-то и сам не знаю, кто и как нас будет посвящать, но верю, что событие станет историческим.

Достигли безжизненной поляны. На ней несколько сосен давно потеряли равновесие и повалились, вывернув наружу рогатые корни. Ни кабан, ни лось не ходили здесь, а только гуляли слепые луна и ветер.

— До полуночи пятнадцать минут! — шепнул Андрюха. — Недолго ждать.

В половине первого Андрюха стал беспокоиться и звать в тишину, но было тихо и глупо. Света присела на пенёк и сжалась в животе.

— Может быть, зря мы пришли? — спросила она. — Ой! Слышишь? Под нами разве есть метро?

Из-под земли донеслось завывание сильной машины, вслед за чем по почве пробежал озноб.

— Они! — вскрикнул Андрюха и от страха опустился на четвереньки.

Поляна подверглась вздутию, и скоро на ней вырос гудящий холм. Постепенно болотная гуща стекла. Глазам предстала адская машина.

Она походила на исполинскую рыбу, покрытая подвижной стальной чешуёй и сверкающая двумя глазами-иллюминаторами. Почва вокруг машины пузырилась и шипела.

На уровне, где у рыб жабры, открылась овальная дверь, и в светлом проёме образовалась фигура могучего человека.

— Уважаемый! — позвала фигура.

— Я пришёл! — вскочил Андрюха. — Мы пришли!

— Не спеши, а то увязнешь. Эй, мотористы-бездельники, подавайте трап!

Андрюха и Света взобрались по подобию выдвижной пожарной лестницы.

— В холл! В холл, пожалуйста! — ласково подталкивая их в спины, суежилась могучая фигура.

В «холле» оказалось тепло и роскошно. Округлые, покрытые янтарём стены, кожаные кресла, стол, бутылки, фужеры, разбросанные карты. За столом сидел узнаваемый политик. Андрюха мелко кивнул ему, к своему позору, вдруг забыв его фамилию. То ли она была Маршак, то ли Барто, то ли Бианки. Что-то из наших детских писателей.

Так же в холле находились два низкорослых молодых моториста. Недолго, но с пристрастием, обозрев гостей, они после ушли проверять какой-то насос.

Потом встречал, держа накрытый поднос, некто безликий с улыбкой лучшего друга и взглядом родного брата, назвавшийся Антоном Сергеевым.

Могучий при ближайшем рассмотрении отличался первобытным лбом и докрасна пульсирующими глазами. Он явно волновался перед политиком.

— Пётр Селиверстович! Вы знаете, что мне никогда не в радость заступать ответственным по обсерватории! — простонал политик. — Будьте расторопнее. Посвящайте их, и — назад в Москву.

— Ваше высокоблагородие! — откликнулся могучий. — Вы не беспокойтесь! Ещё чайку? Антоха! Обслужи! А я лично займусь гостями.

Могучий, не долго посуетившись, поднёс Андрюхе и Свете не мытые, захватанные стаканчики с тёмной жидкостью.

— Коньяточку, миленькие! — осклабился могучий.

— Пётр Селиверстович! — не унимался политик. — Не церемоньтесь лишку! Пусть подписывают, и поехали. Тем более оба по линии культуры. Я понимаю — финансовая агентура!

— Хозяин наказал тёплый приём, — душевно возразил могучий.

— Хозяин заигрывается, как я вижу. Набирает всякую дрянь. Хотя — пусть, как знает.

Андрюха выпил из стаканчика и возрадовался запредельно.

— Смотрите, что я на сегодня придумал! — обратился он к могучему, вынув из-за пазухи жёлтый клочок. — Сейчас на базе Гриша накачивает Колю... Вы их, правда, не знаете. Но всё равно. Потом Коля берёт автомат и льётся море крови. Это только пролог, прелюдия. Смотрите, что я придумал дальше. У нас там склад с тротилом и склады ГСМ...

— Угу, угу, — довольно кивал могучий, — целый город в пух и прах. Талантливо! Хвалю! Ваше высоко... видите, какая молодёжь к нам сама приходит!

Политик махнул рукой и отвернулся.

— Ну, дружище, пойдём-ка, покурим! — предложил могучий Андрюхе. — Сергеев, лямое ты создание! Поухаживай пока за девушкой!

Могучий и Андрюха вышли в малозаметную дверь и попали в полутёмный холодный тамбур.

— Тебя Андреем зовут, да? Не обращай внимания на этого лысого. Он как ответственным по обсерватории заступает, так всю дорогу брюзжит. С тем же президентом и то проще. С ним можно и за столом достойно посидеть, он проще. А этот или Чуб — все из себя! Ты, кстати, понимаешь ли, где сейчас находишься?

— Слабо, — ответил Андрюха, — но вижу, что корабль иностранный. В Америке построен?

— Ну что ты! Есть миры и посерьёзней Америки. Ты сейчас на борту мобильной обсерватории. Здесь производится приём в дьявольский легион. Обычно этому сопутствует торжественность, но сегодня, видишь, не повезло с ответственным. Был бы ты хотя бы бухгалтером, он бы с тобой и поговорил, и полюбезничал. Склонил бы, может быть, к чему-нибудь. А так у нас посвящения обставляются на широкую ногу, с помпой. Правда последнее время очень спешим и в помпезности себя ограничиваем. Ты же знаешь, неделю назад мы да наши покروшили в Москве последних мятежников. Наступает новое время. Хозя-

ин торопит, чтобы вербовали больше и больше. Хотя бы сегодня. Первый — ты. Потом мчимся в Ногинск, там тоже солдат. Потом — в Гатчину, успеть посвятить троих бандитов. Кутерьма! А для людей-то хочется, чтоб как лучше. Вот меня принимали, сам Хозяин был! Раскалённым ножом разверз мне рёбра и через рану оплодотворил меня в самое сердце. А затем разложили передо мной саму Аллу... Да...

— А кто он — Хозяин?

Могучий сузил глаза и прошептал:

— Кто. Сатана.

— А вы кто?

— Я? Капитан мобильной обсерватории, подземной лодки «Шука-5»!

— Что, были ещё четыре лодки?

— Были, но одна за другой ломались не вовремя и трагически. А вообще самая-самая первая лодка, построенная задолго до наших лодок, звалась «Большой крот». Советская, научная. В 1964 году она взорвалась под землёй на испытаниях в Крыму. Если же углубляться в историю, то вот тебе — Жюль Верн, «Путешествие к центру земли». Читал?

— Нет.

— Ну и леший с ним! Дружище! — могучий взял Андрюху за плечи. — Ты мне нравишься! Не знаю как, но чувствую в тебе жилку. Думаю, сработаемся. Не обращай ни на кого внимания и трудись во славу Хозяина! Говорю тебе это как ветеран тёмных сил легиона, заслуженный провокатор войн и вербовщик с 1987 года. И извини, что не по-человечески получается твоё посвящение. Последнее время нам, русским мужикам, свою же Родину даже гандошить не дают в полную силу. Будто не у себя дома. Ладно, пойдём, дружище, подписывать.

Вернулись в янтарную каюту. Могучий выложил на стол два бланка, загромождённых печатным текстом.

— Можешь читать, можешь — нет. У нас без обмана. Одинаково, как если бы ты устраивался на работу. Подписывать здесь и здесь. Зачем кровью? Мы не в Средневековье. На тебе ручку. Ага. А сейчас девушка-красавица. Подходите, подходите. От бремени освободились? Да? Умница. Подписались? Теперь в дорогу! Погружаемся!

— Пристёгиваться не нужно? — спросил Андрюха у могучего.

— Что ты! Даже тряски не почувствуешь. У нас все каюты на шарнирах. Кроме кабины управления. Она статичная. Кстати, советую тебе пойти туда. Много интересного увидишь.

Кабина управления имела хромированный штурвал, уйму грузных рычагов и манометров с толстыми линзами. Наибольшее впечатление производили два обширных иллюминатора, за которыми было темно и страшно.

Лодка уже с минуту погружалась в землю, вздрагивала и где-то в брюхе натужно урчала. Мотористы сидели плечом к плечу хмурые и на Андрюху не оборачивались.

— А земля стёкла не выдавит? — спросил Андрюха.

Ему демонстративно не ответили, но он не огорчился, рассудив про себя, что все водители, которые рулят в организациях и учреждениях, все — свинские хамы. Мнят себя избранной кастой, лезет из них...

— Когда рванёт-то? — сбил Андрюху с мыслей один моторист.

— Должно через полчаса, — охотно ответил Андрюха.

— Вот ты псих, — ухмыляясь, сказал тот же моторист, — не хотел бы я с тобой в разведку идти.

— Тварь он последняя! — кратко согласился второй моторист. — Высадим, давай, его прямо здесь?

— Пусть живёт. Не нам решать. Включить рентген-фары!

— Есть включить рентген-фары.

Андрюха, ничем не возразив, уставился в иллюминаторы. За ними тьма земли рассеялась и осветились пространства подземного космоса. Словно нереальной многолунной ночью в синем сиянии обозначились исторические тела, сюжеты и знаки.

В болотном мраке висел ЗИЛ-130. Вокруг него в позах олимпийских пловцов замерли около двадцати мумий, одетых по форме Советской армии. Андрюха вспомнил рассказы о том, что в 1971 году во время всесоюзной засухи рядом с базой горели торфяники. Отправившись на 130-м ЗИЛе солдаты тушить. Машина провалилась в болото и вместе со всеми утонула.

В стороне от ЗИЛа Андрюха заметил скопление множества мелких светил, каждое из которых изображало Сталина.

— В шестьдесят первом здесь со всей Москвы и Подмосковья топили, как котят, барельефы и бюсты вождя, — пояснил один моторист, видимо, искоса следя за взглядом Андрюхи. — Двигаемся дальше.

В иллюминаторе показалась деревянная телега, а на ней распятия, царские врата, оклады икон, кубки, дароносицы.

— В войну обоз с золотом увозили из Москвы. Дороги не знали, — сказал всё тот же моторист.

Затем мимо проплыла чёрная церковь с чёрным куполом. Она напоминала мужской орган, и окна её были заперты ржавыми ставнями.

— Наша. Пятьсот лет назад её построили бесовствующие еретики, а она ушла в трясины. Но, к радости многих, последнее время столица Москва пляшет и скачет так, что тектонические слои внизу гуляют, как старые половицы. Почвы двигаются, и церковь время от времени выходит на поверхность. В ней наша братия служит интересные мессы. Правда, в последний раз церковь ухнула раньше, чем ожидали, и в ней остались хорошие люди. Хор из Англии и голландский священник. Сейчас они внутри. Только не поют.

— А там что? — спросил Андрюха про плотную стопку из нескольких десятков гигантских страниц, испещренных знакомыми, но издали неразборчивыми знаками.

— Поля сражений. Вернее, одно зачарованное поле, на котором испокон случаются побоища.

Андрюха пригляделся и разобрал, что знаки — это оружие и кости.

— Видишь, верхняя страница — про Великую Отечественную. Ниже её — сражения постарше. Внизу совсем неизвестные. Вон смотри, чьи-то черепа с ввинченными каменными рогами. Было б полчаса лишних, сгоняли бы туда. Разворошить и смешать всё ради смеха.

— Под землёй не шибко и разгонишься-то, да? — спросил Андрюха, чувствуя, что вливается в коллектив.

— Ерунда! — возмутились оба моториста. — Сейчас через плотные слои минуем, выйдем на какую-нибудь речку и полетим.

— На речку?

— Ну да. Подземных озёр и рек пруд пруди. Хотя всё равно надо карты хорошо знать. Чтоб не попасть, например, в нефтяную протоку. Одна подземная субмарина так взорвалась.

— Что, есть и карты?

— Да полно. На одних ветки движения, на вторых запрятанные за тысячи лет сокровища, на третьих — террапорты.

— Что такое?

— Терапорты — это где нам наружу выходить. Болота, отработанные шахты, скважины, колодцы от ядерных испытаний.

— Завидую вам! — подлизывался Андрюха.

«Поворачиваем назад! — сработал голосом могучего капитана радиодинамик. — Этих надо высаживать. Ничего не случилось».

— От ты неудачник собачий! — снова взъелись на Андрюху мотористы.

— А что такое?! — растерялся он.

— Убрался из кабины! Пошёл вон отсюда.

Андрюха послушно вернулся в янтарную каюту. В ней металась Света, собирая с пола одежду, а у трёх оставшихся господ ещё не остыли лица.

— Андрей, слушай! — подступил могучий. — Что-то, видно, не срослось. Полдела сделал твой обречённый, а потом уснул. Мы тебя не виним, нет. Ты ещё научишься безошибочно планировать события, а пока и до поры до времени мы с тобой простимся. Забирай Светлану и жди новых указаний.

— А что именно не получилось-то? Из-за чего? — хлопая взмокшими глазами, паниковал Андрюха.

— Я же говорю, — могучий взмахнул крановидными руками, — может быть, небо вмещалось и какой-нибудь ангел убаюкал твоего обреченца, а может, ты сам по неопытности плохо продумал злодейства. Так или иначе, сегодня вы оба возвращаетесь в прежнюю жизнь, будто ничего не было. Не грусти, Андрей! Контракты подписаны, никуда твоё счастье не пропадёт. Увидимся!

Глава 5

Землянка держала неустанную осаду, но разношёрстные, разнопёрые полчища нечисти получали от оборотней ошеломительные отпоры.

Первыми без предупреждения напали четверо древлерусских шишей, которые упали ещё прежде того, как оборотни стали бить их.

— Тише, молодёжь! — закричал один, ретиво отбрыкиваясь с земли копытами. — Давайте договоримся, что мы с вами уже подрались и вы победили!

Им дали подняться и помогли отряхнуть седые спины.

— Что вы натворили, что даже нам, старикам, прислали повестки? — спросил тот же дипломатичный шиш. — Будьте внимательны, а то весь мертвяцкий мир на вас поднимается.

Следующими напали десять юных вампиров, одетых в кислотные балахоны и обутых в незавязанные кроссовки, словно именно они сни-

мались в рекламе про тариф «Не спящие». Из них, десятерых, получилось пять крепко целующихся пар. Оборотни сцепили их друг с дружкой клыками и отпустили.

Следом принесла нелёгкая семерых людоедов-падальщиков, промышляющих на трассах убиенными дальнобойщиками и проститутками. Нечисть безмастёвая, но опытная и жестокая, вооружённая стальными щупами. Их оборотни тоже отпустили, но предварительно посыпали в цирковую науку шпагоглотания.

Трудно пришлось с фантомами телезвёзд. Сотканые из радиоволнового излучения, они в точности копировали гламурных актёров и эстрадников. Их прибыло свыше тысячи. Истеричные и визжащие, они наводили жуть. Однако, несмотря на численность, у фантомов не наблюдалось никакой организованности. Вероятно, по этой причине спецотряды адской полиции с резиновыми трезубцами держали фантомов в оцеплениях по несколько сотен душ, чтобы те не передрались между собой во всеобщей свалке.

В первую атаку выступило две сотни фантомов, идущих не в лад и невпопад. Тем не менее из их нестройных рядов вскоре выделился фантом Тимати. Пританцовывая и исполняя в воздухе стильные манёвры искривлёнными пальцами, он взял на себя бремя предводителя. Царь, долго не раздумывая, вскинул лук, сооруженный из автомобильной рессоры.

Метровый ломик просквозил Тимати и отбросил его назад в остальную толпу. Этот момент для многих фантомов почему-то стал неожиданностью, вызвал волну ахов, а фантом Киркорова, гремя бижутерией, бесстыдно на глазах у всех ретировался с поля боя.

Оборотни встали плечом к плечу, загородив вход в землянку, где спрятали отца Макария. Негодующая толпа приступила к ним, но тут же и растерялась. Спустя минуту шёпота и ропота объявился парламентёр. Фантом Бориса Моисеева.

— Вы! — начал он многообещающе. — Вы знаете, кто я?

— Нет, — ровно ответил Царь.

— Как так!? — Моисеев скривил свой жабий рот. — Если так, то я не знаю больше чего говорить. Вы, значит, меня и искалечить можете? Короче, по-хорошему, отдайте нам своего дружка и — разойдёмся! Поняли, уроды?

Хотя оборотни не двинулись с места, Моисеев всплеснул руками и нырнул в толпу, видимо, своей речью напугав сам себя.

Затем пробовали быть парламентёрами фантомы Меладзе и Буйнова, но оба повторили ошибки, сделанные Моисеевым. Оба настаивали на необходимости знать именно их имена и требовали отдать отца Макария во избежание их же кровопролития.

Глупее всех оказался фантом Галкина. Он не добавил ничего нового, но протестующую речь произнёс на коленях:

— Меня вообще пальцем нельзя трогать! Фашисты! Отдайте нам его и не допускайте насилия!

Ситуацию стал менять фантом Алибасова. Единственно умный злодей (кроме разве что фантома Розенбаума, прятавшегося в задних рядах с казачьей пашкой), Алибасов сперва пробежался в толпе, кому-то что-то пошептав, кого-то похлопав по плечу, кого-то по заду, а затем двинулся грудью на оборотней.

— Вам конец, быдло!

Царь нахмурился, и Алибасов грамотно попятился к своим. Он снова заюлил между фантомами, но в шёпоте его уже угадывалась требовательность.

— Бойтесь, сироты безродные? — опять он наскочил на оборотней. — Ни одного не пожалею!

Юра и Саня Бондаренко шагнули вперёд, но Царь удержал их:

— Не трогать! Он — провокатор.

Здесь-то Царь и ошибся. Тот, да, был провокатором, но отпускать его не следовало.

Алибасов дополнительно обработал толпу, и она раздалась единым сплочённым пением:

Господа офицеры!

По натянутым нервам...

Докончив один куплет с припевом, фантомы пошли в атаку. Взметнулись десятки коллекционных кинжалов и шпаг. В воздух взмыли тяжёлые бутылки из-под хороших вин и ликёров.

Саня Бондаренко принял на себя начальный порыв врага. Он, метя по лицам, сделал несколько взмахов карданным валом и построил наступающих в полукруг.

— Назад! Назад пока! — хотел оградить друзей от тяжёлой угрозы Алибасов, но как раз ему-то первому и пришлось поцеловаться с валом, который даже завибрировал и загудел.

Однако поздно было лишать фантомов провокатора. Они самостоятельно, забыв страх, рванули драться насмерть.

Отец Макарий, заслышав всесветный шум боя, устыдился, встал с топчана и вышел, держа в руке обычный мясной топорик.

У него с детства не хватало духа вообразить себя в древнем сражении, где каждый миг в каждый бок твой целилось по дюжине стрел и клинков. Невозможным казалось выжить там хоть минуту.

Выйдя из землянки, отец Макарий вдруг прозрел и уверовал в свои богатырские возможности. Моментально обострилось до ястребиного зрение, реакция стала рысей, сердце взыграло веселей воробьиного.

Отец Макарий, успев полюбоваться траекториями полёта, уклонился от двух подряд бутылок, а затем без суеты и волнения чиркнул топориком наискось по лицу Буйнова и двумя короткими тычками расщепил лоб Шуре.

Часом позже отец Макарий стоял кружком с оборотнями, было тихо, и они потешались над прошедшей битвой. В это время из канавы с кислым ручьём выбрался фантом Сергея Зверева в обгаженных мехах. В одной руке он держал шашлычный шампур, а в другой — плюшевого диснеевского Пятачка.

— Ребята, что вы такие злые, а? — спросил он, ступая боком мимо них. — Меня-то вы должны знать и обижать не будете...

Нечисть сделала выводы из битв, учла особенности физики оборотней, и её новое нашествие едва не стало победным.

Небо над землянкой затмили фантомы секс-героинь, слетавшихся на мётлах. Со свирепостью ос они напали на растерявшихся оборотней и принялись их ласкать и облизывать.

Оборотни, воя от боли, пытались стряхнуть с себя ведьм, но те прицепились намертво — их причёски были оснащены тысячами рыболовных крючков. Когда Саня Бондаренко и Юра Филин сникли и перестали кричать, ход развратного сражения переломил Царь. Из последних сил он принялся сдирать с себя ведьм, оставляя на себе их скальпы. Освободившись сам, он помог Юре и Сане, после чего они втроём устроили бой-реванш, который из какого-никакого уважения к реальным прототипам фантомов лучше не описывать. Для примера — фонтом Ксении Собчак... впрочем, примера тоже не надо.

Глава 6

Оборотни, а особенно отец Макарий, вошли во вкус битв. Он переменялся, стал весел и задирист, чему способствовало и то, что в Кайфе его нутро надорвалось, и он чувствовал добро и зло как сладкое и горькое, причём добро чаще оказывалось горче.

Однажды вечером, когда оборотни и отец Макарий возводили вокруг землянки укрепления из осиновых кольев, к ним пришёл человек. Не фантом и не призрак, а — человек. Тощий, высокорослый, в облупившемся кожаном плаще лётчика времён войны.

— Мне кажется, вы начинаете тухнуть, — сказал он. — Тратите себя на всякую шваль, а вам нужны Андрей и Светлана. Удивляетесь? Думаете, что за обморочный тип? Вы слишком молоды и не слышали обо мне.

— Я обречён как никто, — декларировал человек, распивая с отцом Макарием второй литр, — сначала отрёкся от Господа Бога, а следом и от сатаны. Совсем я беспризорный, и ждёт меня одно — гиена! В принципе, Андрей со Светланой и им подобные такие же обречённые, но они при земной жизни обеспечены роскошью и властью, а я отказался и от этой малости.

Да-да, я знаю по себе, роскошь и власть — дрянь! А вот душа... ох! Представь, каково мне. С проданной душой свой век допинавать. Да на хер бы нужны были эти богатства! Сказать тебе, кто перед тобой? Майор в отставке легиона его величества, первый капитан подземной лодки «Щука-5»! Яблоков Герман Селиверстович! Для тебя просто Селиверстыч.

До двухтысячного года я командовал «Щукой». Служба почётная, но паскудная. Особенно с середины девяностых она стала вызывать у меня блюй. Первые демократы-романтики хотя все были мерзавцами, но среди них встречались мужики, с которыми было не брезгливо и выпить. А потом на борт стали ступать сплошь наглые педерасты. «Щука» превратилась в вертеп, в гей-клуб. Команда, и я в том числе, превратились в подножную прислугу. Я попытался навести армейский порядок, но взяли и специально приписали в должностные инструкции капитана быть содомитом, а в обязательную форму одежды ввели кожаную маску. Я и написал рапорт.

Зато Андрюша и Света живут припеваючи. Дерьма куски. Помню, подобрал их здесь недалеко на болоте. Он — Каин в десятой степени, она — шлюха, которую вы все, конечно, помните. Теперь же они — свет, элита, сливки.

Мало-помалу они загребли себе столько власти, что к ним за благословением едут со всей страны.

— За каким благословением? — спросил отец Макарий, поводя ошалелыми глазами.

— К примеру! Надобно тебе стать депутатом, Андрей пишет крохотную статью о тебе или того меньше, за полминуты строчит образец заборной листовки — и всё, ты депутат.

— До того умный, что ли?

— Ладно б он один! И Света несколькими строчками меняет судьбы людей. Чирк — и ты звезда эстрады. Или нищий. Недавно вы бились с эстрадниками; все они утверждены Светой. Каково?

— Непонятно мне.

— А ты слушай. Десять лет назад алхимики преисподней угадали состав и способ производства бумаги, на которой пишется Книга Судеб. Сейчас внизу, — Селиверстович указал под ноги, — работает мануфактура, которая гонит бумагу, аналогичную той, на которой над нами, — Селиверстович указал пальцем в небо, — пишутся судьбы. Конечно, качество не совсем то и страницы не обязательно откликаются на текст. Поэтому от инициаторов требуется ещё и немалый ум и образованность, чтобы сочинить действенный текст. К примеру, если надо уронить на землю пассажирский самолёт, то недостаточно визуально описать его падение. Надо вникнуть в устройство машины и уже после того грамотно сочинить причину и картину катастрофы.

Вот была у меня половинка листа. Я, уходя с должности, втихую прихватил её. Пожил на «гражданке» пару месяцев, посмотрел на творящийся срам и решил использовать её. Целью выбрал Останкинскую телебашню. Мне, как мало кому, было известно, что в ней поголовно любимчики Хозяина. Так вот, прежде чем что-то написать на бумаге, я две недели сидел в библиотеках, отыскивая статьи и главы книг об архитектуре Николая Никитина, автора телебашни. Вечерами я поил старых и мудрых, как Зевс и Посейдон, электрика и пожарника, вызнавая у них тайны аварий и степени их опасности. Лишь после этого я взял половинку листа и мелким почерком исписал его с обеих сторон. Даже начертил схему электропроводки башни с помеченными критическими зонами. И то, ты знаешь, не сработало до конца. Вспыхнуть башня вспыхнула, но не переломилась, как я спланировал. Где-то офаршмачился.

То есть я о чём говорю? Так называемые инициаторы, к которым относятся Андрей и Света, обеспечиваются чудодейственной бумагой, но от них требуется ещё и компетентность. Хотя сейчас многие инициаторы наводят справки в Интернете и держат аппарат различных специалистов. Тот же Андрюша, чтобы загубить Сергея Бодрова, который никак не подчинялся и не шёл на сотрудничество, обращался за помощью к инициатору чрезвычайных ситуаций. У того целый институт советников. Вместе они месяц корпели над программой схода ледника. Бумаги истратили, как на диссертацию. Даже использовали снимки из космоса и геодезические карты.

— А Андрей со Светой за что отвечают?

— Они инициаторы культуры. Вернее сказать, сатанинской культуры. К прямому террору они редко прибегают, только при крайней

необходимости. У них своя специфика работы. Они иницируют культуру начерно, то есть через черновики. Пишут сценарии для сериалов и полнометражных фильмов, разных ток-реалити-шоу, черновики журнальных статей и бульварной литературы, которые потом внедряют через посвящённых медиамагнатов. Те в свою очередь передают для доработки эти черновики «гениальным» режиссёрам, журналистам и писателям. Далее — тираж, эфир, и в итоге бешеный эффект. Так нужны вам Света и Андрюша?

— Да.

— Конечно, нужны. Но ведь вы даже не знаете, куда лезете всякий раз! Додумались тоже, в Кайфе бардак устроить! Хотя молодцы. Ты — молодец. Как говорится, дуракам везёт, не в обиду будет сказано. Вы хоть знаете, зачем душепродавцы держат при себе игрушки, за которыми вы охотитесь? Нет? А собираетесь отнять игрушку у Андрея и Светы! Это вам не бесы-кровохлёбы и не буржуазная Кайфа, это уполномоченные дипломаты ада на земле!

— Ну и для чего им детские игрушки?

— Таково условие хозяина. Прервать не только род человеческий, но и не пускать младенческие души на небо, чтоб никому они не доставались и были сиротами между адом и раем. Каждая греховодница или грешная пара, поступающие на службу сатане, обязаны прервать свой род физически и метафизически. В случае детоубийства заводятся символические игрушки, которые не пускают на небо загубленные души детей.

— И что, у Андрея совсем нельзя забрать их игрушку?

— Нельзя. Он хоть и не инициатор экономики или обороны, но тем не менее вы к его королевству на пушечный выстрел не подступитесь.

— К королевству?

— Да. Он разместился на берегу Лены на семидесяти гектарах, как Солженицын. Возвёл терема, которых не было у древних князей. Загородился пятиметровым забором из кривых неотёсанных дубов, какого испугался бы Кощей Бессмертный. И охрана из иностранных наёмников. Полуторатонные минотавры с бычьими башками, летающие ящурь и задастые кентавры. Королевство защищено со всех сторон, в том числе и снизу. Площадь его забетонирована, а колодец террапорта закрывается подвижным титановым люком. Единственно, кто может вам помочь, — я.

— Как?

— Чудом. Как же ещё! Террапорт в королевстве окружён копией кремлёвской стены и запирается на глухие ворота. Раз в месяц с партией бумаги и письменными заданиями от Хозяина прибывает «Шука», и встречают её исключительно Андрей и Света. Охрана и близко не подпускается. Мы захватим «Шуку» и нагрянем в королевство хуже татарина.

— Захватить «Шуку», значит, возможно?

— Нет. Невозможно ни практически, ни теоретически. Но мистически может получиться. Отсюда выходит, что предварительно нам предстоит наведаться в Коммунангельск.

— Куда?

Глава 7

Изначально появилась железнодорожная станция Ангельск. 1871 год. Название пошло от деревни, стоявшей на речке-ручейке Ангельской, на берегу которой, по преданиям, жил кто-то из праотцов православия на Руси. Вода речки считалась целебной.

А станции дал жизнь кто-то из праотцов железнодорожного подвижничества. Очевидно, горячий в делах железнодорожных, но малоопытный в деле праотцовства, он сотворил то, чего можно бы было и не творить. Станция уродилась бестолковой. Посередь рязанского леса, она не обросла ни промышленностью, ни человеческим жильём, и лишь потому, что была тупиковой и на ней имелся разворотный круг для паровозов, она худо-бедно действовала.

Как она была ничем, так и с приходом революции не стала всем. Случилась только одна перемена: добродушно и не подумавши переврали её имя с Ангельска на Коммунангельск.

В 70-х годах XX века про станцию вспомнили и на радостях принялись присылать на неё для отстоя цистерны с радиоактивными отходами.

Очень мало обитало на станции людей, а те, что и обитали, имели вид тех, кому не досталось места получше. Как начальник линейного пункта милиции, у которого не было ни одного подчинённого, Ваня Косолапый и дежурная по станции Марина Тихонова. В паспорте у Вани значилась редкая национальность — ассириец. В больших коричневых, как у коня, глазах Вани тлела безнадежная тридцатитрёхлетняя тоска. В имуществе Вани, кроме присвоенной формы одежды, имелась книжка стихов Эдуарда Асадова с рукодельной закладкой на «Если любовь уходит». Её, книжку, словно всякий раз она была новая, Ваня давал читать Марине.

Марина всего полгода как приехала работать на станцию, и в её чернильных глазах плавала тоска тридцатиоднолетняя.

Они первыми прибежали к месту случившегося. Цистерна с испытательным ракетным топливом отцепилась от состава и, набирая ход, покатила в бетонный тупик. Ударившись, она опрокинулась с рельс и раскололась. Взрыва не последовало, а не то рельсы перевернуло бы вверх шпалами.

В тот же день на ликвидацию аварии прибыли солдаты химбригады. Они никого не спасли, потому, что не нашли кого спасать. Милиции тоже не удалось установить место нахождения работников станции и своего коллеги Вани Косолапого. Сообщить об их безвестной пропаже родственникам также не удалось, так как оказалось, что ни у кого из них родни не было.

Приехали учёные. Установили непоправимое заражение почвы и атмосферы. Особое уныние на них напало оттого, что вся цистерна просочилась в речку Ангельская, вытекавшую из земли в двухстах метрах от станции. Вода речки стала изумрудной, и над ней повис фосфорический туман. Однако это же самое обстоятельство в дальнейшем учёную комиссию удовлетворило, так как выяснилось, что речка кроме заражения подверглась аномалии. У неё образовалось два, одно под другим, течения, отчего ядовитая вода циркулировала в Ангельской, не грозя опасностью более дальним водам рек

и озёр. Счастье разгадать Ангельскую аномалию учёные оставили на долю потомкам.

На том станция своё существование прекратила. Железнодорожный путь к ней пресекли и забыли про неё.

Между тем на станции настала жизнь другая, счастливая и таинственная.

В злополучный день, когда опрокинулась цистерна, из леса вышел прозрачно-светлый старичок. Он брал за руку отравленных и вёл их на речку. Обеспамятевшие люди послушно плюхались в сверкающие воды, а к приезду солдат и милиции они уже прыгали с сосны на сосну, почти не колыхая ветвей, и радостно хихикали, наблюдая за суматохой и тщетными поисками их тел.

Ваня и Марина едва очнулись. Они угорели совсем рядом с цистерной и с полчаса лежали в радиоактивной луже.

На речке быстрее ожил Ваня, и кто видел, поняли, что ожил вождь.

Марина, оживши, взялась за ветку дерева, потому что её сносило слабым ветерком. Плоть её растаяла, сознание тоже. Новые глаза глядели в мир, и мир по-новому отражался в них.

— Айда в Коммунангельск? — спросил Селиверстович, закончив рассказ.

— Сели... электрыч, — ответил отец Макарий, медленно моргая, — давай завтра. Да и примут ли нас?

— А вот хрен ещё знает! — На Селиверстовича алкоголь действовал возбуждающе; он отвернулся от пустой бутылки, явно ища такую же, но полную.

— Известно, где находится станция? — спросил Царь.

— Юноша! — Селиверстович значительно взглянул на Царя. — Я знаю, где находится и станция и не станция. Твоя задача сейчас одна. Для отставного офицера дьявольского легиона найти ещё!

Юра хотя нёсся с волчьей скоростью, держал спящего брата на руках и берёг от тряски.

Царь же и Саня Бондаренко на бегу играли Селиверстовичем в пионербол, швыряя его, будто он был спортивным снарядом. Того гляди он мог налететь на острый сук или просто оказаться не пойманным, но оборотни проявляли похвальную ловкость и подачи принимали мастерски. Отставной офицер дьявольского легиона, задыхаясь, выкрикивал жуткие проклятия, и его в разные стороны рвало.

— Дальше можно шагом! — оборвал он игру собой, когда впереди показалась железнодорожная насыпь.

Пошли по сросшимся с землёй шпалам. Наступало утро. За ними уже наблюдали дозорные, скача по лесным веткам легче белок.

Не слезая с рук брата, отец Макарий присматривался к вырисовывающемуся впереди зданию из красного кирпича. Два этажа. Традиционные для вокзалов XIX века арки и арочные окна, причудливая пряничная крыша. Отец Макарий, вглядываясь, пытался уяснить режущее глаз противоречие. Что-то в здании было очень свежее и живое. Он понял противоречие, присмотревшись к поросшей берёзками кровле. На почерневшей жести в ожидании солнца сидела стая надутых городских голубей.

— Давайте внимательней! — сказал он, слезая с рук на землю. — Здесь действительно живут.

Остановились оглянуться на привокзальной площади. Асфальт разошёлся трещинами, из которых бурно росла трава. Под ногами не валялось ничего, что могли оставить за собой люди: ни окурков, ни обёрток, ни тары. За площадью в непролазных кустах просматривались полулежащие сараи и барак с изогнутой, словно кошачья спина, крышей. Всё молчало о том, что человек на станции не дышал полвека. Но кем-то напуганные взмыли в небо голуби...

На площади после невероятного, неизвестно откуда прыжка, приземлились два картинных воина в костюмах «лешего», сплетённых из листвы и травы. В руках они держали тоненькие комариные сабли.

— Мы с миром! Не бойтесь нас! — выступил к ним Селиверстович, изобразив сцену встречи конквистадора с дикарями.

— Мы не боимся, — вежливо ответил один «дикарь», — пройдёмте с нами. Смелей.

— Мать его! Если сразу повели в лагерь к вождю, значит, скорее всего, прикончат сегодня же. Зря раскрываться не будут. — Настроение Селиверстовича стремглав ухудшалось. — А не поздно было ещё покаяться и вернуться на службу. Поломойкой, но дотянул бы свою лямку. В рот всё!

Шедшие впереди воины спокойным слышным тоном разговаривали меж собой:

— Ты когда в баню?

— Думаю, сегодня. Десять суток в дозоре без сна да послезавтра в командировку на Сахалин за добровольцем. Попарюсь вечером и посплю минут сорок.

— Ничего себе, ты спать горазд!

— Я-то ладно. Вон товарищ Костров за прошлый месяц три часа с лишним наспал.

Лагерь Коммунангельска располагался внутри могучего холма, выросшего кругом. Склоны холма были настолько высоки, что казалось, ты попал в ладони великана. По склонам росли сосны и ели вдвое толще и выше обычных. По дну лагеря, вытекая из одного склона и втекая в противоположный, лилась изумрудная речка Ангельская, шириной в два-три мужских шага. По обоим берегам речки стояло несколько бревенчатых избушек с обустроенными купальнями внутри них, которые наполнялись ключами, бьющими через землю из игривой речки. Среди избушек стояла на высоких железных козлах та самая цистерна. Баня.

Отдельно на взгорке имелась в лагере и часовня. Деревянная, узкотелая, с местом внутри для одного человека. Смотрелась она одиноко и казалось, что поставлена она не для обитателей лагеря, а в ожидании одного заветного человека, который однажды нарочно придёт, чтобы справиться службу.

Последним зданием в лагере был пассажирский вагон, вошедший колёсами в землю. Он являлся казармой для новобранцев лагеря.

Выше находился непосредственно сам лагерь. Он держался на паутине канатов и шнуров, растянутых между деревьями. В центре пространства висел шатёр, скроенный целиком из ярко-алого шёлка.

Вокруг шатра, сверху его и снизу, громоздилось свыше сотни однотипных зелёных палаток. Между палатками и шатром были натянуты дорожки из лёгких разноцветных тканей. Соответственно шатёр имел административное значение, а палатки относились к жилому сектору.

Отец Макарий, перевидавший за последнее время предостаточно всяческих зрелищ, онемел перед величием и торжественностью Коммунангельска.

Сопровождающие воины задрали головы и зашептались:

— Вождь! Вождь!

Из административного шатра, откинув занавесь, вышел человек. Разглядеть его было трудно, он находился далеко, на высоте приблизительно 15-го этажа. Но не прошло и пары секунд, он предстал на земле, просто-напросто спрыгнув вниз. Стройный, с просторной грудью, облачённый в шелестящие, как фольга, серебряные доспехи.

Он внимательно оглядел пришельцев, а потом крепко и мясисто пожал им по очереди руки, называя каждого по имени-отчеству.

— Товарищ Колосов и товарищ Андреев, — обратился он после к своим воинам, — в командировку завтра отправляетесь вместе. Сегодня отдыхайте. Если хотите, посмотрите Историю. Сегодня хорошо показывает Куликовская битва. Советую посмотреть четвёртый и пятый часы общим планом. Впечатляет. На сегодня благодарю за службу!

— Ясно, товарищ Косолапый! — в один голос ответили воины. — Спасибо.

— Мы вас не ждали, — переключился вождь на гостей, — поэтому успели установить только ваши имена и вкратце биографии. Мотивы визита мне непонятны. Поясните.

— Хотим мы захватить адскую субмарину и потом под флагом войны пойти на королевство Андрея и Светы, — волнуясь, сказал Селиверстович.

— Дело хорошее, а что требуется от нас?

— Переродиться... Хотим, чтоб вы нас крестили... — вяло ответил Селиверстович, теряя присутствие духа, словно перед ним стояла дверь зубного кабинета.

— Герман Селиверстович! — Вождь на полтона повысил голос. — Вы отчаянный человек. Сколько лет служили? Или служите до сих пор?

— Не казните! — вдруг выпалил Селиверстович.

— Ты думал, куда идёшь, иудёныш?! — вдруг вскипел и вождь.

— Не казни! Дай душу отвести, пока она ещё со мной. Делом хочу раскаяться!

— Складно слагаешь. Хорошо! Как скажет Роман Рудольфович, так и будет, — вождь взглянул на отца Макария. — Пойдёмте прогуляемся.

— Тебя, честно сказать, я заметил ещё на прошлой неделе. Не против, что буду называть тебя по имени? — запросто, по-дружески, говорил вождь.

— Нет, не против. А где заметили?

— Видел, как ты крошил фантомов.

— Вас же не было с нами.

— Я смотрел Историю. Вызвал 1920 год, отражение польской интервенции, октябрь месяц. Смотрю и чувствую, что рядом и сегодня идёт не менее интересное сражение. Поглядел и его. Ты мне понравился. И друзья твои. Я рад, что сейчас знакомлюсь с вами. Только не с легионером. Ненадёжный человек.

— Что значит смотреть Историю? Второй раз слышу.

— Узнаешь. Но сразу спрашиваю: возьмёшь под свою ответственность оборотней и перебежчика?

— Оборотни не подведут, а Селиверстыча я знаю со вчерашнего вечера. Мне трудно ручаться за него.

— Я спрашиваю немного не про то. Я не боюсь предательства. При случае моя разведка найдёт Яблокова быстрее, чем в хорошие времена ледоруб нашёл голову Троцкого в Аргентине. Насколько я понимаю, в вашем летучем отряде основным считаешься ты?

— Не водилось за мной солдафонство.

— Не ругайся. Я, поверь, тоже не солдафон. Дело в том, что относительно твоего крещения я верю в успех, но как Ангельская подействует на оборотней и на душепродавца угадать сейчас невозможно. Не исключено, что они просто не перенесут перерождения. Рискнёшь ли ты своими товарищами?

— Я за то, чтобы они выбирали сами. Приказы я не раздаю.

— Добро! Теперь объясню тебе процедуру таинства. Мы, первые воины лагеря, получили облучение от чистого топлива, которое, кстати, больше с той поры не производилось. Новых же добровольцев у нас облучает Марина. В День своего Перерождения она сама стала радиацией. Марина теперь, как говорится, страшнее атомной войны. — Вождь тихонько усмехнулся своей шутке. — Не всякий человек выдержит её нежность. Только если он даст Марине настоящую любовь. И то, предупрежу тебя заранее, будет очень больно. Так больно, — вождь перешёл на стыдливый шёпот, — что кончишь слезами!

Отец Макарий слушал вождя без видимого энтузиазма.

— А потом баня и купание. Они немного полегче. Ты-то, дай Бог, переродишься и жить будешь, но оборотни и легионер... Мы же до сих пор мало знаем об Ангельской, а что и выведали, то путём проб и ошибок или благодаря случайности. Посмотри! — Вождь указал на голубое облако, застывшее над лагерем. — Мы не специально его создали. Просто закаливали в Ангельской воде клинки для сабель, гнали из воды самогон и поначалу ни к чему было, что, испаряясь, она конденсируется в облако над нами. Сейчас облако копится и живёт самостоятельно. Вбирает в себя со всей России испаряющиеся русские слёзы и прирастает день ото дня. Подумали мы на Совете и решили строить воздушный парусный флот. Там, за холмом, у нас верфи, на которых мы строим шлюпы, шхуны и фрегаты. В нужный час водрузим их на облако и помчим на врагов Родины и Бога.

— Простите, вождь, но я вижу, вы уже сегодня обладаете огромными силами. Почему не поднимаетесь против нечисти?

— Мы ждём, когда снова явится к нам Владыка. Если он привёл нас за руку сюда и спас, значит, от него нам ждать и знака. А ты действуй. Я думаю, мы не нарушим обет, если окрестим тебя и благословим на ратный подвиг. Если справишься, возвращайся к нам, примем.

— Как оно действует, крещение?

— Атомы, из которых соткано твоё тело, поменяют полюса. Ты сделаешься легче воды и проницаемее воздуха. Есть будешь по несколько крошек в месяц. Научишься слышать вдаль на много километров и даже то, что давно отзвучало.

— Когда мне готовиться? — спросил с придыханием отец Макарий.

— Сегодня иди к своим товарищам, а завтра, помолившись... Не бойся, оно стоит страданий.

— Да я так уж, последнее время...

В купе вагона, лёжа на полке под шерстяным одеялом, отец Макарий уснуть не мог. С детства он отличался непереносимостью сильной боли. Трусом не был и истерик перед медицинскими инструментами не устраивал, но обычно спустя минуту после пережитых ощущений он скоропостижно терял сознание.

Чем дольше он не мог уснуть, тем неожиданнее настало утро. Открыв глаза и с разочарованием увидев спелое солнце, он понял, что уснуть получилось, а поспать — нет.

В купе вошёл вождь и, не заботясь о психологическом комфорте отца Макария, произнёс:

— Мужчина ты взрослый, потерпишь. Главное, вытерпеть в начале и в конце. Узнаешь, что мог бы чувствовать покойник, если б мог, в морге на вскрытии.

— Так я первый пойду? — позорно спросил отец Макарий.

Вместе с вождём он пришёл на вчерашний вокзал.

— Может быть, уже раздумал? — спросил вождь. — Нельзя. Поздно. От нас или крещёным или да простит меня Бог! И не вздумай бежать от Марины. У тебя будет достаточно времени вспомнить настоящую любовь и показать её Марине. Прости меня за нескромный совет, но старайся, как при самоудовлетворении. Ну а если окажется, что ты никогда не любил, то на всякий случай давай прощаемся.

На втором этаже вокзала вождь подвёл отца Макария к высоким дворцовым дверям.

— Я тебя дождусь внизу. Никто вас не побеспокоит.

Кабинет оказался просторным. Вероятно, раньше он предназначался для начальника станции. По сравнению с пройденной только что лестницей и коридором кабинет светился хирургической чистотой. На окнах зеленели головы кактусов, а в углу куда-то шёл в полный рост гипсовый Ленин. Мебель кабинета не внушала спокойствия: белая больничная ширма, низкая кушетка, застеленная белой простынёй, и стол с белой скатертью, на которой потерянно стояли бутылка «Советского шампанского» и стеклянный стакан в подстаканнике с отечеканенным салютом над Красной площадью.

— Не стесняйся, открывай и пей, — произнёс из-за ширмы молодой и смущённый женский голос. — На станции хорошего хранится много.

Отец Макарий взял бутылку, всмотрелся: дата розлива — 1973.

— Вспомни, Роман, кого любишь или любил. Не напрягайся, я хорошо тебя вижу. Вижу, что сочиняешь, как оправдаться передо мной, чтобы я отпустила тебя. Мы туристов не принимаем. Не бойся меня, — голос усмехнулся, — сердце твоё мне даже на уши давит. Сделай его потише и начинай наконец.

Отец Макарий налил шампанского, оно вспенилось и залило скатерть. Уставившись в утреннее окно, он вспомнил Дашу, которую уже представлял на обозрение в балагане Кайфы.

— Нет, Ром. Требуется любовь, а не нежность.

Отец Макарий взял сладкий стакан и, зажмурив от стыда глаза, подумал о французской певице Милен Фармер. Ещё в армии, в 1992 году, он увидел её клип с волками «Beyond my control» и затаил в себе подростковую мечту о ней.

— Любовь поклонника, — с тихой иронией отозвался голос.

Отец Макарий опрокинул в себя стакан, не рассчитав, и холодные струйки побежали по шее за воротник. Скрипнув зубами, он вспомнил Алёну, проститутку из саратовской гостиницы. Она пришла к нему в номер с дрожащими от страха руками, села на кровать и уставилась на скудную пищу, оставшуюся у него с ужина. Он накормил её, а пока она ела, смотрел и сомневался. Вдруг, не дав ей допить из бутылки пиво, он, как ему казалось, забыв, что уплачено, сказал:

— Ты принцесса! Люблю тебя! — и повалил её на кровать.

Голос из-за ширмы грубо оборвал мысли отца Макария:

— Это уже издевательство!

Отец Макарий махнул рукой и встал.

— Я согласен без анестезии!

— Спешись. Геройство тебе потребуется в более безболезненных случаях. Косолапый сказал, что глаза у тебя хорошие. Вспомни ещё. Может быть, безответная любовь? Или совсем несостоявшаяся? Вспомни и увидишь её прямо сейчас.

В 2003 году он дорвался до уголовщины. Связался с цыганской семьёй, промышлявшей воровством из церквей. Он наводил, указывал место и время, что брать, а они крали. Попались все разом, но по нему у следствия набралось доказательств только на один, последний, эпизод. К тому же задержали его в Александрове, где он имел постоянное место жительства. У Даши. Поэтому, в отличие от цыган, арест его миновал. Ограничились подпиской о невыезде.

Следствие вела Михайлова Анастасия. Отец же Макарий, вместо того чтобы быть благодарным за подписку, избрал тактику, которую выбирают все до единого мерзавцы перед следователями-девушками. А именно хамить и пререкаться. Считая себя первооткрывателем подобной тактики, он старался всюду: болтал, когда не спрашивали, и болтал не о том, когда спрашивали. Отказывался сидеть на стуле, указанном Анастасией, предпочитая стул другой, на деле ничем не лучше первого. Со временем, к своему огорчению, он заметил, что следователь его эксцентричности не замечает и тем более не обижается. Печатала на компьютере, давала ему подписывать. Раз он отказался от подписи, на что услышал: «Слушайте, я двое суток не спала, у меня изнасилование с убийством. Подписывайте и уберите к чёрту».

В другой раз он решился уйти из кабинета, хлопнув дверью, но в спину услышал голос своего адвоката: «Эй, убогий, вернись!»

Отказ от враждебной тактики произошёл, когда вечером милиционер принёс очередную повестку. Приняв её, отец Макарий уставился в почерк Анастасии, после чего собрал остальные от неё повестки и до

полуночи любовался ими, словно любовными письмами. Незаметно для себя он стал вспоминать её лицо, руки, одежду. До утра он пил чай, смотрел на часы и щекотно вздрагивал, отмечая ход стрелок к заветному часу.

Отправляясь в милицию, он забрал волосы в рыцарскую косичку, подравнивал и надушил бородку и оделся в отпаренный мирской костюм. Наряджаясь, он ни на миг не задумался о том, что с ним случилось.

В кабинете его ударило озарение. Он понял, что видит ту, в которой соединились самые превосходные женские смыслы, начиная от пещерного состояния и до вневременных течений, созданных религией и поэзией. Анастасия смеялась и в это время скалилась, как обезьянка. Задумывалась — и у неё появлялась монументальная осанка. При том она не показушничала, а была настолько естественной, что в присутствии руководства или подозреваемых по делу позволяла себе пить чай без помощи рук. Наклонялась к чашке, мигала от горячего пара и звучно тянула чай губами.

Красота её не ошеломляла, но завораживала постепенно, как музыка Шнитке. Зато глаза ослепляли и завораживали, как сварка. Если ей было что-то интересно, они резко увеличивались и скашивались, точно у ребёнка, увидевшего слона.

Отец Макарий любовался коралловым платком, повязанным на её шее, и неизменной чёрной шалью на её плечах, когда она спросила:

— У вас что-то случилось? Я могу помочь? Почему не шумите сегодня?

— Дурак я, — хрипло ответил он.

— Были им или сегодня стали? — Она беззвучно засмеялась и снова стала мартышкой.

— Вчера, — сказал он.

На очную ставку он явился раньше назначенного и принёс красную герберу. Ему казалось, что от волнения взмокли даже сердце и желудок, но неожиданно для себя в момент истины он объяснился внятно и без запинок. Попросил прощения и признался, что счастлив. Анастасия же, как делу быть, раздвинув сугробы бумаг, поставила цветок на свой стол.

— Спасибо! — сказала она. — А вечерами вы не с кинжалом наблюдаете меня на другой стороне дороги?

— Вы очки носите. Я думал, вы не видите меня.

Кульминация случилась в последнюю встречу на ознакомлении с обвинительным заключением. Внезапно она обратилась к отцу Макарию на ласковое «ты» и попросила называть её без отчества Анатолиевна. После ознакомления, прощаясь, Анастасия вдруг дёрнула его за бороду — и так искусно, что у него клацнули зубы.

Отец Макарий встал, уронив стул. Анастасия Михайлова вышла из-за ширмы. В кораллово-красных одеждах, с теми же платком и шалью. Тонкая, гибкая, с ослепляющими глазами. Двумя пальцами она взяла его за голый подбородок и притянула к себе. И снова клацнули зубы, но не от шутки, а от дробящего электрического поцелуя.

— Что ты заплакал? — спросила она и ободряюще улыбнулась.

— Само, — ответил он, обуреваемый восторгом и страхом.

На кровати она погладила его грудь ладошками и словно сыграла на струнах арфы. Иерихонской оглушительной болью отозвались нервы в мышцах и рёбрах.

Непроизвольные слёзы заливали глаза отца Макария. Он держался и не кричал, пока Анастасия не погрузила внутрь него свою руку и не взяла в ладонь его сердце.

— Тише, маленький! — шепнула она и погладила его по голове, проникнув пальцами сквозь череп.

Отец Макарий кричал и бился.

— Вот и нужные слёзы, — сказала она, утирая улыбающиеся губы. — А спать нельзя, не спи.

Вождь и какой-то новый воин потащили отца Макария от вокзала к низкому подвальному строению с круглыми сводами. За железной дверью был широкий и просторный колодезь, заполненный густой отработкой мазуты.

С молчаливым тщанием воин и вождь искупали отца Макария в мазуте, сноровисто перехватываясь и вертя его телом, чтобы не осталось ни одного белого места. Добившись его полного почернения, они двинулись с ним обратно к вокзалу.

— Сейчас из тебя сделаем чудо в перьях, — сказал вождь отцу Макарию, залиvisto смеясь.

— Что хотите, делайте, но с любовью покончено! — пошутил и отец Макарий, болтаясь на чужих руках и сплёвывая тягучий мазут.

По узкой почти вертикальной лестнице его втащили на вокзальный чердак, место сумрачное и вселяющее жуть. Свет сюда попадал через два арочных оконца, и благодаря им же по чердаку гулял леденящий сквозняк. Угнетающе для живого рассудка смотрелись костяки палеонтологических балок и перекрытий. И повсюду, куда не ступи, находились голубиные помёт, пух, перья и скелеты. О глубине голубиного слоя свидетельствовал медный бюст Александра III, погружённый по орденоносную грудь.

С воодушевлением и хохотом вождь и воин взялись катать отца Макария, пока тот и в самом деле не превратился в чудо в перьях.

— Терпи казак! — приговаривал вождь. — Нельзя ж тебя в баню голым посылать. Хотя можешь выбрать, что тебе лучше: быть грязным, как свинья, или, как она же, но опалённым?

В лагере цистерну растопили докрасна. Она гудела от жара.

— Хотите сказать, я в неё полезу? — спросил отец Макарий, имея вид большой совы.

— На одну минуту! — утешил вождь. — Дольше-то и нельзя.

... Извлекли отца Макария безжизненным.

— Сердце встало, — угадал вождь, — То, что нужно! В купальню его скорей!

Спёкшиеся пух, перья и помёт зашипели в воде с интенсивностью аспирина. Из-под них показалось креветочно-красное тело.

— Что не оживает-то? — пожал плечами вождь. — Наверное, хорошо получится.

Отец Макарий выбрался из купальни, кряхтя и охая.

— Как самочувствие? — спросил вождь, хитро щурясь.

— Ангельское! — ответил тот, встав на траву и не примяв её.

Селиверстович орал у Марины навзрыд, а из купальни его доставали волоком.

— Получиться получилось, — констатировал вождь, — но видно, что сгорел. День-два попрыгает, не больше.

Оборотней вождь без церемоний сразу загнал в речку. С коровьей покорностью они зашли по колено, и вода винтом взвилась вокруг них. Когда же она успокоилась, на берег ступил трёхголовый волк с красными слюдяными крыльями.

— Тоже неплохо, — отметил вождь. — Всё-таки, в отличие от легионера, с виду тварь живучая.

— Что ж, крестник ты мой славный! — обратился вождь к отцу Макарию. — Будем смотреть Историю?

Вдвоём они запрыгнули в висячее городище, причём у отца Макария это получилось с раза восьмого: он брал то выше, то ниже, то мимо.

— Ступай смело и твёрдо, — вождь распахнул створы одной из палаток.

Внутренний интерьер палатки ограничивался гамаком, сплетённым из тонких ниток, соломенной раскладушкой, двумя походными складными стульчиками, сконструированными из рябиновых веток, и такой же системы столиком.

— Здесь я и живу, — сказал вождь, — только половину мебели надо выкинуть.

Столик был сервирован разноцветной посудой из детского игрушечного набора.

— Ты сегодня устал, поэтому ешь? наедайся! — пригласил к столу вождь, указывая на тарелочки с земляникой и крошками печенья.

Вождь Косолапый взял пузырёк из-под «Ревита» и разлил по напёрсточным чашечкам зелёный напиток.

— Абсент? — спросил отец Макарий, намекая на свои алкоголические познания.

— Ангельская водка.

Отец Макарий опрокинул в себя чашечку и минуту не смог дышать. В пору попок со Стасом он пил 70-градусный абсент стаканами и вместо закуски только сморкался...

— Мягкая ведь? — спросил вождь. — Для сравнения налью тебе сейчас ангельского спирта.

— Подожди!

Отец Макарий, поколебав пол и столик с посудой, вскочил на ноги. Он явственно услышал за стенкой палатки пушечный выстрел.

— Хорошо тебя пробрало! — засмеялся вождь.

Вслед за тем рвануло ещё пять подряд выстрелов, но прямо над ухом.

— Ты просто пока не запьянел, — объяснил вождь, — и слышишь недавнюю войну в Чечне. Очень шумная История. Звуки с неё свежие, явственные. Но я скорее хочу научить тебя слышать древние времена. Настройся на дальние частоты. Сейчас без сильных помех навевает интересное сражение владимирской дружины с хазарами.

— С ума сойти! — вскрикнул отец Макарий. — Кругом бойни слышу!

— Остудись. Сядь, объясню. Физики зря недооценили свойства звука. Помешались на свете, обоготворили его. Скорость света провозгласили эталоном и разменной монетой. Чушь! Звук важнее! Особенно человеческий голос, если он на пределе сил, то живёт дольше, чем свет звезды. Со временем ты научишься улавливать колебание нескольких

молекул и восстанавливать по нему случай из прошлой эры. Иногда и позапрошлой. Давай по второй!

После пятой отец Макарий услышал шёпоток, вьющийся подобно мотыльку. Запустил его в себя. Шёпоток-мотылёк всполошился и стал биться, набирая скорость и силу. Он растревожил частицы, из которых состояла новая плоть отца Макария, входя с ними в резонанс. На мгновение пережив безболезненные ядерный взрыв своего тела, отец Макарий всецело превратился в орган зрения. Увидел суздальское океаническое поле и струнные ряды хазар и русских. Тишину и смертельное ожидание.

И вот тот мотыльковый звук. На самом деле он был не шёпотом, а удалым гиком. Из рядов русских выбежал парень, сбрасывая с себя на ходу кольчужку, налокотники и шлем. Он вприпрыжку, как озорной ребёнок, помчался один на семь тысяч врагов, смотрящих на его дурость сквозь сжатые зубы. А он врубился в их неколебимые ряды, и сотворил в них сумятицу, и разрушил их порядок. Его кололи и рубили, а он не падал им назло и на смерть себе обливался смехом. Парень до начала решил и за ту и за другую сторону исход битвы, придумав наверняка умереть и наверняка победить. Его мотыльковый подвиг был всё равно, что камушек, взбаламутивший тяжесть глубокой воды. Хазары не успели выстроиться заново, когда русские вслед за парнем уже нагрянули на них.

— Вдохновляет? — спросил вождь. — Ты не видел Сталинград!

— Пора и честь знать, — отец Макарий встал. — Пора мне!

— Ты перед тем как в землю нырять, сходи и прополощи в Ангельской свою одежду, чтоб она тоже стала проницаемой, — сказал вождь, погрузнев. — Отдал бы тебе алмазную кольчугу, но в земле она застрянет.

Верхом на трёхголовом волке отец Макарий и Селиверстович взлетели к небу и оттуда спикировали вертикально вниз. В землю вошли без брызг. Попад со света в плотную подземную тьму, отец Макарий несколько минут впустую моргал, но потом привык и в упор увидел навечно сцепившихся сверхсуществ: ангела с лицом Есенина и нежитя с двухметровыми яблоневыми рогами.

— Что здесь приключилось? — спросил отец Макарий сидящего сзади Селиверстовича. — Не отсюда ли пошло название речки?

— Я что, всё знать должен?! — с ненавистью отозвался тот.

Оборотни слёту освоили крылья и понеслись на них со скоростью, чреватой для внутриземных гонок. Висевшая в земле двадцать веков медная монета ощутимо угодила отцу Макарию между глаз и развеяла надежды о его неуязвимости.

Летели примерно сутки (ни звёзд, ни солнца не было, чтобы определить по ним время), периодически выныривая хлебнуть воздуха. На исходе этих мнимых суток часто стали встречаться охотничьи лабазы и рыбацкие хижины на обкуренных столбах — «курых ножках», что свидетельствовало о близости большой реки.

Привал устроили возле громады астероида, напоминающего по форме миокарда.

— В какое время, сказать трудно, но точно, что скоро под нами пойдёт «Щука», — сказал хмурый Селиверстович.

Глава 8

Ответственными по мобильной обсерватории заступили сразу двое, известные музыканты из группы «Агат и крест», братья Сафоновы. Ступив на борт «Щуки», они перво-наперво поставили в известность капитана Антона Сергеева о том, что дают ему десять секунд, чтоб он исчез, гад.

Антон Сергеев, бывший помощник Германа Селиверстовича, капитанскую службу нёс образцово и кожаную маску чистил сапожной щёткой до зеркального блеска. Он в не меньшей степени презирал Вадима и Глеба Сафоновых, чем они его. Но их взаимная неприязнь не была взаиморавной. Братья его побивали, а он прятался от них и в судовом журнале писал про них замечания.

Глеб и Вадим, мало кто знает, слыли подонками редкими. Они одни служили «при дворе» без контракта. Их души даром были не нужны.

Считалось, что они служат на доверии, но именно его от начала своей службы они попирали и не дорожили им. Братья скучали.

На сей раз они пришли во всеоружии, держа в руках наполненные магазинные пакеты. «Щукинскими» напитками и закусками они брезговали.

— Если что, я сплю! — бросил Сергеев, захлопывая за собою дверь капитанской каюты.

— Звездуй отсюда! — напутствовал Глеб.

— Куда нам сегодня? — спросил Вадим Глеба.

— Его надо было спрашивать, но он заперся.

— Мы, значит, опять, капитаны. Поехали в Управление ада! Разворотим им КПП. Скажем, что он.

— Нам не поверят.

— Что это?

— А то! Бумагу нам не дают. Доступа к вербовке мы лишены. Не верят нам.

— Нечего было в контракты несуществующих людей вписывать. Я тебе говорил, залетим.

— Мне кажется, мы с тобой последний раз заступили ответственными.

— До звезды!

Водители тоже ругали службу. Вспоминали семьи.

— Ольга не верит, что я в дальнобойных рейсах. Думает, изменяю ей сутками.

— Знала бы она, с кем ты изменяешь.

— Какая разница-то!

— Есть разница. Кто лучше-то, Мадонна или Спирс?

— От обеих дёгтем пахнет.

— Согласен. От Лопес воняет тоже. Сколько мы их перекатали! Я одну только Стоун два раза.

— Да. Жене-то, конечно, это не объяснишь.

— Слушай-ка, сегодня заступили «агатовцы», пойдём посидим с ними. Хорошие люди.

— Как мы с тобой?

— У нас контракты, а они — вольнонаёмные.

Мотористы закорили «Шуку» в пещере с высокими театральными сводами посреди озера, не знавшего тревог от начала континентов.

Вскоре в лодке дым стоял коромыслом. Пили, курили и поливали помоями свою службу.

— Глеб! Вадим! Вас Андрей со Светой должны бояться больше сатаны! — развивал спорную тему моторист Дима. — Вы зря не карьеристы! Вы бы могли хорошо подняться.

— Зачем, Дим? — устало отвечал Глеб. — Мы, наоборот, давно поём про то, что пора демонов бить.

— Да что петь! Надо реально бить!

— Пойду открою. Стучится кто-то, — сказал обалдевший от курева моторист Алексей, и прежде чем на его шальное намерение обратили внимание, он отворил дверь.

Ворвался трехглавый волк. Кусал он команду тщательно и поровну, не интересуясь ничьими должностями и обязанностями. Затем вошли отец Макарий и Селиверстович.

— Вот нам и конец настал! — громко усмехнулся моторист Дима, держась за разодранное бедро. — Старый наш начальник вернулся. Я же говорил, что он станет маньяком.

Селиверстович тяжело глянул на говорящего и спросил:

— С вами после. Мне нужен ответственный. — Он уставился на Глеба с Вадимом. — Оба, что ль? Два сразу? Уже парами разрешается?

— Селиверстыч, не ври! — смело вступился моторист Алексей без уха. — Знаешь же их! Единственные, кого уважать!

— Мне отныне без разницы! — огрызнулся Селиверстович. — Нет среди нас хороших! Ни вас, ни их, ни себя не пожалею. А где капитан сам?!

Дверь капитанский каюты опасно скрипнула, и вышел Сергеев, в одной руке тиская маску, а в другой имея кольт с полуметровым стволом.

— О! Не узнать! Просто рыцарь! — заржал Селиверстович. — А сапоги-то! Путана с Тверской, да и только!

— Покиньте судно! — пискнул капитан Сергеев. — Считаю до трёх.

Не успел он договорить фразу «...до трёх», Селиверстович приблизился к нему и выдернул из его руки револьвер.

— Ты в кого превратился, Антон, а? Мы же вместе начинали! Олух!

— Селиверстыч! Не упрекай! Ты же знаешь, каково с проданной душой. Остаётся надеяться.

— На что?!

— Мало ли дослужусь...

— До чего?!

— Пробьюсь повыше. Заработаю проклятье быть бессмертным.

— Ромб не заработал, а ты зарабатываешь! Стой-ка! Где помощник твой?

— Он больничный взял, когда узнал, что братья Сафоновы поедут. Даже косметики на лодке забыл.

— А тут на тебе, ещё хуже Сафоновых гости, да? — расхохотался Селиверстович. — Готовимся на выход!

— Там же дышать нечем! — захлопал глазами Сергеев.

— Поэтому не советую брать духи и дезодоранты! — издевался Селиверстович. — Разрешаю взять деньги и драгоценности!

— Слушай, хватит! — вступился отец Макарий. — Живых людей не трогай, не дам. Высадим их на поверхности и пусть живут. А может быть, кто-то захочет и с нами пойти.

— Куда вы собрались? — спросил моторист Дима.

— Побеспокоить Андрея и Свету.

— Жить не хотите?

— Хотим.

— Что ж тогда?

— Надо.

— Поехали и мы, Лёх? — спросил Дима Алексея.

— Что ж не поехать? Двум смертям не бывать.

— Музыканты? — поглядел отец Макарий на Глеба с Вадимом.

— Бога ради!

— Капитан?

— Я сойду здесь, — пискнул Сергеев.

Он бесцеремонно забрал у Селиверстовича револьвер и вышел вон, захлопнув за собой дверь. В ушах у всех остался позорный цокот каблучков.

В КХО «Шуки» имелось оружие на любой вкус. Селиверстович взял себе длинный, как кобра, палаш и увесистый морской тесак тульского мастера. Отец Макарий выбрал тонкую молниеносную шпагу с вензелем на клинке, славословящем Екатерину Великую. Мотористы похватали автоматы Калашникова и боеприпасы к ним с серебряными пулями. Братьям Сафроновым приглянулись эксклюзивные легионерские ружья, к которым шли патроны, начинённые золотыми снарядами с алмазными сердечниками. Волк от оружия отказался.

— Может быть, выберём тактику Олега, хитростью заманившего на ладью Аскольда и Дира? — спросил отец Макарий, когда «Шука» приближалась к отворившемуся люку. — Зазовём к себе и здесь поговорим.

— Лишняя морока! — отрезал Селиверстович.

Андрей и Света ждали на постаменте, торжественные, в бальных нарядах. Отъевшие пуза и щёки, они производили впечатление заурядных буржуа, которых и без бальных фраков полно в наших кабаках.

Андрей напутал с графиком и по своим подсчётам предполагал встречать Аркадия Комаревича из группы «Колесо времени», а не безродных уральских Сафоновых.

Они, Андрей и Света, нахмурились, наблюдая «всплытие» подземной лодки. Впервые мотористы допустили лихачество, закрутив «Шуку» волчком.

— Доложу, чтоб сняли обоих с должностей! — сказал Андрей Свете, разглядывая куски земли, выброшенные к его ногам.

Распахнулась дверь «Шуки», а встречающие распахнули в улыбках рты. Но к ним на постамент прыгнули вооружённые мятежники и волк.

— Почему с животным?! — спросил Андрей, уверенно ступая вперёд. — По какому поводу маскарад?! Герман Селиверстович! Вы ли? Вернулись? И сразу бардак?! А ну дыхните!

Андрей наступал и предельно убедительно использовал мат.

— Кто позволил брать мотористам оружие? Почему лихачат эти стервы? Перепились, что ли сегодня?!

— Андрюх, ты меня не узнаёшь? — спросил отец Макарий.

— Почему допущен посторонний? — вперился Андрей в Селиверстовича. — Что за чучундру привезли?

— Я Рома Филин.

— Чучундра ты! — крикнул Андрей, глядя не видящими от злости глазами. — Вон пошли все!

— Я Рома Филин, — повторил отец Макарий.

— Во-первых, не Андрюха, а господин инициатор! Во- ...

— А я — начальник караула Царёв, — сказала средняя голова волка.

— Я — Саша Бондаренко, — представилась голова слева.

— Филин Юра, — была краткой правая.

Андрей задохнулся и с треском сорвал с шеи бабочку. Его качнуло к бегству, но через два шага он разумно остановился, осознав неотвратимое.

— Никто не паникует! Дышим ровно. Надо объясниться... — провозгласил он, с каждым словом теряя тональность. — Я понимаю, мы имеем саботаж...

Он замолчал, уставившись под ноги, а спустя минуту вдруг вздрогнул, сел на корточки и зарыдал. Сзади к нему подбежала Света и тряхнула за плечо.

— С ума сошёл? Перед кем ломаешься?

— Перед смертью нашей, — ответил ей Андрей, не поднимая головы.

Света вздумала закричать о помощи, но Селиверстович плашмя хлопнул ей по губам тесаком. От испуга она застыла с приоткрытым ртом, и слёзы потекли из её выпуклых глаз прямыми струями.

К Андрею подошёл отец Макарий и, потрепав по ершистой голове, успокоил:

— Мужайся, чучундра. Отдавай нам игрушку и надейся на лучшее.

Андрей поднял зарёванное лицо, и в его красных глазах мелькнул весёлый огонёк.

— Очень она вам требуется? — спросил он, и почти заметно уголки его рта прострелила улыбка.

— Не очень, — соврал отец Макарий, но поздно.

— Дело ваше! — Андрей встал на ноги, уверенно перевёл дыхание и наотмашь вытер рукавом глаза. — Я-то думал, вы здесь мести ради, а оказывается, у нас много общих незаконченных дел. Напугали только!

— Ты ещё твякаешь?! — рыкнул Селиверстович и взмахнул палашом.

Его руку вовремя поймал отец Макарий.

— Оставим эмоции! — осмелел Андрей. — Я думаю, здесь нам продолжать разговор нет смысла. Игрушки здесь также нет. Прошу со мной! — он указал на кованые ворота.

Мятежники оторопели. За воротами толпилась знаменитая королевская охрана.

— Пойдём! — сказал Селиверстович, воззрившись на Андрея остриями обоих клинков. — Знай! В любой момент!

— Вы-то оставайтесь, не ходите, — повернулся отец Макарий к мотористам и братьям Сафоновым.

— Обидно слышать! — был ответ Глеба.

— Что мы, чучундры? — усмехнулся моторист Дима.

Лишь вышли за ворота, к ним с разных сторон гурьбой побежали твари с удивлёнными и любопытными мордами.

— Я понимаю, что моя печень под прицелом, — негромко сказал Андрей, — но если они взбесятся, я остановить их не смогу. Существа они слабонервные. Не задирайтесь на них.

Отца Макария обнюхал потный негроидный кентавр. У него из подбородка рос, загибаясь вверх, белый рог, отчего кентавр делал головой движения, будто постоянно выглядывал из-за дерева.

К треглавному волку подбежала голая, в разноцветных татуировках гиена и проворно заглянула ему под хвост, хотя у самой волочилось по земле три органа. Головы волка стиснули зубы, но не огрызнулись.

За Селиверстовичем увязались два минотавра. По-видимому, они чуяли, что наблюдали его здесь раньше, но вспомнить не могли. Наверное, для того чтобы вспомнить, они трогали его за зад и за перёд, смеясь и радуясь.

Братья Сафоновы приглянулись нимфе, у которой вместо рта имелась страстная пиявочная присоска. Нимфа дёргала братьев за длинные волосы и о чём-то невнятно шутила желудочно-кишечными звуками.

Больше не повезло мотористам. По пути их донимал козлоногий голубоглазый атлет в натовской военной форме, очевидно, считавший себя особенно смышлёным и важным.

— Эй, зачем оружие? — спрашивал он с прибалтийским акцентом. — Эй, прицельтесь в меня! Кто быстрее: вы меня или я вас? Эй! Оглохли? Крутые такие, да?

Тварей сбежалось штук сорок особей. Отец Макарий понимал, что случись драться, одолеть их удастся не всех. Хорошо, если треть.

Наконец достигли дверей деревянного особняка.

— Во наёмнички! — нервно засмеялся Андрей, захлопнув изнутри дверь. — Ни один не догадался, что надо меня спасать! Только бы жрать да сношаться им! Младенцев покупать не успеваю!

Разместиться Андрей предложил в обширном кабинете за аэродромным столом. Вдоль стен кабинета высотой до потолка стояли шкафы, забитые десятками тысяч книг. Окон не было. Однообразный интерьер нарушала лишь сейфовая в человеческий рост дверь, втиснутая между двумя дубовыми шкафами.

— Архив! — пояснил Андрей, уловив внимание отца Макария к двери. — Там вся состоявшаяся история новой культуры. Романы Эдуарда Ясеня, Пашковой, Концовой. Партитуры хитов и шлягеров. Сценарии снятых фильмов, вроде «Бригады», и готовящихся, как «Груз-200». Советовал бы посмотреть, если будете живы. Прощу садиться!

Андрей и Света сели во главу стола, приосанились, но вскоре сникли, так как перед ним на столе улётся волк.

— Я надеюсь, вы понимаете, что, просто убив нас, игрушку вы не получите? — спросил, выглядывая из-за волка, Андрей. — Понимаете или совсем плохо?

— Будешь долго выражаться, не поймём, — ответил ему за всех волк.

— Говори, что тебе нужно взамен игрушки? — спросил отец Макарий.

— В первоочередную очередь... — начал Андрей.
— Словоблудие! Каламбурщина! Тошно слушать! — возмутились головы. — Кому хоть что-нибудь понятно? Ни хрена же непонятно!

Андрей отодвинулся к спинке стула и торопливо продолжил:
— Нам нужны! Первое! Гарантия жизни. Второе! Ещё одно кое-что!
— Не понятно последнее, — зевнул волк.

— Да подписаться в одной бумажке! — с готовностью пояснил Андрей и вынужденно улыбнулся непонятливым головам.

— От себя я вам жизнь гарантирую, — сказал отец Макарий.

— Ты — пускай, — улыбнулся Андрей и скосил глаза на Селиверстовича: — А он?

Селиверстович сидел багровый и видом своим гарантировал иное.

— Что второе? — спросил он.

— Ребята! — Андрей поднялся из-за стола. — Мне надоело! Я для вас, вижу, враг похуже, чем Покрышкин для Гитлера. Вы не хотите допускать другого, думать о другом. Вы выбрали быть безмозглыми мясниками!

— Говори, говори, не останавливайся, — поддержал его Селиверстович.

— Извините, но я хочу втолковать вам, как школьникам, вот что! Свет не сошёлся клином на добре и зле! Эти два слова самые пустые и бесполезные! Подумайте, может быть, десять лет назад я вообще ни учинил никакого зла? А сегодняшнее кровопролитие, которого вы жаждете, добром никаким не будет? И не надо вздыхать! — взвизгнул Андрей на волка. — Если не доходит, надо лучше слушать!

— Ради какого добра вы пришли чинить расправу над нами? — продолжал Андрей, жестикулируя и не выпуская из вида волка. — Не для неба же вы стараетесь? Не в рай же потом собрались? А он есть ли вообще, рай? Его и быть-то не может! Человеку он на хер не нужен, даже если б и был. Вот ты, неужели ты можешь представить себе рай? — кинулся Андрей к отцу Макарию. — Это что, хороводы и гуляния с гармонью по первобытным садам? Чушь собачья! Или каторжные молитвы и поклоны круглые сутки без сна? Нет рая! И надобности в нём нет!

— А ад? — спросил отец Макарий. — Есть?

— Он — да, но он — недоразумение. Хозяин не сам его придумал, а только учредил. Его в такие условия поставили. Они сами, — Андрей указал на небо, — не смогли своё добро сделать осязаемым, осязуемым, так решили действовать методом от противного. Нашли себе проклятого, навешали на него всех собак. Пусть, мол, злодействует, народ пугает. Иллюзионисты херовы.

— Но хозяин умнее, чем вы думаете! — Андрей легонько хлопнул ладонью по столу. — Ему ещё двадцать тыщ лет назад приелся этот порядок. И он сейчас творит совсем не зло. И не добро! Он готовится пересоздать мир. И нас с вами для этого привлёк. Вы не просто страдаете, а косвенно участвуете. Дайте ещё минуту! — сорвался на крик Андрей, отскочив от поднявшегося на лапы волка.

— Хватит! — подытожил отец Макарий. — Что ты просишь подписать?

Андрей выложил на стол синюю пластиковую папку.

— В ней программа будущей гиперкультуры. Скоро в мире грянет кризис. Событие эпохальное, и с ним появятся эпохальные возможности для тех, кто думает. Данная программа, — Андрей скользнул пальцами по папке, — сначала введёт в моду, а следом легализует новую панацею от кризисных бед — гламурный каннибализм. Наподобие шоу «Дом» появится шоу «Ферма», где добровольцы взамен роскошной жизни будут отправлять друг друга на скотобойню. Под этой маркой пройдёт сверхмасштабная реклама, после которой каннибализм будет узаконен как наилучшее решение продуктовой проблемы. Далее появятся многочисленные фермы без кавычек, однако пополняемые исключительно добровольцами. Условия будут, конечно, похуже, чем в пропагандистской «Ферме», но телевизора и специального пива со стероидами хватит, чтобы завлечь миллионы бездельников, особенно молодых и свеженьких. Для школьников будут отремонтированы «Артек» и «Орлёнок». Хорошо же?

— Трудный вопрос, — кашлянул отец Макарий. — Только нас-то каким боком ты хочешь сюда впрячь?

— А вот ты и подпишешься под этой программой. Она пока просто напечатана на нашей особенной бумаге. Остаётся поставить живой рукой подпись.

— Не жаль трудов, чтобы кому-то левому отдать славу?

— Жаль! Три месяца бессонной работы. Продумано до запятой. Программа безотказная. Как записано в «итоге» — пятьдесят миллионов, столько и будет пущено под нож. Завалим мир экспортом русского мяса.

— Прости меня Господи! — отец Макарий перекрестился, взял удобнее шпагу и шагнул к Андрею.

— Какая разница! — истерично засмеялся Андрей. — Неважно, кто подпишет! Я или другой инициатор! Образцы программы имеются на компьютерах всех инициаторов. Спасибо электронной почте. Программа в любом случае будет подписана! Окстись! Я тебе предлагаю не какую-то избранную миссию, а формальность.

— И взять пятидесятимиллионный грех на душу?

— Какая разница?! В любом случае программа реализуется. Я предлагаю подписать её не одному из вас, а именно тебе. По остальной твоей компании, как я посмотрю, и так ад плачет, а ты вроде бы ещё желтоклювый птенчик.

— Ну а сам ты почему не хочешь подписать? У вас это должно быть почётно. Всё же — показатель.

— Честно?

— Конечно.

— Бережёного бог бережёт.

— Ты ли это говоришь?

— Разумеется я. Не надо обо мне думать как о законченном душегубе и фанатике. Я человек здравомыслящий и понимаю, что новый мир не обязательно настанет при мне, любимом. Может быть, потребуются ещё лет триста. Или вообще у хозяина не получится. А вторым Гитлером лично я радости становиться не вижу.

— Крепка же твоя сатанинская вера.

— Не надо давить на совесть! К тому же у нас не практикуется святое мученичество.

— Где игрушка?

— Света? сходи за ней!

Света ушла в архив и через несколько минут крикнула из его глубин:

— Андрейка! Не нахожу! Не помню, когда последний раз и видела!

— Была и остаётся непутёвой... — проворчал Андрей и, досадливо встряхивая головой, пошёл ей помочь.

Перед тем, как сейфовая дверь наглухо захлопнулась и прощально проурчала замками, из архива вылетела и покатилась по полу пустозвучная цветная погремушка.

— Сбежали! — слёзно завопил Селиверстович и бросился на дверь.

С силой пушечного ядра он попытался выбить её плечом, но в итоге лишь создал шум.

— За ней бункер, — убито сказал он, — не проберёшь и атомной бомбой.

Отец Макарий попытался подступить к погремушке, но она, будто получив божественный щелбан, со свистом взлетела к потолку и разбилась в крошку. На пол вернулся лишь раскалившийся докрасна бубенец.

— Если хочешь, давай программу подпишу я, — предложил отцу Макарию Селиверстович, но таким тоном, что в нём явственно слышалось: «Тебе надо, ты и подпишешь».

Отец Макарий взглянул на стоящий на столе канцелярский набор.

— Никогда не мечтал стать хуже Гитлера, — уныло сказал он.

С бубенцом в кармане отец Макарий первый вышел из особняка. У крыльца ждала несметная толпа наёмников. Видимо, обсудив, они догадались, что дело неладное, хотя и теперь на мордах большинства из них читалось глубокое непонимание происходящего.

К крыльцу подступил тот самый негроидный кентавр, только шагал он на задних ногах и демонстрировал ужасающую эрекцию.

— Qui voue? — спросил он на французском, имея в виду «кто вы».

— Да пострашней тебя, — ответил отец Макарий и взмахнул шпагой.

Французская эрекция, извиваясь подобно червю, упала на землю. И битва началась.

Братья Сафоновы стреляли мало, до первой перезарядки. За ними пали мотористы. Как ни странно, следующим стал волк. Лишившись за полминуты двух крайних голов, он тут же лишился и третьей, средней. Правда, после себя оставил одиннадцать загрызенных наёмников. Селиверстович, плюясь зубами и забыв позади обронённую руку с тульским тесаком, старался сражаться и жить дольше. Кончились его старания на пятом чудовище.

Отец Макарий, полный счастья, которое настаёт лишь, когдалюбишь или бьёшься за любовь, колол, не разбирая, где кровь врага, а где его. Боли не было. Было сплошное счастье. Неистовство отца Макария прервал ящур, клынувший его в затылок. В ту же секунду на отца Макария навалились три закованных в броню азиата с кабаньими клыками во ртах и обрубали ему руки и ноги.

Его положили беспомощного, как младенца, и стали спорить о почётном жребии, кто отрубит и возьмёт себе его голову, не заметив, что с запада пришло странное бирюзовое облако. Увидел его только отец

Макарий. Бесшумно плача, он с радостью вдыхал наносимый запах свежей сосны.

Словно ветхозаветная кара небесная, хлынул с облака ливень стрел, и окрест раздались барабаны и пионерские горны. Чудовища, вопя, заматались и об отца Макарии забыли. Один готический с вороньим клювом юноша, который до этого с особой страстью кромсал мотоцистов, испугался настолько, что перекрестился, вспыхнул и сгорел.

Облако снизилось, и сначала сквозь его толщу обозначилось мощное днище судна, а вскоре во всей трёхмачтовой красе обрисовался фрегат. Несли его красные паруса, на которых золотом были вышиты гербы Советского Союза, только вместо пшеничных снопов сияли на гербах крылья херувимов.

Над отцом Макарием склонился вождь. Перед этим, подходя, он молодцевато жонглировал двумя рогами, которые уже успел у кого-то обломать.

— Не плачь, зайчишко! Пришьём тебе новые ножки, и ты опять побежишь по дорожке! — со спорной точностью процитировал он доктора Айболита.

— Неужели старче явился? — спросил отец Макарий.

— Нет пока. Но я вспомнил учение Иоанна Кронштадтского о дерзновении. Думаю, Бог простит.

Глава 9

После того как они взяли в руки игрушки, их круглые животы заволновались и стали подниматься вверх. Вскоре Гога, Тарас и Гриша уже походили на дореволюционных гиревиков с необъятными грудными клетками.

Разродились они через глаза. Белые светлые хлопья побежали из их глаз, как пары бензина летят из выхлопной трубы.

Сквозь исходящий туман Гога, Тарас и Гриша увидели рай. Увидели утро, и реку, и истеричную спросонья чайку. На взгорке чернела крепкая бревенчатая изба с железным конём на трубе. У воды с удочкой сидел старик.

Чем обычнее было это русское райское утро, тем удивительнее выглядел противоположный берег. Восточный, горящий изнутри себя, как магма, рассвет освещал пальмы и иерусалимские храмы из пожелтевшего камня.

— Машунь! — хрипло крикнул старик с удочкой, обернувшись и выказав рыжие усы. — Маша! Маша Магдалинова! Ты проснулась? К тебе солдаты детей привели!

Из избы вышла одетая в зелёный льняной халат и босиком черноволосая красавица, которая была настолько худенькой, что тело её почти не угадывалось в тканях халата. Она глянула опухшими со сна — но всё равно огромными! — глазами и побежала с крыльца.

Гога, Тарас и Гриша осмотрелись и увидели, что сияющие хлопья, которые изошли из их глаз и открыли взорам их рай, сейчас превратились в трёх младенцев, стоящих на кривых ножках и любознательно оглядывающихся.

Та, которую старик назвал Магдалиновой Машей, подбежала к младенцам и, присев перед ними на корточки, захлопотала:

— Маленькие! Истомились! Есть хотите! Пойдёмте со мной! Батюшка Иосиф! — она окликнула старика. — Скажите солдатам, как им быть!

Старик неспешно утвердил удочку одним концом в грунте и подошёл к Гого, Тарасу и Грише. На ходу отряхивая изношенный в хлам френч, он улыбнулся и сказал:

— Хорошие вы. Я вам говорю. Вы в раю. Но рай — не главное...

Он был Сталин.

Развязки ждали все. Прилетели Женя с Лёхой. Валера с Костей. Паша. Топтался Коля Балин. Стоял сонный Толик. Вернулись Саня Бондаренко, Юра и Царь. Пришёл отец Макарий. Был и я.

Мы следили за Гогой, Тарасом и Гришей. Они как стали испускать из глаз туманное сияние, застыли и оставались неподвижные минут пять, хлопая опустевшими глазами и по-рыбьи открывая беззвучно рты.

— Оказывается что! — выпал первым из состояния клоуна-мима Гриша. — На небо нам рано, потому что мы ещё молоды. Будто бы скучно нам будет в нём.

— Это ты что рассказываешь? — спросил Толик Скальберг.

— Да рай сейчас увидали, и некий батюшка Иосиф, а попросту Сталин, вместо того чтобы приласкать, загрузил нас задачами. Говорит, после того, как Рома Филин, — Гриша кивнул на отца Макария. — угнал подземную лодку, началось возведение прямой ветки метро между Москвой и адом. Станция строится под храмом Христа Спасителя. Нам поручено устроить диверсию. Кто пойдёт?

2009 год. Парней из чёрного караула и отца Макария я не видел со дня увольнения. Отец Макарий провожал меня в тот день до самой электрички. Он был стройный, с пружинной походкой. В Коммунабельске ему вживили дубовые ростки, и у него выросли новые руки и ноги, крепкие, сильные, эластичные. Он вручил мне желтоватый плотный листок и попросил при нём же написать название истории о них и о нас обо всех. Я сказал, что не писатель, но он пообещал успех. Я спросил: а надо ли? Он сказал, да.

И ещё он дал мне мобильный телефон. Вот он передо мной сейчас. Одна из первых моделей, даже без функции вибра. Я разбирал его, в нём нет сим-карты. Вместо неё вставлена медная иконка Божьей Матери. Тем не менее по телефону я частенько разговариваю с отцом Макарием. Связь работает, как он же мне объяснял, через кресты церквей.

— Здоров! — позвонил он мне час назад. — Как дела твои?

— Да хорошо! — честно ответил я ему. — Жду вас всех к себе завтра на свадьбу.

— Увы, Миш. Я тебе сейчас и звоню, чтобы сказать. Не будет нас. Все выступаем ночью в поход на инициатора финансов. Но ребята, я и вождь желаю тебе счастья.

— Спасибо.

— А к нам-то так и не собрался?

— Отец Макарий... — смутился я. — Полюбил я. Или то, или то. Либо детей рожать, либо воевать.

— Да ну! Крестись в Ангельской и живи себе. Сильно потребуешься, вызовем на один день. Рисково, конечно. Хотя сейчас ты не рискуешь, работая опером?

— Подумаю после свадьбы. Скорее всего — крещусь.

— Отлично! А не дописал ещё?

— Вот сейчас последние строки дописывал, и ты позвонил.

— Молодец. Ждём прочитать. Я сейчас думаю, ты правильно сделал, что листок порвал. Я тоже ни единого листка со «Щуки» не исписал. Хочешь что-то сделать хорошо — сделай это сам. Кстати, упомяни где-нибудь ангельских комаров. У нас сейчас вывелись новые комары, которые не кусают, а делают инъекции ангельской воды. Очень помогают в долгих битвах. А! Не забудь ещё добавить, что Андрей со Светой лишены постов и теперь бродяжничают и побираются.

— Даже и не знаю, в какую главу про это вставлять.

— Возьми и напиши послесловие. Можешь ещё указать, что ребята из чёрного караула обзавелись новыми телами. Нашли заброшенный пионерлагерь, перетащили оттуда здоровенные памятники пионерам, вымочили их в Ангельской и вселились в них. Ничего так вышло. Сильные, резвые, крепкие. Ладно! Заранее поздравляю тебя! Увидимся!

В день увольнения на том листке я написал: «Роман. Живые души».

Апрель 2006 года — 4 июня 2009 года

ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ КАК СИМВОЛ ВНЕРЕЛИГИОЗНОГО ПУТИ

*Русская идея: живи не так, как хочется,
а так, как Бог велит*

ИДЕЯ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА — УГРОЗА РОССИИ [1]

На минувшей неделе (это произошло в сентябре 2009 г. — Ред.) Синод Русской православной церкви за рубежом (РПЦЗ) объявил перешедшего на сторону Гитлера генерала Андрея Власова патриотом России. Обозреватель «Известий» Борис Клин беседует об этом неприятно поразившем российское общество событии с наместником московского Сретенского монастыря архимандритом Тихоном (Шевкуновым). Так кем же на самом деле был Власов и для чего в сознание общества пытаются внедрить новый миф?

Кто открыл ящик Пандоры?

— Отец Тихон, надо признаться, заявление Синода РПЦЗ вызвало настоящий шок.

— Когда-то зарубежная церковь открывала для многих из нас судьбы последнего русского императора и его семьи, новомучеников, деятелей Белого движения. А теперь зарубежная церковь предлагает нам другую фигуру — генерала Власова... С одной стороны, это неожиданно. С другой — предполагалось, что рано или поздно такая дискуссия возникнет. Ведь часть людей, составляющих ныне зарубежную церковь, — потомки солдат и офицеров власовской армии.

Когда в процессе подготовки к воссоединению с РПЦЗ мы проводили наши собеседования, было принято молчаливое соглашение этот вопрос не поднимать. Слишком по-разному мы на него смотрели. Ведь речь шла порой ни больше ни меньше, как о наших отцах и дедах, сражавшихся по разные стороны фронта...

— Кстати, поводом для выступления Синода РПЦЗ стал выход книги про-

тоиерея Георгия Митрофанова, заведующего кафедрой церковно-исторических дисциплин Санкт-Петербургской духовной академии, которая так и называется — «Запретные темы истории XX века» [2]. В этой книге автор реабилитирует и героизирует Власова.

— Применительно к этой книге слова «запретные темы» всё же большая натяжка и являются скорее рекламным приёмом. Темы, поднятые автором, в том числе и власовская, открыты и с самых разных позиций обсуждаются в России уже более 20 лет. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в Интернет. Говоря о «запретных темах», я имею в виду другое. Это как в большой и непросто прожитой долгие годы семье: есть темы, проблемы, которые человек любящий и чуткий никогда не поднимет. Мне представлялось, что к подобным темам в процессе общения между нами и потомками власовцев ещё немало времени должна относиться и эта проблема. Но теперь я вижу, что ошибался. После последних событий и более чем настойчивого акцентирования этого вопроса (как известно, на заседании

Синода было принято и опубликовано в печати целых два документа, посвящённых вышедшей книге и Власову) воздержаться от обозначения своей позиции уже невозможно. Тем более что у нас в России в последние дни люди даже на улицах подходят с вопросом: «Батюшка, объясните, как же так? Ведь Власов — изменник! Или теперь он не предатель?»

— В послании РПЦЗ об этом говорится: *«Нас огорчила бросающаяся в глаза ожесточённость спора, немирный и беспокойный дух, который явили некоторые из противников названной книги».* Цель Синода — укротить страсти?

— Цель прекрасна. Но что было сделано для уврачевания «ожесточённости», для исцеления «немирного и беспокойного духа»? Были написаны два упомянутых документа. Но стоит заглянуть в газеты прошедшей недели или в Интернет, прочесть яростные споры, возмущение и негодование многих, увидеть горькое и нескрываемое разочарование в русском зарубежье, даже услышать или прочесть последнюю крайность — проклятия, чтобы понять: уврачевания не получилось.

— «Трагедия тех, кого принято именовать “власовцами”», т. е. участников движения, на основе которого возникла РОА, «поистине велика», — ещё одна строка из послания Синода РПЦЗ. Уместно ли говорить тут о трагедии?

— Несомненно, за выступлением зарубежного Синода стоит множество человеческих трагедий, в том числе и судьбы людей, преданных и брошенных во вражеском плену. И с этим невозможно не согласиться. Но если бы здесь была поставлена точка! К сожалению, сегодня происходит другое: настойчивый призыв признать выбор Власова единственно правильным, а его самого, по сути, настоящим героем прошедшей войны. Более того, признать его героем грядущей России. А коллаборационизм не только возможным, но и единственно правильным путем служения России. Соответственно всех остальных людей, имеющих дерзость быть несогласными с такой позицией — погибших на фронтах, трудившихся в

тылу, умерших после войны и ныне живущих, — ни больше ни меньше, как подлецами и предателями. Об этом прямо говорит продекларированное кредо автора упомянутой книги, которая вновь вызвала перед нами дух генерала Власова: «Наше общество состоит из людей, в подавляющем большинстве живших во лжи, служивших злу и сейчас упорно делающих вид, что вся их жизнь прошла в служении правде. Они “служили России” — называлась ли она Советским Союзом, называется ли она Российской Федерацией, — а на самом деле эти люди, неспособные вот так честно и последовательно, как генерал Власов и его сподвижники, перечеркнуть свою прошлую жизнь, служили не России и служат не России, а служат только себе». Слава Богу, подчеркну, эта крайность совершенно не является позицией зарубежной церкви.

«Единожды предавший»

— В документе зарубежного Синода говорится: *«На вопрос: “Были ли генерал А. А. Власов и его сподвижники предателями России?” — мы отвечаем, нет, нимало. Всё, что было ими предпринято, делалось именно для Отечества, в надежде на то, что поражение большевизма приведёт к воссозданию мощной национальной России. Германия рассматривалась власовцами исключительно как союзник в борьбе с большевизмом, но они, власовцы, готовы были при необходимости противостоять вооружённой силой какой бы то ни было колонизации или расчленению нашей Родины».* Они действительно собирались противостоять рейху?

— Это миф, сказка, которые были нужны Власову для двух целей — элементарного выживания и оправдания себя в своих собственных глазах, а также в глазах сподвижников и их потомков. Этот миф и сегодня частью зарубежья искренне принимается за истину. Но от того мифом он быть не перестаёт. Хотя бы просто потому, что ни о какой «вооружённой силе» власовцев в противостоянии немцам не мог-

ло быть и речи. Громадным, многомиллионным армиям Советского Союза, армиям США, Великобритании, Франции, вооруженным новейшей по тем временам техникой, понадобилось 6 (!) лет, чтобы разгромить гигантскую военную машину рейха. Дивизии же Власова даже в лучшее для них время состояли из нескольких десятков тысяч человек. Власов был армейским генералом и понимал суть этой сказки лучше, чем кто бы то ни было.

— У него было ещё несколько сказок для русских людей. 27 декабря 1942 года в Смоленске он заявил: «Германия не посягает на жизненное пространство русского народа и его национально-политическую свободу». А вот документ из недр министерства Альфреда Розенберга, датированный тем же 1942 годом: «Речь идёт не только о разгроме государства с центром в Москве. Дело заключается скорее всего в том, чтобы разгромить русских как народ... с биологической, в особенности расово-биологической точки зрения...» Апологеты утверждают, будто Власов не догадывался об этом. Его современник, выдающийся писатель и мыслитель русской эмиграции Иван Солоневич, который не имел ни информации, доступной Власову, ни общения с гитлеровской верхушкой, понял другое. Он пишет: «Мы, русские люди, жившие в эти годы в Германии, видели и знали, что дело идёт об уничтожении России и русского народа». Для тех, кто не обманывался и не обманывал, иллюзий не было. Поэтому когда другому генерал-лейтенанту, Антону Ивановичу Деникину, предложили участвовать в движении, он ответил, что служил и служит только России, а иностранному государству не служил и служить не будет.

— Справедливости ради, надо сказать, что немецкое командование не вполне доверяло Власову, и в первую очередь потому, что оно прекрасно знавало: единожды предавший предаст вновь. Так, кстати, и получилось. Власов, которого нам предлагают сегодня как образец для подражания, предавал далеко не единожды. Он изменил военной присяге и перешёл на сторону противника, спасая жизнь в немецком

плёну. Через три года он, «не-сгибаемый борец с большевизмом», предал своих новых хозяев в апреле 1945 года. Он услужливо телеграфировал в штаб нашего 1-го Украинского фронта: «Могу ударить в тыл пражской группировке немцев. Условие — прощение мне и моим людям». Одновременно с этим он, обличитель, по его словам, второго после большевизма врага свободной России — «англо-американского капитализма», посылает своих генералов Малышкина и Жиленкова в штаб 7-й американской армии вести переговоры о капитуляции. Наконец, на следствии и на суде он предаёт все свои новые убеждения, а заодно и обманутых им соратников: «Содеянные мной преступления велики, и ожидаю за них суровую кару. Первое грехопадение — сдача в плен. Но я не только полностью раскаялся, правда поздно, но на суде и следствии старался как можно яснее выявить всю шайку». Это из его последнего слова на суде. Самое же страшное историческое предательство — участие в войне на стороне тогдашнего врага своего Отечества и вовлечение соотечественников в братоубийство, какими бы красивыми идеями это ни обставлялось. Все это во все времена было тяжким грехом и по человеческим, и по Божественным законам.

— В обращении Синода РПЦЗ: «Имя православного христианина Андрея Власова вызывает ненависть при неведении исторической реальности в силу тоталитарно-боготорческой пропаганды, целенаправленной исторической фальсификации». Власов был православным христианином?

— Мне много довелось общаться с человеком, на которого обычно ссылаются, доказывая православие Власова. Это протопресвитер Александр Киселёв. В тяжелейшие годы войны он чем мог помогал нашим пленным в немецких лагерях. Встречался он и с Власовым, даже написал книгу о нём. Будучи абсолютно правдивым человеком, отец Александр, несмотря на огромное желание представить Власова в самом лучшем свете, всё же в итоге

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

ограничивается следующей констатацией: «Я далёк от желания приукрашивать облик ген. Власова или кого-либо из его окружения. Если нельзя многим из них приписывать глубокую церковность, то нельзя и отрицать, что в большинстве случаев это были люди, благожелательно относящиеся к Церкви». Вот и все. Как-то в 1993 году я спросил отца Александра Киселева, которого некоторые называли духовником РОА, о самом главном, что является критерием того, ощущает ли человек себя православным или нет: «Отец Александр, скажите, Власов исповедовался, причащался?» Отец Александр ответил печально и коротко: «Мне об этом ничего неизвестно». То же засвидетельствовал внук отца Александра Киселева, священник Петр Холодный. Только на этот же вопрос отец Александр ответил ему более чётко и определённо: «Нет, Власов не исповедовался и не причащался». Человека, который имел все возможности приступить к таинствам Православной церкви, но сознательно не делал этого, я бы побоялся назвать православным христианином.

«Настоящее оружие»

— Ну а просто патриотом, порядочным человеком, хотя и со сложной судьбой, мы можем его назвать?

— Вот что пишет о генерале Власове и его соратниках человек, которому я всецело доверяю, упомянутый уже замечательный русский мыслитель Иван Лукьянович Солоневич: «Мне приходилось разговаривать с чекистами и коммунистами, с нацистами и гестаповцами — когда между нами не было ничего, кроме бутылки водки, иногда и нескольких. На своем веку я видывал всякие вещи. Ничего более отвратительного, чем “головка” владовской армии, я до сих пор не видал».

Давайте задумаемся: в России за последние десятилетия произошла огромная переоценка ценностей. С покаянием признан подвиг Царской Семьи и святых новомучеников, понаты моти-

вы Белой армии, даже её самых жестоких представителей. Поставлены памятники, прах тех, кого считали врагами, торжественно, с воинскими почестями перенесён в Россию. Их могилы стали местом паломничества. Ильин, Деникин, Каппель. Но с Власовым этого не произошло. И к примеру, с другим, совершенно, казалось бы, иным персонажем, — Павликом Морозовым то же. Причина одна: то, что их объединяет — предательство, принять невозможно. По-христиански простить — да! Но, по моему убеждению, право человеческого прощения в данной ситуации принадлежит только тем, кто пережил всё это, кто был участником или современником этой войны. А нам, зрителям, а не участникам этой главы истории, дано лишь от всего сердца посочувствовать трагической судьбе этих наших несчастных соотечественников. Но примером и героями их делать невозможно.

В документе Синода есть удивительное место, лично меня просто поразившее: «Возможно ли было в условиях, в которых пришлось действовать ген. А. А. Власову и владовцам, поступать иначе?» Имеются в виду нечеловеческие условия плена и выбор спасения жизни ценой измены присяге. В России, во всяком случае, для людей, воспитанных в моё время (а время это было то самое советское, которое, как нам объясняют, надлежит во всех его проявлениях проклинать и публично стыдиться), — так вот, в России ответить на этот вопрос, думаю, пока ещё может любой школьник, просто назвав имена генерала Карбышева, Зои Космодемьянской.

— Отец Тихон, но ведь Власова называли героем не отдельные священники. Это даже не частное мнение одного или нескольких иерархов, но решение Синода зарубежной церкви. Той церкви, воссоединению с которой вся Россия радовалась два года назад. Как теперь людям жить с этим?

— Просто надо это пережить. И понять, что тема, на которую нам приходится сегодня вести разговор, для многих в зарубежье — неизлеченная, да и

не могущая излечиться личная боль за близких и родных, участвовавших в этом движении. А что касается воссоединения, глубоко убеждён — то, что произошло два года назад, было абсолютно правильным. И действительно, радовалась вся Россия. А всенародных радостей у нас сегодня не так уж много. Я также глубоко убеждён, что иерархия РПЦЗ, вся зарубежная церковь искренне стремятся к благу России. И что самое главное — они способны признавать свои ошибки. В этом их огромная нравственная, христианская и человеческая сила. Но живут они в несколько другом мире. Если бы они понимали наши реалии, то никогда не причинили бы нам такую боль.

Идея коллаборационизма, психология коллаборационизма — не просто исторический спор, а одна из самых серьёзных опасностей, вольно или невольно нагнетаемая в сегодняшней России. Некоторые исторические фигуры, даже давно отошедшие в мир иной, становятся настоящим оружием, обладающим гигантской разрушительной силой, потому что оружие это направлено на слом традиционной духовной идентичности: зло пытается предстать добром, предательство — героизмом, а истинный героизм представляют как неразвитость, отсталость и даже грех. Это сфера той духовной брани, на которую не наложишь мораториев, которая не ограничена никакими договорами. Но пока дети в России, угадывая имя героя войны, будут называть генерала Карбышева, а не генерала Власова, у нашей страны есть будущее...

Да, русская история XX века — это трагическая история, но христиане предупреждены, что в мире сем они будут иметь скорбь. Русский народ не принял бы коммунизма, не искусился бы им, если бы в нём не было притягательной силы *стояния за правду*. Красная звезда и флаг с серпом и молотом (сплошь оккультные знаки) обращались в душе России в голгофский символ — вот где подлинное чудо русской истории, если воспользоваться

формулой архимандрита Константина (Зайцева). Ленин, Сталин, Дзержинский, Луначарский и Ярославский вместе со всем их «чрезвычайным» аппаратом ничего не могли с этим поделать: в руку России вкладывали коммунистический меч, а она его — как и все иноземные дары — переделывала в православный Крест.

Тайный Крест против явного насилия и скрытого богатства — вот короткая формула Советской России 1917—1985 годов. Русская интеллигенция соблазнилась первой, взяв из западных либерально-масонских рук плоды апостасии, и сотворила из них очистительное страдание во имя неизвестного ей Бога. Со своей стороны, русский народ в условиях навязанной ему мировой «закулисы» войны впал в состояние черни, искусился «землёй и волей», но уже в годы гражданской смуты фактически подхватил упавшее из рук петербургской монархии знамя Третьего Рима — Нового Иерусалима (опять-таки в чуждых ему искони формах марксистского хилиазма). Все это вместе взятое, наряду с социальной слабостью синодальной Церкви, подорванной ещё в XVII веке расколом и затем превращённой Петром почти в департамент петербургской державы, — все это привело к тому, что Святая Русь, не удержавшись на поверхности истории, ушла в её глубину, но и оттуда продолжала невидимо определять земные пути Отечества. В этом плане символичен спор Белинского с Гоголем о вере русского народа, когда писатель в «Выбранных местах из переписки с друзьями» доказывал, что русский народ — самый религиозный в мире, а критик утверждал обратное. Как бы то ни было, протоиерей Г. Флоровский в своей книге «Пути русского богословия» вынужден был констатировать, что Россия не вся в Православии, что огромную роль в её истории играет «тёмная», «ночная» сторона её коллективной души. События вплоть до казни Царской Семьи как будто подтверждают правоту Белинского и Флоровского, однако нужно учитывать, что в этот период народ-

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

ное сознание уже целиком вошло в зону «русского соблазна», оформленного в виде либерально-авангардистского мифа о перестройке мироздания средствами всеобщей организационной науки.

«Перманентная революция» колхозов и коммунальных квартир — не продукт ли это той экзистенциальной безбытности, на которую с фамильной интеллигентской гордостью указывал Блок и о которой Мандельштам подозревал, что она даже вовсе неизвестна Западу? Ушанки, платки, сапоги, ватники и вообще весь внешний облик советского человека 20—50-х годов — не искажённый ли это образ юродивого, о котором применительно к России писал еще Вл. Соловьёв (а до него и Хомяков, и Тютчев), не то ли это уничижение, которое паче гордости? Диалектика господства и рабства, как было известно еще Гегелю, — трудная диалектика, и нужно крепко подумать, прежде чем безоговорочно предпочесть господина (владельца, пользователя существования) «малым сим», этим ко всему притерпевшимся «винтикам» и «олухам Царя Небесного». Они отдали землю и фабрики генералиссимусу, но в глубине души они ощущали, что коренные ценности жизни не могут принадлежать никому лично, что они «Боговы», и по этой причине пусть скорее будут отданы в распоряжение государству, чем тому или иному «миллионщику». Это стремление *отдать своё* (подлинное моё — то, что я отдал, по слову Максима Исповедника) красной нитью проходит сквозь Русь железную, хотя вся её официальная идеология требовала как раз взять чужое («экспроприация экспроприаторов»). Вплоть до 80-х годов XX века у нас сохранялись призывы к борьбе за выполнение плана и за чистоту улиц, поднимающие прозаическую техническую задачу на уровень софийности мирового хозяйства, вполне в духе «Оправдания добра» Вл. Соловьева и «Философии хозяйства» С. Н. Булгакова...

Таков, если проследить до глубины, религиозно-национальный принцип русского коммунизма, в трагиче-

ском испытании которого Крест заметно, но непреодолимо побеждал меч, вера — безверие, Христос — антихрист. Надо быть духовно слепым (или уж действительно ненавидеть своё Отечество во всех его проявлениях, как иезуит Печерин [3]), чтобы не разглядеть этой «невидимой брани» за красным флагом и пятиконечной звездой. Господь спасает не только отдельных людей. По Своему неисповедимому Промыслу Он спасает — или, напротив, оставляет втуне — целые народы и цивилизации, которые суть для Него симфонические личности тварного бытия. Не оставила своим покровом Святую Русь Царица Небесная, явив свою Державную икону в день отречения от престола Царя-мученика. В день Рождества Богородицы состоялась Куликовская битва, а в Рождество 1812—1813 года последний неприятельский солдат покинул пределы Отечества. Гитлеровские войска напали на Россию — СССР 22 июня 1941 года — в день Всех святых, в земле Российской просиявших. Они не боялись русских святых. В октябре — ноябре 1941 года фашистские дивизии вполне могли войти в Москву (они видели её в бинокли), но не вошли! Вокруг Ленинграда немцы стояли два с половиной года фактически в черте города (на границе Московского проспекта), но так и не взяли его! Что это, как не чудо? Наконец, 6 мая 1945 года, в день православной Пасхи и в день Георгия Победоносца, флаг России — СССР поднялся над горящим рейхстагом.

Так — вопреки козням врагов — воссоединялись на Руси концы и начала, так наша духовная история делала ещё один поворот на своем таинственном пути...

Православно-русская цивилизация реализует в своей истории образ не восточного (фаталистического) и не западного (самодостаточного), а творчески верующего человека. Русский творческий акт — религиозный, государственный, художественный — направлен к абсолютной Личности, а не к самому себе. В силу своей духовной природы России постоянно приходится

разрешать парадоксы верующего разума, нравственного художника, народного монарха, тогда как на Западе эти самодовлеющие социально-культурные практики разнесены (диверсифицированы, как принято сейчас выражаться) по разным «углам» общественного и личного бытия. Европейская свобода уже пережила ряд смертей — смерть Бога и смерть цельного человека. Противоречие между восточной общинностью и западным персонализмом — это движущая сила нашей истории. Привлекая к себе лучшее из Азии и Европы, Россия не перестает быть самой собой. Именно это делает её сегодня страной будущего, когда после кризиса спекулятивного посткапитализма понадобится народ, способный построить более одухотворенную и справедливую цивилизацию.

России нужна верховная власть не потому, что она «тысячелетняя раба» (о «проклятом царизме» при Советах говорили так же часто, как сейчас о «проклятом коммунизме»), а потому, что в глубине души она хочет служить чему-то более высокому, чем польза, комфорт, плюрализм и т. п. Рай на земле — это выдумка идеологов новоевропейского прогресса, начиная с Реформации (возврат от христианства к иудейству) и Просвещения (философия либерального гедонизма). Запад поверил в эти сказки, по существу перестав быть христианской частью света (страна «happy end»). Россия, со своей стороны, до сих пор живёт мыслью, что власть и культура в государстве должны исходить не от грешной «одинокой толпы», а от Бога. Тело России действительно болеет, но дух ещё жив. Как заметил в своё время В. С. Соловьев, идея нации заключается не в том, что она сама думает о себе во времени (особенно в лице теоретиков, явно или тайно ненавидящих её), а в том, что Бог думает о ней в вечности. Вся история России — включая трагический XX век — свидетельствует о Божьем замысле Святой Руси, а не о России язычески-самодовольной. Тому, кто не хочет или не может этого понять, придется ещё много думать о России.

Заключая эту статью, отмечу, что любая русофобия (особенно «красная» и «желтая» — две дороги к одному обрыву, по слову академика И. Р. Шафаревича) в христианской перспективе абсолютно несостоятельна. У русского народа много недостатков и грехов, однако у него начисто отсутствует самодовольство и самолюбование — самые безнадёжные личные и национальные качества перед лицом Христа. Россия действительно не молится свободе и грешному человеку — она молится Богу даже тогда, когда на уровне официальной идеологии (на уровне *ratio*) в Него не верит. Я думаю, это более достойная христианина позиция, чем поклоняться собственному комфорту и техническому прогрессу, прикрывая всё это псевдорелигиозными фразами, борьбой «за права меньшинств» и т. п. Как неоднократно указывал Патриарх Кирилл, свобода и права — человека, субкультуры или целой страны, — лишённые религиозной ответственности за них, есть разрешение на грех и потому представляют собой не христианские, а именно антихристианские добродетели. Как доказывает опыт XXI века, потреблять в качестве товара можно не только новые машины или яхты, но и великие Божьи дары — посткапитализм всё скушает.

И последнее замечание. Если задаться известным вопросом — кому это выгодно? — то придётся признать, что вышеописанные акции по разоблачению «русских мифов» работают прежде всего на те закулисные силы, которые стремятся пересмотреть итоги Второй мировой войны, обесценить соглашения, достигнутые державами-победительницами в Тегеране и Ялте, и тем самым лишить Россию идейной и юридической легитимации в современном мире. Некоторые из деятелей отечественного либерализма открыто призывают Россию отказаться от правопреимства по отношению к Советскому Союзу, то есть фактически зачеркнуть не только 70 лет нашей истории XX века, но всю отечественную историю [4]. Их стараниями мы уже

оказались почти в границах XVII века. Что ещё надо сделать, чтобы окончательно вытеснить эту «неправильную» страну из международного культурного и политического пространства, превратив её в вечно-го изгоя? Давайте начистоту, господа. Либо вы отказываетесь от советского периода отечественной истории как исчадия ада, и тогда вам надо выкинуть из семейных сундуков дедовские и отцовские военные ордена, перестать праздновать вместе с народом День Победы 9 мая и начать отмечать (вме-

сте с недобитыми эстонскими и украинскими эсэсовцами) дату образования власовской армии, раздувая тем самым бесконечную гражданскую войну, либо вместе с единой Русской православной церковью и подавляющим большинством народа благодарить в этот день Бога за то, что он даровал миру в 1945 году русско-советскую победу над оккультной чумой [5]. В первом случае вы останетесь с Церковью и народом, во втором — отпадёте от них. И тогда станет ещё яснее, что у русских святого.

Примечания

1. По материалам сайта газеты «Известия»: <http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3133002/>
2. Митрофанов Г., прот. Трагедия России: «запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике: Сборник. СПб.: Моби Дик, 2009. 240 с.
3. В. С. Печерин (1807 — ок. 1885), русский иезуит, эллинист, профессор Московского университета, автор стихотворения-манифеста (1834 г.):

Как сладостно отчизну ненавидеть
И жадно ждать ее уничтоженья!..

Первый русский политэмигрант XIX века, он пятьдесят лет скитался по Европе, из революционера став католическим монахом и священником; позже, разочаровавшись в католичестве, приближался к атеизму. В мемуарах каялся перед читателями за эти строки и «байронизм», горестно прозрев от уроков жизни. Скончался предположительно в Ирландии.

4. Одним из любимых занятий наших свободолобцев печеринского типа является деструкция, или, по-русски говоря, поношение великих национальных образов России — Александра Невского, Кутузова, Жукова... Для них это не более чем мифы. Разумеется, освободившееся символическое место тут же заполняется соответствующими персонажами вроде генерала Власова.
5. Подробнее о затронутых проблемах см. следующие монографии: Казин А. Л. Последнее Царство: Русская православная цивилизация / По благословению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. СПб.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1998. Текст представлен в Интернете; Казин А. Л. Великая Россия: Религия. Культура. Политика. СПб.: Петрополис, 2007. Текст частично представлен в Интернете. Личная страница автора находится в «Библиотеке Мошкова», в разделе «Современная литература»: <http://Lib.Ru>.

Александр Миронов

РУСЛО РУССКОГО РЕЧЕНИЯ, или Обретение словосочетаний, русскую душу вполне упасающих...

(продолжение, начало в 3-м и 4-м выпусках журнала)

Почему высказывание «интересы сохранения и упрочения мира...» ложно?

Вполне вероятно автору настоящего текста вновь придется столкнуться с удивлением и недовольством ряда знатоков русской речи. Почему? Да потому, что закавыченное выражение взято из Словаря сочетаемости слов русского языка как допустимое, а значит, оно все-таки является грамотным! С другой стороны, далеко не все освященное кем-то и когда-то сохраняло свою авторитетность во времени. Поэтому-то подробная проверка прочности и убедительности чего-либо совсем не бывает излишней. Впрочем, к делу. Разве не странно звучит то, что «сохранение» и «упрочение» имеют свои некие интересы? Далее. Разве помнятые интересы сами по себе не содержат проблемы, не создают препятствий и противоречий внутри всего живого? А кроме того, глубинный смысл слова «интерес» далеко не является нейтральным с моральной точки зрения. То есть он содержит в себе известное умаление целого в пользу частного. Где доказательства? Извольте. Сущностной точки зрения *интерес* — это выражение первостепенности как неумолимо манящей нужды в прибавке либо сохранении чего-либо. Кстати,

старофранцузское *interest* — «ущерб», «убыток» и «возмещение убытков», «компенсация», «процент» — не говорит ли о страхе потери имеющегося, с одной стороны, и о неудержимом стремлении к стяжательству — с другой? Другими словами, *интерес во главу угла жизни человеческой* есть заблуждение, которое выйдет всякому, в конце концов, себе дороже. Обобщая сформулированное выше, уместно заметить, что смысл слова «интерес» может быть связан лишь с субъектом или субъектами, но никак не со словами «сохранение» или «упрочение», которые сами по себе обезличены, а значит, не нуждаются в чем-либо. И ещё. Если вести речь о чем-то доподлинно насущном, то для человека, как говорится, с большой буквы имеет непреходящий смысл все что угодно, но никак не первостепенная забота о прибавке или сохранении уже имеющегося. Иначе говоря, настоящий человек может нуждаться только в изменении собственного нутра, в преодолении привязанности собственной природы ко всему преходящему. То есть вовсе не какой-либо интерес, а стяжание праведности или моральности — вот что может иметь непреходящую ценность для всякого человека. Впрочем, она добывается каждым исключительно по желанию её. А как же быть с миром, неужели людям должно быть

все равно его наличие или отсутствие? А так, что мир во грехе противен должен быть всякому не менее, чем и война. Тем более что подобное миролюбие все равно неизбежно будет выражаться и войной тоже.

Завершая произведенные выше рассуждения, согласимся с тем обстоятельством, что любые разговоры о некоем *интересе сохранения и упрочения мира* есть разговоры лукавые и ошибочные.

Почему неумно говорить об «искренней дружбе»?

Неужели лингвисты опять что-то напутали? А то, ещё как напутали. Но почему? Да хотя бы потому, что *неискренней дружбы*, как и «осетрины второй свежести», быть-то и вовсе не может. Конечно, если понимать под дружбой и приятельство, и просто совместное времяпровождение, то тогда вполне возможен разговор об *искренней дружбе*. Но на то и слово «дружба», чтобы не путаться. Кстати, оно с сущностной точки зрения означает *приятельные отношения, отличающиеся духом бескорыстия и уважения*. То есть там, где дружба, места неискренности нет и быть-то не может. Поэтому не будем впредь глупить и поддаваться соблазну говорить «красивше».

Почему следует избегать словосочетания «читать интересную книгу»?

Настоящий текст собою несколько дополняет и уточняет ранее написанную заметку об «интересах сохранения и укрепления мира». Казалось бы, слова «чтение», «интерес» очень легко монтируются в одно словосочетание. Но мы помним, что первое выделенное слово весьма специфично, а значит, без смысловой бдительности с ним вполне можно попасть впросак.

То есть его решительное употребление должно сопровождаться не менее исчерпывающим пониманием уместности этого. Теперь об «интересных книгах». С одной стороны, всё так, или книги бывают как интересные, так и не очень. Но, может быть, следовало бы думать и говорить все-таки как-то иначе? Как же именно? А например, так: книги бывают увлекательные и не очень. В результате и выходит, что какая-то книга манит к себе, буквально заставляет читать себя, а к чтению другой нас — и калачом не заманишь. В таком случае мы не скрываем сами от себя, что одна книга для нас «вкусна», а другая — нет. То есть мы отчетливо понимаем, что «наша» книга объективно может быть и слабой, и даже вредной. Тогда как книга «скучная» на самом деле может оказаться вполне душеполезной. Другими словами, слово «интересная» маскирует нечто важное, скрывает его от осознания. Поэтому-то впредь попробуем говорить точнее, а значит, и умнее, что непременно повлияет и на нашу жизнь благим образом.

Почему высказывание «это мое личное мнение» глупо?

Опять автор вздумал третировать привычное «мнение», как нечто неумное, — скажет лояльный к господствующему взгляду наблюдатель. Да, снова так. Почему? Да потому, что само *мнение как видимость какого-либо знания о чём-либо* не может не быть таковым объективно. Но ведь даже заблуждение в связи с чем-либо все-таки может быть связано с персоною, а значит, означенное в заголовке замечание вполне логично. Конечно, очень даже можно придерживаться ошибочного воззрения на какой-либо предмет, но считать его своим — это уже чересчур будет. Но почему же? Да потому, что всякая ошибка как объективно существующая для всякого лица возможность не может иметь строго личного

значения. Или её лишь возможно, как говорится, брать просто напрокат. Поэтому-то всякое присвоение заблуждения на какой-либо предмет и будет иметь объективно глупое (неумное) содержание. То есть скромная позиция здесь как нигде уместной будет.

Почему не следует повторять за другими слова «закон есть закон, и нарушать его нельзя никому»?

Казалось бы, вновь перед читателем умничанье от автора настоящих строк, ведь слово «нарушать» означает: мешать нормальному состоянию, развитию чего-либо, прерывать; не выполнять, не соблюдать. Но разве исходное слово «рушить» полагает собой невыполнение (несоблюдение)? Нет, не полагает. Так откуда вдруг берется смысловое расширение, позволяющее считать возможным словосочетание «нарушение закона»? Видимо, причиной тому является расширенное понимание слова «закон». В нём присутствует известное лукавство. Какое же именно? Словарь полагает возможным совмещать смыслы необоримого порядка (постоянное и необходимое отношение, связь между явлениями, существующая в объективном мире независимо от человеческого сознания) и смыслы вполне преходящие (отменяемые волею человека), например, установленное государственной властью общеобязательное правило, регулирующее какую-нибудь область общественно-правовых отношений. То есть под закон как таковой легко подверстывается конкретное людское пожелание. Но мы ведь точно знаем, что все исходящее от человека шатко (условно). В таком случае и выходит, что филологическое лукавство должно прикрыть (освятить) державную волю. Теперь само нарушение закона буквально может означать лишь отмену его действия, и ничего более. Вот и выходит, что закавыченное в заголов-

ке настоящей заметки словосочетание вполне ущербно. Но как тогда говорить правильно? А так: *нормы права обязан соблюдать каждый.*

Почему выражение «эта теория ненаучна» лукаво?

Казалось бы, всё ясно и понятно, и чего это вдруг автор заметки цепляется за такое прозрачное суждение, что ему опять не так? А то не так, что вместо прямого и честного суждения «не знаю, что ответить по существу поставленного вопроса, сформулированного предложения» используется словесная формула-прикрытие, которая к тому же отдает душком шельмования автора предлагаемой теории как заведомого глупца и невежды. В результате вместо выяснения сути вопроса начинается интрига, направленная на удержание наличной общественной позиции критикующего лица, на удержание им и далее уже сложившегося мнимого своего авторитета во имя неправого «кормления» от общественного «пирога». Вот поэтому-то применение в споре упомянутого в заголовке заметки словосочетания не может восприниматься иначе, как лукавство. Другое дело, когда речь идет об обязательном соблюдении необходимых изначальных условий или принципов логики, а также их отчетливой связи с рассматриваемым объектом или явлением. Но ведь указание на заведомые ошибки автора предлагаемой им теории могут помочь её уточнению и даже преобразованию во вполне даже адекватное понимание изучаемого им вопроса. Впрочем, тогда это уже будет подлинное сотрудничество, а не высокомерно-презрительное отталкивание вдруг возникшего разоблачителя фальшивой научности. Поэтому разумно было бы сказать иначе: *эта теория требует своей проверки на предмет соблюдения в ней принципов объективного исследования.* То есть никак нельзя уходить от конкретики даже в рассмотрении теории.

С другой стороны, иногда внешне абсурдное чьё-то заявление может оказаться на деле вполне «работающим» и очень даже справедливым.

Почему неразумно твердить о «необходимости исправления недостатков»?

«Снова претензия, и претензия прямо-таки несносная», — скажет противник автора заметки. Но ведь мысль об «исправлении недостатков» сама по себе прямо-таки понуждает противиться ей. Почему? Да потому, что недостатки, как и нехватки, лишь *восполняют*, а не исправляют. Поэтому-то «исправление недостатков», как минимум, странно, не так ли? Другое дело, что иногда, опять же в целях сокрытия чего-либо, удобно прибегать к «умягчению» претензии, так как при полностью открытом разговоре или «разборе полётов» может выясниться и вина самого «контролера». То есть часто выгодно делать вид, что чья-то халатность имеет лишь значение «нехватки» усилия, усердия и ещё чего-либо прочего. В результате российское начальство сплошь и рядом ловко уходит от ответственности за ранее не сделанную им же самим работу по организации, обучению и обеспечению собственных подчиненных всем необходимым. Вот именно для ухода от ответственности руководства и была изобретена формула «исправления недостатков». Но ведь для пользы всякого дела такой подход очевидно губителен, а значит, отказ от него абсолютно честен и разумен.

Разумно ли стремление к независимости?

И действительно, а зачем нам независимость? Что она нам в своей сути? Неужели без неё прямо не жизнь? И вообще, а достижима ли она, не миф ли? Иначе говоря, отсутствие за-

висимости — это ли разумная цель? Наш мир целостен, а значит, связи в нём и взаимозависимость неизбежны. Другое дело, если мы стремимся к позиции господина или центра принятия решений. Но ведь и центр принятия решений вполне зависит от игры обстоятельств, которые и выступают перед всяким жителем Земли в роли подлинного господина. Поэтому борьба за независимость — это на самом деле вполне лукавая борьба, призванная замаскировать неудержимое желание отдельных лиц господствовать над собственными согражданами для получения себе всевозможных преференций и, прежде всего, вещественного свойства. Тогда как речь следует вести лишь о самостоятельности в принятии решений, в том числе и среди руководителей страны. Причём она нисколько не противоречит всеобщему принципу зависимости. Но самостоятельность отличается от несамостоятельности принятием на себя конкретной ответственности, необходимостью серьёзного осознания всего смысла совершаемого выбора, соотносением его содержания с другими смысловыми элементами окружающей действительности. То есть стремление к самостоятельности свидетельствует о зрелости. Напротив, желание независимости — это отчетливый признак лживости и несамостоятельности натуры. Поэтому-то будем искать самостоятельности, полагая борьбу за независимость делом ошибочным.

Почему выражение «обеспечить условия для...» вносит неопределённость в решение задач и в достижение поставленной цели?

«Вот еще новость! Разве это проблема?» — скажет сторонник уже ставшей привычной формулы. И в самом деле: неужели здесь налицо проблема? Да, налицо, и притом весьма «занозистая». Почему вдруг? Да потому, что она свя-

зана со словарным смыслом: обеспечивать — делать вполне возможным, действительным, реально выполнимым; гарантировать что-либо. То есть слово «обеспечивать» в данном случае содержит в себе много неопределённого смысла, позволяющего всякому действовать на свой вкус, в пределах собственных представлений о чём-либо. В результате этого неизбежна смысловая неразбериха, которая на практике и приводит всех равно к недопустимой мере безответственности и к произволу. Другими словами, в подобном случае гарантирована лишь неопределённость: то ли выйдет, как хотелось бы, то ли нет. Кстати, видимо, это возможно ещё и по причине плохо понимаемых задач и даже самой цели деятельности. Иначе говоря, в противном случае исчерпывающая ясность задач и конкретных целей непременно понудит всякого к выведению из употребления термина «обеспечивать» как создающего очевидную помеху самой конкретной деятельности, и, наоборот, всякое склонение к подобному словоупотреблению станет ярким свидетельством в пользу вынесения неудовлетворительной оценки организации рассматриваемой деятельности. В конечном итоге и выходит как раз то, что подмена таких понятий, как «создание условий для...» или «гарантирование условий для...» на лукавый смысл «обеспечение условий для...» и есть новомодное языковое вредительство, которое впредь должно быть полностью уяснено и окончательно преодолено.

Почему выражение «читать память...» ущербно?

Многим из нас знакомо выражение: «Наш народ свято чтит память героев Великой Отечественной войны». Что здесь не так, по мнению автора настоящей заметки? Его удивляет и даже удручает странное несоответствие, выражающееся в том, что народ якобы чувствует память героев ВОВ и прояв-

ляет к ней уважение. То есть налицо некоторая смысловая несуразность, видимо, привнесённая в практику словоупотребления кем-то и когда-то вполне искусственно для придания конкретной мысли о войне особой возвышенности или пафоса. Зачем это было так сделано? Вероятно, что вычурность или нескромность, протекавшие из неадекватного отношения к событиям ВОВ, и побудили уже неведомых нам специалистов по подготовке торжественных мероприятий прибегнуть к изобретению и внедрению в оборот сей фальшивой формулы. Казалось бы, а пускай будет так и впредь, ведь все уже и попривыкли к тому. Но привычка к такому причудливому выражению мысли непременно приведет к похожему мудрствованию снова. В результате подобного засорения пространства русского языка вряд ли пойдёт всем нам на пользу. «Хорошо, допустим, что автор заметки прав, — скажет некий читатель и продолжит: — Но как тогда будем говорить взамен правильно?» Да, что-то надо предлагать вместо отрицаемого варианта, иначе поймут, что весь разговор идёт попусту. Вероятный ответ будет таков: *Наш народ помнит героев Великой Отечественной войны и благодарен за совершенный ими подвиг спасения Родины.* Длинно? Да, не коротко. Зато строго и честно.

Почему «неуклонное повышение требований к качеству выпускаемой продукции» в результате всегда приводит к обратному?

Всем нам уже давно известна закавыченная в заголовке заметки формула «русского прогресса». Как, впрочем, известен её же неизменный результат. Почему так выходило когда-то и почему так же выходит и поныне? Неужели эта лингвистическая формулировка изначально «заряжена» на плохое следствие? Автор настоящего текста полагает, что всё строго так и есть. Но

почему вдруг это справедливо? Давайте вникать и разбираться. Видимо, перед нами, как и в предыдущей заметке, вновь попытка выдать негодное в своей сути измышление за нечто вполне важное и ценное. И в самом деле: неужели простое или абстрактное повышение требований к качеству чего бы то ни было может совершить чудо приращения искомого свойства? Ведь если смотреть в «корень», то разговор о качестве чего-либо возникает только тогда, когда искомое изделие попросту не удовлетворяет конкретным потребительским ожиданиям. В таком случае изначально ещё на этапе проектирования конкретного изделия и продумывания технологии его изготовления были допущены серьёзные огрехи или ошибки. Но тогда речь следует вести не о повышении требований к качеству выпускаемой продукции, так как подобные разговоры лишь маскируют проблему уже «запланированного» негодного качества конкретного изделия, разговор же должен идти о подлинных причинах изготовления фактически плохой, именно плохой продукции. Поэтому-то и выходит, что призывы к неуклонному повышению требований к качеству выпускаемой продукции есть призывы глупые либо нечестные и даже преступные. Но как тогда быть? Что же надо формулировать в противовес предлагаемому «пышному» лозунгу? В качестве альтернативы можно предложить, например, такое помышление: *Что конкретно привело к изготовлению плохой продукции? Что и как следует сделать для преодоления причин фактического брака?*

Почему подбор кадров уязвим в самой своей сути?

Казалось бы, все ладно и понятно, ведь понятие «подбор кадров» давным-давно в ходу. Но нет, автору настоящей заметки всё-таки что-то не по нраву, всё ему мерещится подвох, а то и подлог какой-то. Да, это так. Не может он

принять подбор как, например, отбор. Но почему вдруг? Да потому, что, отбирая кого или что-либо, непременно приходится руководствоваться какой-то внятной системой признаков, тогда как, подбирая нечто, мы уже вольны избегать строгого следования требованиям инструкции, больше полагаясь на свою интуицию (чутье). В результате и выходит некий произвол, таящий в себе самом пока ещё неизвестные будущие проблемы. И хорошо, если они будут не принципиального свойства. В противном случае порой неизбежны следствия даже катастрофического характера. То есть не следует думать, что подбор вполне заменяет собою отбор, который непременно строже и надёжнее, так как удерживает смыслом своим от драматичного в перспективе произвола со стороны когда-то «подобранного кадра». Вот поэтому-то и выходит, что подбор кадров — это всего лишь компромиссная форма функции отбора, ведущая на практике, так или иначе, к будущему провалу или большим издержкам (потерям).

Почему выражение «подводить своим поведением» лукаво?

Опять снова-здорово! Неужели и здесь есть к чему придираться? Да, есть, и очень даже. Если слово «подводить» изначально собственным смыслом указывает на приближение кого или чего-либо до некоторого предела или величины, то уже его употребление вне названного выше смысла неизбежно порождает зону смысловой неопределённости или произвола (вкусового предпочтения). В результате вполне постыдное поведение начинает лукаво драпироваться словом «подвести». То есть подобное смысловое умягчение отчетливо постыдного поступка или даже череды их само по себе становится укрывательством недостойного поведения, смыслового перекодирования случившегося. Поэтому-то и выходит ровно то, что выражение «подводить

своим поведением» маскирует подлинную суть события и позволяет ему тиражировать себя впредь, не встречая ясного и строго отпора.

**Почему выражения
«тонкое понимание»
или
«неверное понимание»
ошибочны?**

«Разве словарь в данном случае ошибается?» — спросит читатель заметки. «Да, ошибается», — ответит автор заметки. Дело в том, что постижение или осознание смысла, сущности, значения чего-либо не может быть «тонким» или «неверным». Почему? Да потому, что «постигание» и «осознание» либо наличествует, либо нет. Другое дело, когда говорят о степени познания чего-либо достаточно сложно. Всякое непростое явление или

объект рассмотрения требует заметного усилия, и если оно недостаточно или отсутствует сама способность понимания сложного, то в таком случае вполне уместно вести речь о степенях познания. Иначе говоря, неполное «постигание» или «осознание» невозможно в принципе. Вместо них присутствует заблуждение или непонимание. Впрочем, сам процесс понимания чего-либо очень даже может происходить, но без своего завершения он никогда не приведёт к пониманию как новому качеству сознания. А зачем же тогда принято говорить о тонкости и неверности понимания? Видимо, затем, чтобы избегать ясности в оценке, которая может ранить (обидеть) и может осложнять отношения. Но ведь фальшивые отношения — это всегда риск будущих и неожиданных неприятностей. Поэтому наперед будем мудры, а значит, будем стоять твердо в вопросе понимания «понимания».

Василий Денисюк

В окно заглядывает вечер

В окно заглядывает вечер,
И звёзды, будто свеч каскад...
Припомнилась мне наша встреча
И твой прощальный, мама, взгляд...

Ты провожала сына, словно
Всё знала наперёд тогда...
И взгляд твой, нежный и безмолвный,
Со мной прощался навсегда...

А я не знал, что в грусти этой
Какой-то жизненный намёк...
Я знал, что, мама, ты — бессмертна,
И по-другому знать не мог!

А вот ведь как всё получилось...
И до сих пор не верю я —
Теперь, когда ты мне приснилась,
Что нет давно уже тебя...

Что ты ушла и я не встречу
Тебя у дома, как встречал...
Что этот горький, тёплый вечер —
Мой одиночества причал!

Память об отце

Души сыновьей не согреть теплом,
Когда она скорбит и вспоминает
О самом близком — об отце родном,
Которого душа не забывает!

Проходит время, но опять, отец,
Мне снятся и глаза, и трудовые руки,
Как будто наших двух с тобой сердец
Нельзя соединить без горестной разлуки.

И ты опять — весёлый и смешной
Меня берёшь и к небесам кидаешь...
А я смеюсь, я счастлив, я с тобой!
Но ты об этом так и не узнаешь!!!

Жаль не вернуть то время никогда,
И никогда душе не отогреться.
Плитой могильной будет мне всегда
Печаль моя, что я ношу на сердце!

Поклонитесь обелискам

Склоняет маршал голову над памятью солдата,
Пусть память ему вечную всегда хранит земля.
Берёг солдат честь смолodu, но пуля виновата —
Ужалила, зловеющая, под сердце, как змея...

А так хотелось жить ему и жизнь прожить большую,
Но почему-то небосвод вдруг потемнел в глазах...
Ему бы полюбить девчонку молодую,
А вот пришлось поникнуть ликом в васильках.

И защищая грудью нас, он жизнью поделился,
Что должен был прожить — оставил для других...
Так поклонитесь в этот час солдатским обелискам,
Пусть память навсегда останется о них!

Фотография

Фотографию нашей прославленной роты
Берегу и храню и в морозы, и в зной...
Там, где шли мы с боями и мёрзли в болотах,
Где связала судьба нас душой и войной!

Нет давно уже тех, кто Победу не встретил,
Унесла их война, как с полей грязных дым...
Кто в атаку поднялся, и погиб на рассвете,
И на фото остался — навсегда молодым!

А сегодня весна, как когда-то, такая ж,
Мелкий дождь оросил от души вечера...
Нас едва ли теперь здесь на фото узнаешь,
Да и было ведь это далеко не вчера...

Я помню вечно!

Последний бой я помню вечно!
Там роспись на рейхстаге есть моя...
Я помню тот салют и первый вечер —
Победный, что пришёл во все края!

Как сон пришёл он, тот Великий праздник,
А где-то пел весенний соловей...
И не было бы дня того прекрасней,
Не потеряй мы тысячи друзей!

И пили мы, слезу мешая с водкой,
Пустив по кругу «фронтowej бокал» —
Так после боя, в паузе короткой,
Сержант наш кружку часто называл!

Мы возвращались в дом родной с Победой
Пусть шестьдесят пять лет, но как вчера...
Теперь уже давно мы стали деды,
Но так же рады мирным вечерам!

И лишь одно на сердце неспокойно,
Мы победили — нам приоритет...
А мы живём, как будто не достойны,
В какой-то жалкой полунищете!

Ефим Роговер

Высотка «Боровки»

Приказ был взять высотку «Боровки».
Она была на подлинном пригорке,
А по бокам фашистов островки,
Где снайперы, безжалостны и зорки.

Чтоб взять высотку, надо пренебречь
Опасностью, возможностью урона,
Чтоб захватить высотку, надо лечь
Солдатам боевого батальона.

Пошли в атаку. Падали бойцы,
Разорванные взрывами снарядов,
Пригорок штурмовали молодцы
И методично погибали рядом.

Высотка та не стоила нуля,
Она в пути на марше не мешала,
Зато она влекла, наградою суля,
Бездушного тупого генерала.

Захвачена высотка «Боровков»,
Кровавый путь был неизбежно пройден.
Но пали кем-то ждущихся сынков,
Наверно, три или четыре сотни.

Война безжалостной и злой была издревле,
К тому ж на грош ценили судьбы масс.
И массовая смерть была дешевле,
Чем безрассудно отданный приказ.

Сражение с танком

Немецкий танк прорвался к частоколу,
Где залегли усталые бойцы.
Он массою навис, и страшный и тяжелый,
А под бронёй — подростки и отцы.

На размышленья не было минуты,
Иль быть раздавленным, как месиво из тел,
Иль в землю вдавленными гусеницей гнутой
И превратиться в известь, мясо, мел.

И кто-то из бойцов решил задачу:
Рискуя всеми, он бутыл свою поднял
И с силою, наотмашь, наудачу,
Он смесь под этот танк на смерть послал.

Раздался взрыв, погибли все ребята,
Горела изгородь, и «тигр» полыхал.
Никто из мёртвых не был виноватым.
Но каждый в смертном сне, конечно, знал,

Что в этот миг он поступил бы так же,
Собравши весь остаток слабых сил.
Он бы не дал ползти той силе вражьей,
Неотомщённою б её не пропустил.

О людских слезах

Сколь разны человечески слёзы!
Нередко преданность мечтам
Рождает в умиление грёзы,
Но со слезами пополам.

Бывает, горести подружат,
Одна печальнее другой,
И мрачные часы наступят,
Согнув безжалостно дугой.

Тогда вся горечь подступает
К усталым от беды глазам,
И воля тотчас наступает
Непозволительным слезам.

Но живо помню час Победы,
Весенний, радостный рассвет,
Когда забылись наши беды
Всех четырёх военных лет.

Остались где-то в прошлом грозы,
И день, как в сказке, чародей
Исторг счастливейшие слёзы,
Войну закончивших людей.

Пускай в садах краснеют розы.
Пусть дети радостно растут.
И впредь пускай людские слёзы
Слезами радости зовут.

Вспоминая блокаду

Ленинградской блокады недели...
Как страшны вы в тревожных снах!
Как мы мёрзли, как голод терпели,
Как бомбёжек пугал нас страх!

Ленинградской блокады месяцы...
Как вы памятны мне до сих пор!
Вижу: в небе стервятники бесятся,
Нас желая взять на измор!

Ленинградской блокады годы...
Но мы выдержали беду.
Пересилили все невзгоды,
Пережили ад и страду.

С той блокадой живём мы доселе,
Вечно будем мы помнить о ней,
Как мы в детстве до срока сидели,
Как мы мужественно одолели
Девятьсот беспощадных дней.

При зюйд-весте и ветре норд-осте,
Сотворцы той великой судьбы,
С думой о Пискаревском погосте
Будем чтить мы святые гробы.

Памятник в Таллине

Над Таллином, над парком Кадриоргом,
Зловоние несётся, пахнет моргом,
То злобой одержимые дебилы
Святые потревожили могилы.

Согнавши полицейских в жёлтых касках,
Бульдозеры со скрежетом и лязгом
Направили они в нацистской злости
Молоть в муку оставшиеся кости.

Солдата, что берёт останки свято,
Они сместили ночью воровато,
И, разобрав на части для начала,
Святыню обесчестили вандалы.

Как вороны, добычу рвать собрались,
Над памятником злобно надругались
И, отодрав его от постамента,
Упрятали остатки монумента.

Ликуют осквернители без чести,
Что воина-солдата нет на месте,
Что таллинскую площадь Тынисмяги
Разгладили, как плоский лист бумаги.

Они грозят защитникам солдата,
У них опять Россия виновата,
И машут кулаками, как Евгений
В поэме, что создал великий гений.

Безумствует беспамятаивый Таллин,
Убит фашистом юный Дмитрий Ганин,
Погрызла в вакханалии столица,
И снова кровь на улицах дымится.

Но тот солдат воспрянет вновь по праву,
Он снова явит миру свою славу,
И сгинет хаос в мире, как ведётся,
И памятник над злобой вознесётся.

Виталий Летушев

В блокаду

Воспалённые дни блокады...
Угасал наш очаг — детсад.
Знали мы, что фашисты-гады
Задушить ленинградцев хотят.

Дождь свинцом отупело капал,
Блики огненные в окне.
Крошки хлеба брошены на пол
Однокашником под ноги мне.

Может, дома его кормили
И получше и повкусней?
Да, не все голодными были, —
Правда, понял я это позднеей.

Так что сытый сидел он, каша
На тарелке была цела.
Незаметно к столику наша
Воспитательница подошла.

Голод. Жуткое время было, —
Но другого-то я не знал,
А она поспешно решила,
Что те корочки я побросал.

«Подними их и съешь! Не стыдно?»
На неё я в слезах глядел.
Было больно мне и обидно,
Но чужие огрызки не ел.

Где мальчишка тот? Жив ли? Может,
Мне всё это не вспоминать?
Только нагло-сытые рожи
Слишком часто я вижу опять.

Незванные гости

С годами вижу всё ясней
И ярче случай из блокады,
Из полумёртвых стылых дней,
Из голода и канонады.

Забыть бы и не вспоминать,
Но этому не позабыться.
Открылась памяти тетрадь,
Трепещет чёрная страница.

Однажды мама в магазин
Ушла, ступая еле-еле.
Во всей квартире я один
Сижу в подушках на постели.

Как будто бы из-под земли,
Как привидения, без стука
Мужчина с женщиной вошли
Остановились и — ни звука.

Её я, кажется, узнал,
Но злым огнём глаза горели.
Идут ко мне, он нож достал
И прячет за полой шинели.

Наверно, дрогнула она —
Остановить его пыталась.
Но снова жуть и тишина
Сменили вспыхнувшую жалость.

А сердце детское моё,
Как птица пойманная бьётся.
Не люди — хищное зверьё,
Оскалившись, ко мне крадётся.

Конечно, страшно стало мне,
Солёные душили волны.
В зловещей этой тишине
Я крик услышал — свой, безмолвный.

Они, молчание храня,
Передо мной остановились.
Звериной лапой он меня
Вот-вот сразит, но...
дверь открылась.

И мама в комнату вошла.
Потупились, смутились лица.
Но ведь она не поняла
Того, что здесь могло случиться!

Все стали утешать меня.
О чём-то говорили вместе,
Фашистов-извергов кляня,
Толкуя фронтовые вести.

Но, наконец, они ушли.
Пред тем любезно попрощались
И нож тот страшный унесли,
Лишь грязные следы остались.

Не знаю даже почему,
Но маме я тогда — ни слова.
Ведь объяснения всему
Не дашь, — а время так сурово.
Тогда я был и глуп и мал,
Их больше никогда не видел.
А может, видел — не узнал,
А может, Бог их покарал...

—

Как знать, возможно, обо всём
Тогда же мама догадалась,
Но ни тогда и ни потом
Мне в той догадке не призналась.

На Можайском шоссе

Недалеко от Москвы, на Можайском шоссе, есть памятник советским сапёрам, которые, сдерживая танковую атаку фашистов, героически погибли, но не пустили врага к Москве. В комплексе этого памятника — фашистский танк, который, как бы наткнувшись на непреступную стену, взрывом поднят на дыбы.

Много танков у наших дорог —
На почётных они пьедесталах.
Эту память народ наш сберёт
О жестоких боях небывалых.

Будто снова на страже они
То у рожицы, то на пригорке —
Вспоминают те грозные дни
Наши славные «тридцать четвёрки».

Но один на Можайском шоссе
Из фашистской разгромленной стаи.
Он на нашей родной полосе
Сеял смерть, на Москву наступая.

Был тогда он изрядно побит,
Лишь теперь вот начищен, подкрашен,
Но как чучело ныне стоит,
Никому совершенно не страшен.

Алчный зверь, но коварней и злей,
Он как будто на стену наткнулся.
Ослеплённый огнём, на своей
Рваной гусенице поскользнулся.

Взрыв поставил его на дыбы,
Хищный хобот отрублен в атаке.
Нет, не этой он жаждал судьбы,
Просчитались «стратеги» в рейхстаге.

Здесь четырнадцать наших бойцов,
Чьи сердца монолитнее стали,
Смело смерти смотрели в лицо
И железных зверей задержали...

В этом поле сейчас тишина,
Только трасса шуршит своим бегом
Да геройские их имена
Отзываются трепетным эхом.

А к подножью гранитной плиты —
Память павшим героям нетленна —
Положил я живые цветы
И невольно припал на колено.

Голос с фронта

(По наброскам отца — 1943 г. Курская дуга)

Летите, проворные ветры,
С горячих кровавых полей.
Ведь вам нипочём километры,
До дома домчитесь скорей.

Я знаю, услышат мой голос
Родные — отсюда вдали.
Взрыв...

Снова земля раскололась —
Фашистские танки пошли.

Чудовища смерть изрыгают,
Повсюду и грохот и дым.
Сердца наши местью пылают —
Мы выдержим, мы победим.

Под звон раскалённого лета
Сойдёмся в жестоком бою.
Хочу, чтобы знали об этом
В измученном милом краю.

Скорей бы разбить, возвратиться
Со славной Победой домой,
Увидеть любимые лица,
Земле поклониться родной.

Но если погибнуть придётся,
Страну защищая в огне,
Пусть голос мой в память вольётся
Об этой суровой войне.

Десница Христа (Баллада)

Здесь Александр-освободитель
Коварным взрывом был убит.
Укором для кровопролитий
Храм на крови его стоит.

Тускло кружево резное,
Погашен был печальный свет,
Но место гибели святое
Хранило боль десятки лет.

Война, фашистская блокада,
Расстреливают Ленинград.
То в небе чёрная армада,
То дальнобойные долбят.

Гласит поверье, что снаряды
В одну воронку не летят —
Всё или мимо, или рядом.
А может, правду говорят?

В Храм Воскресения Христова —
Творенье скорби и любви —
Погибель устремилась снова.
Но, Господи, останови!

Снаряд в святыню точно метил
И даже купол отыскал.
Но перед ним, могуч и светел,
Священный образ вдруг предстал.

Его божественная сила
Неизмерима и чиста.
Всю мощь снаряда погасила
Десница твёрдая Христа.

Да, долетел, но не взорвался —
Он получил на то запрет.
И в ране купола остался,
А в Храм ему дороги нет.

Прошли года... Зимой и летом
Наш Храм измученный стоял.
Объятый благородным светом,
Он ран своих не замечал.

Как будто бы страдал от жажды,
Изнемогая на жаре.
Но день настал — снаряд однажды
Повержен в прах на пустыре.

А Храм воскрес во имя жизни,
Всех поражая красотой,
Во имя преданных Отчизне,
Живущих на Руси Святой.

Ветераны

Собрались за столом ветераны,
В старых фото себя узнают.
Как костёр, полыхают тюльпаны
Да искрится бокалов салют.

Ореолы седин серебрятся,
Льётся песен нестройный мотив,
Добрый светом глаза их лучатся,
Почему-то слегка загрустив.

Я отца своего вспоминаю —
Как с войны он вернулся домой.
На руках у него подлетаю,
Удивляюсь — так вот он какой!

На отцовской шинели походной
Я дырявые раны считал,
Кобуру взял в подарок охотно
И пилотку его примерял.

Мы с ним песни военные пели
Про Катюшу, платочек, «У-2».
И я слышал, как пули свистели,
Обжигая у песен слова.

Приводил я друзей вечерами
О минувших послушать боях,
А потом мы с ребятами сами
Шли в атаку и в играх, и в снах.

Ещё долго мы раны считали
На истерзанном теле Земли,
А те годы историей стали
Вместе с детством суровым ушли.

Светят яркие телеэкраны,
Сияясь сердце солдата понять.
Расскажите ещё, ветераны, —
Всё отец не успел рассказать.

Юрий Монковский

Сын

На уголке тропинки узкой,
Где догорал избы скелет,
Сидел —
один,
последний,
русский,
Иван,
шести неполных лет.
Ручонкой смахивал нетвёрдой
Слезу чумазый малыш;
К нему фашист приблизил морду
В упор, нос к носу на вершок.
И, целиком закрыв от мира,
В его глаза вселила страх
Стена фашистского мундира
В кровавых пятнах и крестах.
Легко убить мальчонку немцу,
Вполне достаточно пинка;
Но «победитель» над младенцем
Ещё куражился пока.
Лишь чудом минула расправа,
Врага как бурей унесло! —
Пехота слева, танки справа
Ворвались в дымное село.
Машины мчались ураганом,

Взрывая пепел и бурьян,
И тут внезапно мальчугана
В дыму заметил капитан.
С железным лязгом, в клубах пыли,
Чуть не поставив на дыбы,
Солдаты танк остановили
Вблизи мальчишеской судьбы.
Стальной, от шрамов полосатый,
Он встал, как Родина, как дом,
Парнишку взял боец усатый,
Свой гнев смиряющий с трудом;
И паренёк почувал душу,
Родные русские сердца...
— Как звать, герой, тебя?
— Ва-а-ню-ю-ша!..
И сжали пальчики бойца...
И танк, взревев, рванулся к бою
В разруху, пламя, темноту,
Чтоб мстить за взятого с собою
Из круга смерти сироту.
Метель огня несла машина,
Всё сокрушая на пути,
И каждый выстрел бил — «ЗА СЫНА!»...
(Уж ты, Ванюша, их прости!)
Ты подрастёшь;
но память твёрдо
Твоя удержит до конца
Фашиста алчущую морду
И ласку русского бойца.
Живи, сынок!
В крестах мундиры
К тебе не сунутся опять!..
С колен мы подняли полмира!..
Так как же сына не поднять?!

Ветераны

С ослепительных сцен и экранов,
Со страниц всесоюзных газет
Славит Родина вас — ветеранов,
Бескорыстие ваших побед!
Пусть далёк опалённый войною,
Отодвинутый временем срок,
Но пылают за вашей спиной
Перекрёстки военных дорог:
Сокрушительный шквал канонады,
Злых пожарищ неистовый дым,
И смертельная хватка блокады,
Горло сжавшая вам, молодым...
Память сердца — до боли сурова —

Самой страшной казнит из разлук:
Вот он шепчет последнее слово —
На руках умирающий друг...
Грозных воинских клятв не наруша,
Шли вы в бой, погибавшие в нём,
И штурмующим танкам «катюша»
Прожигала дорогу огнём!
В е т е р а н ы!..

Сквозь грозы и беды
По суровым дорогам войны
Вы дошли до Великой Победы,
Беззаветно России верны,
И бессмертие Родине дали!..

Это в а м салютует она
За героизм,
за ваши медали,
За покрывшие грудь ордена!

Ленинград

Ольга Ружицкая

Дети войны

Детство моё — вой тревожный сирены,
Детство моё — крест бумажный в окне.
Детство — холодные в комнате стены,
Голод коварный даже во сне...

Детство — свет свечки, лучины, лампы.
Детство — печальные всюду глаза.
Детство — пугающий вой канонады,
На фронтовой похоронке слеза...

.....

Детство — родной левитановский голос,
Груды голодных замёрзших людей...
Детство — войны пятилетней осколок,
Горя печать на всей жизни моей.

Детство ушло со слезами и болью
Детство уже никогда не вернуть.
Мне б не хотелось и мизерной долю
В детство военное вновь заглянуть.

Ветеранам войны

Вновь к непогоде ноют раны
И торжествует седина,
И почему-то, как ни странно,
Всё чаще снится вам война...

Война с невыплаканной болью,
О невернувшихся друзьях
И в день ПОБЕДЫ слёзы солью
Морщинки гладят на щеках...

Порой холодными ночами
Вы в пекле боя и огня
На «тигр» бросаетесь с друзьями:
— Горит фашистская броня!

Победа дорогой ценою
Пришла сквозь горечи утрат...
Так СЛАВА ВЕЧНАЯ ГЕРОЯМ,
Что юными в земле лежат...

В вас к непогоде ноют раны,
Вам снится до сих пор война.
Поклон ВАМ низкий, ВЕТЕРАНЫ,
За то, что мирно спит страна!

Возвращение

Был трижды ранен, но живой
Вернулся в город свой родной,
Пять лет не видевший семью,
Спешил на улицу свою.

Шинель, пилотка, вещмешок,
В руке окурка огонёк.
Но от волнения рука
Слегка дрожит у паренька.

Вот Карповка, вот поворот,
Ещё немного, в дом войдёт...
Как вкопанный застыл солдат:
Воронка, стены, артснаряд...

Лицо ладонями закрыл
И застонал солдат, завыл...
Нет дома, матери, нет брата...
И здесь фашист достал солдата!..

А в Ленинград весна пришла,
По улицам теплом мела...
Пух тополиный, словно снегом,
Скрыл след войны под мирным небом.

Война на Ладоге

На Ладоге в осенний тихий вечер
Остановился я на берегу.
Лицо ласкал мне прохладный ветер,
А радуга расправила дугу...

У берега плескались мерно волны,
Как будто бы шептались меж собой...
И в этой тишине я остро вспомнил
Событие, что связано с войной.

Ночь. Сорок первый. Здесь, на этом месте,
Едва виднелся маленький причал,
Лучи прожектора метались в перекрестье,
И свет на миг лишь баржу освещал...

На барже в тыл детишки отправлялись,
А мамы сутились, как во сне.
Лишь детские панамки растворялись
В глухой, тревожной, мрачной тишине.

Вот баржа отделилась от причала,
Бесшумно развернулась в темноте...
А небо словно молния взорвала,
И горе разыгралось на воде.

Свистели бомбы смертным градом,
Горели баржа и вода.
А «мессер» не жалел снарядов,
Не зная Божьего суда...

И, сбросив груз, ушёл на запад,
Заставив Ладогу страдать,
А матерей стонать и плакать,
Панамки детские спасать...

Пулково

Когда на Пулковских высотах
Мой дед от пули умирал,
Облокотясь на стенку азота,
Однополчанину сказал:
«Наш город вырос на болотах,
Где сырость, частые дожди.
После войны вернись к высотам,
И нашим внукам расскажи,
Как мы с тобою воевали
За каждый шаг святой земли!
Как ленинградцев защищали.

Фашисты в город не прошли!..»
Сегодня дождь идёт со снегом,
Холодный ветер. Тишина...
На Пулковскую с внуком едем
К могиле деда. Вот она...
Здесь, у подножия высотки,
Молитвы шепчем мы слова.
Скорбят подросшие берёзки,
И щебет птиц до Покрова...
А время мчит неумолимо,
Бегут часы, летят года...
У города иное имя...
Но не забудут никогда
Праправнуки той самой роты,
Как, защищая Ленинград,
Стояли насмерть на высотах
Их деды — тысячи солдат!
Не гаснет в памяти народа
Геройский подвиг у ВЫСОТ!
Сквозь все события, сквозь годы,
Хранит молчанье — ДЕДА ДЗОТ...

Николай Мрыхин

(пос. Первомайский,
Завьяловский р-н,
Удмуртская Республика)

* * *

Отцу

Все меньше вас, солдат сороковых,
Все реже строй на праздничных парадах,
Все чаще на подушечках награды,
А за наградами несут и вас самих.

И до сих пор в ушах: «Назад ни шагу!»
И до сих пор: «За Родину! Вперед!»
Наступит час последний — ОН уйдет
С высокою медалью «За отвагу».

Цвести Земле! Ракетам рваться ввысь!
Расти лесам! Смеяться нашим детям!
И низкий вам поклон от всей планеты,
Солдаты боевых сороковых!..

Неизвестный солдат

Над кремлёвской стеной
То восход, то закат.
У кремлёвской стены
Неизвестный солдат.

Его имя не знают,
Но скорбит здесь душа.
И старушка седая
К огню подошла.

Подходя, говорила:
«Сынок дорогой,
Вот кус хлеба,
Коль ты не вернулся домой.

Я минуты ждала тебя,
Годы и дни.
Вот, сыночек,
Хоть хлебушек этот прими».

Над кремлёвской стеной
То восход, то закат.
У кремлёвской стены
Неизвестный солдат.

Наталия Ульянова

Я не бывала на войне

Я не бывала на войне,
А лишь жила в лихое время.
И сны голодные вдвойне
В дни мира — тягостное бремя.

Шепчу во сне, как наяву,
И ужас навожу на ближних.
«Хоть крошку хлеба», — я прошу,
А в руки мне кладут валежник.

И говорят: «Не плачь, не плачь —
Из слез не выпечешь калач.
Клади в буржуйку веточки,
Сядь ближе, грейся, деточка».

Я не бывала на войне,
А лишь жила в лихое время
И вровень с взрослыми вполне
Несла то тягостное бремя.

В памяти моей

Стульев уж нет. Лишь два табурета,
Кровать и трюмо. Да ковер на стене,
Стихами поэта душа отогрета,
Что папа читает в ночной тишине.

Мой папа артист. Он в театре играет.
С бригадой своей часто ездит на фронт.
Домой возвращаясь, нам книги читает,
С грустью глядя на старый свой зонт.

Зонт сломан давно, и торчат его спицы,
Что ветром поломаны были весной.
А в ту пору радостно пели синицы,
Это было давно... перед самой войной.

Я помню

Я помню, как папа стихи нам читал,
Лишь книги остались в квартире,
Потом на плите он их молча сжигал.
Стихи, не сдаваясь, звучали в эфире.

Горели странички, наш быт освещая,
Чтобы водички слегка подогреть.
Согрев свои руки о кружечку с чаем,
Могли мы подолгу на пепел смотреть.

Рассыпались буквы печально и тихо,
Стихи же звучали в глухой тишине,
Мы молча и долго смотрели на пепел,
Что мягкой золою застывал на плите.

Комментарий редакции. В настоящей рубрике впервые представлена подробная реакция читателя нашего журнала на поэтическое творчество. Вероятно, что найдутся оппоненты заявленной ниже позиции. Однако сами проблемы поэзии будут преодолеваются только при отчетливом понимании их содержания. А дискуссия о качестве поэзии поможет уяснить и саму суть искомого.

Евгений Морозов

ВО ИМЯ ИСТИНЫ

10 сентября 2009 г. на заседании секции литературно-дискуссионных чтений Российского Межрегионального союза писателей (РМСР) во время обсуждения журнала «Писатель. XXI век» я выступил с критическим анализом ряда стихотворений, помещённых во 2-м и 3-м выпусках журнала, рассмотрел выявленные недостатки с необходимой аргументацией и предложил редакторскую правку стихов (в редакции журнала имеется аудиозапись).

Выступление собравшимися было оценено положительно, однако не было рекомендовано к публикации в виде статьи из-за отрицательного мнения об этом. Мне было предложено провести аналогичную работу на материале стихов нескольких поэтов советского периода, названных редколлегией журнала («поищи, мол, пятна на солнцах»). Во всяком случае, Б. Пастернак, О. Мандельштам, Н. Гумилёв, М. Цветаева и И. Бродский возражать не будут.

Без особенного желания я взялся за эту работу и, предваряя рассмотрение конкретного материала, должен отметить, что солнце солнцу рознь как по величине, так и по спектру и по интенсивности свечения, и, действительно, на них тоже есть пятна: на одних — мелкие, редкие, на других — больше и чаще, на третьих... Но, самое главное, они — сияют, даже если то или другое лично вам не нравится (это нормаль-

но, даже хорошо, т. к. свидетельствует о вашей не «всеядности» — о наличии эстетических симпатий и предпочтений).

Я не буду отмечать, сравнивать, «ранжировать» художественные достоинства стихов каждого поэта — предмет моего внимания являются только недостатки, причём очевидные на примерах рассмотрения нескольких стихотворений каждого из поэтов.

Обратимся к творчеству Бориса Пастернака: стихотворение «Брюсову», написанное в связи с 50-летним юбилеем адресата, содержит строки:

Я поздравляю Вас, как я отца
Поздравил бы при той же обстановке.
Жаль, что в Большом театре под сердца
Не станут стлать, как под ноги, циновки.

Полагаю, что два местоимения «я» в одной строке, не красят её, кроме того, «при той же обстановке» — стилистически неправильное выражение. Можно сказать иначе:

Вас поздравляю так же, как отца
Поздравил бы в подобной обстановке.

Или такие варианты:

1.
С почтеньем сына к мудрости отца
Вас поздравляю в этой обстановке.
2.
С почтеньем к мудрости духовного отца
Вас поздравляю в юбилейной обстановке.

Обратимся к строкам из стихотворения «Памяти Рейснер»:

Бреди же в глубь преданья, героиня,
Нет, этот путь не утомит ступни.
Ширай, как высь, над мыслями моими:
Им хорошо в твоей большой тени.

«Ширай», вероятно, повелительное наклонение глагола «ширять», из контекста: взлететь над раскинуться широко (в словаре под ред. В. Даля отсутствует).

Вероятно, в то время слово не вошло в словарь литературного языка.

Однако эту же мысль можно выразить другими словами, например, так:

Взмой птицею над мыслями моими.

Стихотворение «Разлука» содержит такие строки:

Как затопляет камыши
Волнение после шторма...

Здесь ошибка носит сущностный характер, т. к. затопление происходит водой. Можно заменить приведённые строки такими:

Как затопляет камыши
Водой во время шторма...

Или

Как затопляет камыши
Волной приливной шторма...

В этом же стихотворении есть строки:

В года мытарств, во времена
Немыслимого быта...

Правильно сказать следует «в годы», но в этом случае произойдёт сбой ритма ввиду изменения размера стиха в результате перемещения ударения на первый слог. Выйти из положения можно, употребив сущностно идентичное выражение «Во дни...».

В этом же стихотворении есть такие строки:

Среди препятствий без числа,
Опасности минуя,
Волна несла, её несла
И пригнала вплотную.

Размер стихотворения требует, чтобы ударение падало на второй слог,

иначе при чтении происходит сбой ритма, однако соблюдение этого требования приводит к искажённому звучанию слова «пригнала». Поэтому возникает необходимость устранения этого недостатка. Кроме того, в рассматриваемой фразе, возможно, более уместно будет выглядеть глагол «привинула» или словосочетание «привив — прижав», использование одного из которых позволяет разрешить названную проблему. Далее в этом же стихотворении:

И вот теперь её отъезд
Насильственный, быть может!

Слово «насильственный», исходя из смысла всего стихотворения, представляется неподходящим, даже чужеродным, т. к. драматизм ситуации заключается именно в добровольном бегстве любимой женщины, однако его можно заменить другим «панический» или ещё более преобразовать строку: «На панику похожий» или «С преступным бегством схожий».

И последняя строфа этого стихотворения:

И, наколовшись об шитьё
С невынутой иглой,
Внезапно видит всю её
И плачет втихомолку.

В действительности не «видит», а представляет в своём воображении. Кроме того, слово «всю» является излишним уточнением, поэтому в описываемой ситуации 3-я строка более достоверно выглядела бы в таком виде: «Он вспомнил явственно её» или «Представил явственно её» или «Представил с вышивкой её».

Обратимся к строкам стихотворения «Свидание»:

Течёт вода с косынки
За рукава в обшлаг,
И каплями росинки
Сверкают в волосах.

Мне представляется, что затруднительно воде с косынки стекать «за рукава в обшлаг». Кроме того, не росинки (роса), а брызги дождя «сверкают в волосах», поэтому правомерно было

бы «поправить» строфу, например, таким образом:

Течёт вода с косынки
За ворот, на обшлаг,
И капельки-дождинки
Сверкают в волосах.

Или

Вода: течёт с косынки,
Слезам на глазах,
А брызги-бирюзинки
Сверкают в волосах.

Или

Течёт вода с косынки,
Блестит на обшлагах,
И бисером дождинки
Сверкают в волосах.

Обратимся к строкам стихотворения «После грозы»:

Рука художника ещё всесильней
Со всех вещей смывает грязь и пыль.
Преображённой из его красильни
Выходят жизнь, действительность и быть.

Вряд ли можно образовать сравнительную степень от прилагательного «преображённый» (в словаре под ред. В. Даля отсутствует). Кроме того, если «быль» и можно рассматривать как действительность, существовавшую в прошлом, то «жизнь» и «действительность», вышедшие из-под руки художника, безусловно синонимы. Правильней 3-я и 4-я строки будут звучать в такой редакции:

Преображёнными из творческой
красильни
Выходят и действительность и быть.

Рассмотрим две строфы из стихотворения «Единственные дни»:

Я помню их наперечёт:
Зима подходит к середине.
Дороги мокнут, с крыш течёт
И солнце греется на льдине.

«Солнце греется на льдине» — красивая метафора, но строчка «И солнце плещется на льдине» звучит не хуже и явно ближе к действительности с учётом контекста («Дороги мокнут, с крыш течёт»).

Используемая поэтом техника стихосложения проста и понятна: стихи изобилуют простыми рифмами, есть и такие, которые можно назвать плохими: «мужские — сухие» (стихотворение «Божий мир»); «потолок — ног», «тени — скрещенья» («Зимняя ночь»); «остыл — пригвоздил», «прервалась — час» («Объяснение»); «в обшлаг — в волосах» («Свидание»); «лето — кассеты» («Сирень»). Однако какие превосходные стихотворения не увидели бы свет, если бы редактор, определявший их судьбу, оказался рифмومانом — лишь ценителем вычурного звучания, а не мысленного, точнее чувственного, содержания стихов, вызывающих мощный одухотворённый эмоциональный отклик в душе читателя. Остаётся только порадоваться, что в то время к технике стихосложения предъявляли не столь высокие требования в литературной среде, как ныне. Давление требований изощрённой формы (рифмы) на содержание выхолащивает его и приводит к рождению стихов безупречных (по форме), но неспособных ни взволновать сердце, ни привлечь внимание разума.

Обратимся к творчеству Осипа Мандельштама.

«В часы внимательных закатов» — это строка из стихотворения «Есть целомудренные чары». По-моему, для неодушевлённого объекта такое определение неприемлемо.

Стихотворение «Дано мне тело». В 12 строках используется слово «мне» — 4 раза; «я» — 2 раза; «моё» — 2 раза. Там есть такие строки:

На стёкла вечности уже легло
Моё дыхание, моё тепло.
Запечатлеется на нём узор
Неузнаваемый с недавних пор.

Было бы правильно сказать «на них узор».

Рассмотрим строфу из стихотворения «Невыразимая печаль»:

Немного красного вина,
Немного солнечного мая,
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

Из контекста следует, что правильно сказать следует не «ломая», а «ломает».

Стихотворение «Мастерица виноватых взоров» содержит такую строфу:

Не сердчай, турчанка дорогая,
Я с тобой в глухой мешок зашьюсь,
Твои руки тёмные глотая,
За тебя кривой воды напьюсь.

На мой взгляд «глухой мешок» и «зашить(ся) наглухо в мешок» не являются выражениями с идентичным смыслом, то есть «глухой мешок» — бессмыслица, т. к. нет мешков слышащих, а «зашить(ся) наглухо...» — закупорить основательно или без малейшей отдушины.

«Кривой воды» — непонятное выражение (и неясное из контекста).

Стихотворение «Я в львиный ров и в крепость погружён» также вызывает вопросы:

Я в львиный ров и в крепость погружён
И опускаюсь ниже, ниже, ниже.
Под этих звуков ливень дрожевой —
Сильнее льва, мощнее Пятикнижья.

Возникает вопрос: «Каких именно этих звуков, если выше ни один звук не упомянут». «Ливень дрожевой» — что бы это значило?

В этом же стихотворении ниже есть строка: «Таитянок кроткие корзины».

Вряд ли определение «кроткие» приемлемо для описания корзины. Если «корзина» это обозначение какого-то элемента тела таитянки, то, как вы полагаете, чего именно?..

Стихотворение «Я молю как жалости и милости» содержит строки:

... Воздух стриженный
Индевет денежный, обиженный.

И ниже:

И кривыми картавыми ножницами.

С точки зрения норм русского языка в обоих случаях использованные определения неприемлемы для характеристики определяемых слов, то же можно сказать и о выражении «песчаник честный» в стихотворении «Я видел озеро, стоявшее отвесно». Такого

рода несурзанности образного характера с позиции реально-адекватного восприятия действительности встречаются у поэта нередко, что для особо впечатлительных или экзальтированных натур, может быть, и приемлемо. Однако обратимся к стихотворению «Тайная вечеря».

Небо вечера в стену влюбилось —
Всё изранено светом рубцов —
Провалилось в неё, отразилось,
Превратилось в тринадцать голов.

Вот оно, моё небо ночное,
Пред которым, как мальчик, стою, —
Холодеет спина, очи ноют
Стенобитную твердь я ловлю, —

И под каждым ударом тарана
Осыпаются звёзды без глав:
Той же росписи новые раны,
Неоконченной вечности мгла.

Давайте примем без обсуждения, что это не свет, а небо и «провалилось» в стену, и «отразилось» от неё, но в чьи тринадцать голов оно «превратилось»?

О какой стенобитной тверди идёт речь, неужели о небе (как следует из контекста)? И если тараном (небом) бьют в стену, то почему с него самого осыпаются звёзды? А впрочем, видимо, от сотрясения самого тарана.

«Той же росписи новые раны» — вероятно, речь идёт о небе, «израненом светом рубцов». Да, небо исполосовано светом (рубцами), но изранено всё-таки тараном. Если таран это и есть стена, то «стенобитная твердь» — неподходящее по смыслу его характеристика, т. к. представляет собой твердь, пробивающую стену (по аналогии со стенобитным оружием).

«Неоконченная вечность» — бессмыслица, следовало найти другое определение для слова «вечность», не отрицающее его смысл.

Стихотворение можно сравнить с эскизом, на котором прорисованы лишь отдельные элементы задуманного рисунка (пусть даже ярко), но о целостности композиции, логической «увязке» её элементов говорить не приходится. Образы, используемые поэтом, должны быть понятны не толь-

ко ему, в противном случае это «блюдо для собственного употребления». Но если смотреть на стихи как на «блаженное бессмысленное слово» (стихотворение «В Петербурге мы сойдёмся снова»), то вопрос о смысле отпадает по данному определению.

Если обратиться к Евангелию, то обнаружим употребление уже в древности ярких образных иносказательных выражений, из которых без труда можно извлечь подтекст. Почему бы этот опыт, проверенный временем, не брать за образец, например: «Не мечите бисер перед свиньями — они втопчут его в грязь и обратятся против вас». Кроме того, это выражение воспринимается как поэтическое трёхстишие, проникнутое глубоким смыслом.

Встречаются ошибки и сущностного характера. Так, в стихотворении «1793», являющемся переводом одноимённого стихотворения Огюста Барбье, есть такая строка: «Поднёс фитиль к давно оглохшим пушкам», т. е. к пушкам, переставшим слышать. Вероятно, следовало сказать «заглохшим пушкам», т. е. замолчавшим (умолкшим, переставшим грохотать).

К вопросу о технике стихосложения: довольно много рифм весьма низкого качества. В подтверждение этого вывода обратимся только к вышеприведённым примерам: «стою — ловлю», «рубцов — голов», «влюбилось — отразилось», «дорогая — глотая», «зашьюсь — напьюсь», «узор — пор».

Встречаются недостатки и другого характера, для иллюстрации одного из них воспользуемся вышеприведённым отрывком из стихотворения «Мастерица виноватых взоров». Первая строка строфы задаёт размер хорея (первый слог ударный, второй — безударный и т. д.), поэтому в третьей строке произвольно ставим ударение на первый слог и читаем «Твои руки...» (правильное произношение слова «твои» приведёт к ритмическому сбою). Исправить фонетический казус здесь можно только путём замены данного слова на другое, в котором ударение падает на первый слог (жадно, нежно, страстно

и т. д.) или посредством переработки всей строки, например, так:

Смуглость рук пьянящую глотая.

Также имеют место нарушения размера, обусловленные разным количеством слогов в рифмующихся строках, например в стихотворении «Кассандре».

Обратимся к творчеству Марины Цветаевой. Вероятно, нельзя всех поэтов измерять «одним аршином». При таком подходе в её творчестве почти всё плохо и неправильно: смысл, настроение, композиция, размер, рифма. Но в то же время это яркая поэзия (на любителя). Её творчество производит впечатление многословной речи чело века, нет, именно женщины, захлёстываемой эмоциями и впечатлениями, энергичной, резковатой и независимой. Я быстро устаю от общения с такими людьми (можно сказать, что «не успеваю за ними») и, не желая ни следовать в их кильватере, ни «бодаться» с ними, спешу ретироваться, как и теперь поступаю, уходя от обсуждения стихов, которые мне лично решительно не нравятся.

Перейдём к стихам Николая Гумилёва. Вот строфа из стихотворения «Осенняя песня»:

Входила тихо, вся дрожа,
Залита сумраком багряным.
Свой белый пальчик приложу,
К устам душистым и румяным.

С позиции сегодняшних требований к стихосложению налицо весьма посредственные рифмы: рифмуются одинаковые части речи, кроме того, «р» и «м» не созвучны (впрочем, мне нравится).

Стихотворение «Пять могучих коней мне дарил Люцифер» содержит такую строку: «И увидел там деву больную, как сон», в которой использованное сравнение мне представляется неудачным.

Рассмотрим две строфы из стихотворения «Почтовый чиновник»:

ПИСАТЕЛЬ
XXI
ВЕК

Мы ничего не знаем,
Ни как, ни почему
Весь мир необитаем,
Неясен он уму.

«Весь мир необитаем» — что явилось основанием для такого странного, неочевидного вывода, с которым нельзя согласиться как с аксиомой? Эта строка по смыслу никак не связана с первой и второй строками строфы и тем более с остальными строфами, и четвёртая строка ничего не проясняет. Кроме того, четвёртая строка звучит очень плохо (прочтите её вслух!). Можно предложить эту строфу в такой редакции:

Зачем они сбежали?
Не знаем почему,
Поступки совершают,
Неясные уму.

Следующая строфа:

А песню вырвет мука
Так старая она:
«Разлука ты, разлука,
Чужая сторона».

Стиль второй строки мне представляется явно неудовлетворительным, и я предложил бы заменить её строкой: «За чаркою вина», которая органично вписывается в строфу.

Рассмотрим последнюю строфу стихотворения «Дорога»:

Когда она родилась, сердце
В железо заковали ей.
И та, которую люблю я,
Не будет никогда моей.

Первая и третья строки не сочетаются рифмой, что, безусловно, является недостатком, исправить который можно было бы, например, таким образом:

Ему в оковах не согреться
Вдали без нежности моей.

Обратимся к творчеству Иосифа Бродского. У него безупречная оригинальная (порой нарочито изысканная) рифма ставится во главу стихосложения, возможно, поэтому зачастую сочетается со «странным» размышлени-

ем, если не сказать ещё более откровенно — бессмыслицей. Такое положение дел аналогично изготовлению красивых стульев, на которых и сидеть неудобно, да и поставить в доме некуда. Почему, как возникает такая ситуация?

Смысловой единицей текста является не слово, не фраза, а предложение. Предложение при его произнесении состоит из целого количества фраз. Устная речь и текст при прочтении воспринимаются не отдельными словами, не целыми предложениями, а фразами, разделёнными паузами. Стихотворный текст (стихотворение) мы слышим и воспринимаем на слух строками, разделёнными паузами. Если строка не является фразой, т. е. содержит большее или меньшее количество слов, чем во фразе, то возникает затруднение восприятия её мысленного содержания (смысла) и, как следствие, смысла всего предложения в целом, особенно если порядок слов в строке также нарушен — отличается от традиционного в связи с необходимостью соблюдения требований выбранных стихотворного размера и рифмы. Можно сказать, что расчленение предложения и в целом текста, в т. ч. стихотворного, на строки, не являющиеся полноценными фразами, приводит к разрушению его смысла при их прослушивании (восприятии). Поясним это на примерах из стихов И. Бродского:

Вещи и люди нас
Окружают. И те
И эти терзают глаз.
Лучше жить в темноте.

Квадраты окон, сколько ни смотри
По сторонам. И в качестве ответа
На «Что стряслось» пустую изнутри
Открой жестянку: «Видимо, вот это».

При прочтении второй строфы и в режиме прозаического текста степень уяснения её смысла, к сожалению, не повысилась. Не хотелось бы злоупотреблять категоричностью оценок, но, на мой взгляд, это галиматья. С другой стороны, это, видимо, тест на зомбированность сознания.

Ты всем была. Но потому, что ты
Теперь мертва, Бобо моя, ты стала
Ничем — точнее, сгустком пустоты.
Что тоже, как подумаешь, немало.

Оставим без комментариев фразу «Ты стала... сгустком пустоты, что тоже... немало». Хочу обратить внимание на то, что длинное предложение, состоящее из 3,5 строк стихотворного текста (пятистопного ямба) при прослушивании в стихотворной форме воспринимается очень тяжело, однако при прослушивании в режиме разговорной речи, когда произвольно паузами разбиваем текст на понятные фразы, отличающиеся по величине от стихотворных строк, уясняем смысл сказанного без труда (хотя можем и не соглашаться с ним).

Птиц не видать, но они слышны.
Снайпер, томясь от духовной жажды,
То ли приказ, то ль письмо жены,
Сидя на ветке, читает дважды.

Здесь смысл уясняется легко, т. к. каждая строка представляет собой одну или две законченные фразы. Однако хочется обратить внимание на то, что не следует писать о том, о чём не имеешь ни малейшего представления, т. к. в этом случае написанное может оказаться вопиющей глупостью, а именно «снайпер, томясь от духовной жажды... приказ... сидя на ветке, читает дважды». Да и письмо от жены он читать вряд ли будет, а если и вспомнит о ней (и не один раз), то постарается отогнать от себя эти мысли, не рискуя «лопухнуться» по оплошности, и самому попасть в прицел или «проворонить» цель.

Нас других не будет! Ни
Здесь, ни там, где все равны.
Оттого-то наши дни
В этом месте сочтены.

Ранее уже было сказано, что каждая строка стихотворения ввиду её ограничения с обеих сторон паузами воспринимается как фраза, поэтому вторую строку строфы мы воспринимаем на слух в таком виде: «Здесь не там, где все равны», таким образом, имеет

место произвольное искажение смысла при его восприятии.

Теперь прочтём строфу в режиме прозы и рассмотрим подлинный смысл её: «нас других не будет ни здесь, ни там... оттого... наши дни в этом месте сочтены (скоро закончатся)». Полагаю, что данный вывод необоснован.

И последний пример:

Здесь лежит купец из Азии. Толковым
Был купцом он — деловит, но не замечен.
Умер быстро: лихорадка. По торговым
Он делам сюда приплыл, а не за этим.

В трёх строках этой строфы искажён смысл ввиду несовпадения величины строки и фразы, кроме того, непонятно: чем именно этим купец вообще даже не интересовался?

Однако хочу предложить вниманию читателей ещё одну строфу:

Небосклонность крыш на ветру
И трусов-парусов азалии
Там, где фановую трубу
С водопроводной связали.

Рифма 1-й и 3-й строк довольно слабая, однако 2-й и 4-й — просто превосходна. Что касается художественной ценности, образности и смысла, то, как говорится, без комментариев. Кроме того, следует заметить: каждый водопроводчик знает, что именно фановые трубы соединяются с вентиляционными, а связь водопроводных труб с фановыми опосредована (через раковину или унитаза).

В заключение хотелось бы поделиться с читателями некоторыми соображениями в области творчества (страницы дискуссионного журнала это позволяют). Каждое предложение представляет собой единство мысленного содержания, средств и формы его выражения. В хорошем предложении это единство можно характеризовать как органичное. Слова являются как средством создания мысленного содержания (формулировка мысли), так и средством его выражения (оглашение мысли). Кроме того, слова являются средством создания формы бытия и

выражения мысленного содержания (предложения). Смысл предложения (мысленное содержание, смысл, содержание) складывается как из смыслов самих слов, так и из смыслов, возникающих вследствие использования различных форм (способов) соединения слов между собой (с помощью предлогов, окончаний, пауз, обособляющих слова в группы) и форм разъединения (отделения) одних слов (или групп слов) от других посредством пауз, обозначаемых знаками препинания при письме (форма соединения слов суть форма их взаимодействия). При этом возникают новые объём и качество смысла более высокого уровня, отличные от простого суммирования смыслов слов, входящих в состав предложения.

Вероятно, строфу можно назвать структурно-смысловой единицей стихотворного текста как обособленное образование (за редким исключением). Хорошая строфа представляет собой органичное единство как смысла предложений, входящих в её состав, так и особой формы их выражения (размер, ритм, рифма, звучание), которая и отличает строфу от прозаического текста. Удачной стихотворной строфе присуща высокая степень гармонии между ними. Гармония разной степени может быть достигнута различными способами при схожем общем смысле (различные варианты одной и той же строфы).

В прозаическом тексте утилитарного характера основное значение имеет адекватность замысла смыслу (адекватность того, что человек хотел сказать, тому, что он сказал, т. е. тому, как можно понять сказанное). В художественном тексте, кроме того, важна (нужна) гармония между содержанием и формой его выражения — художественная привлекательность, а достоверность уступает место вымыслу. В стихотворном тексте содержание в меньшей мере важно, а форма выражения в большей, чем в прозе. В строфе гармония взаимодействия содержания текста и его стихотворной формы представляет собой поэтичность (оду-

хотворённость) — способность при прочтении вызывать эмоциональное впечатление (настроение, переживание — сильное впечатление).

Лишите стихотворение смысла — и оно превратится в «блаженное бессмысленное слово», его восприятие станет подобно прослушиванию песни на иностранном языке, которым владеем на уровне знания смысла отдельных слов. Впечатление от такой песни усилится при её подстрочном переводе, а ещё более — при хорошем стихотворном переводе (исключение составляют случаи, когда музыка лучше текста песни, т. е. обладает большим эмоционально-эстетическим воздействием на слушателя). Привести к нарушению гармонии, точнее, к «не возникновению» её, может сбой в любом из компонентов стиха (слове, смысле, ритме, рифме, звучании...).

Что важнее, содержание стихотворения (смысл) или форма его выражения? Прибегнем к аналогии для ответа на этот вопрос. Что важнее в хлебе: мука или вода? Мука — содержание («смысл») хлеба. Вода — средство, необходимое для превращения муки в тесто и далее... в хлеб. А кроме того, нужны также огонь, печь, дрожжи, соль и пекарь, который замесит тесто и выпечет из него хлеб (совокупность необходимых, но не достаточных условий). Так и в стихотворении: если не достигнуто гармоничное единство между его компонентами, или хотя бы один из них в восприятии слушателя (даже неосознанно) недостаточно хорош (ложен, неискренен, непонятен, опрощён...), то оно «не затрагивает» — то ли слова «не те», то ли «соли» мало, то ли «выпечено» плохо. Если предложенную аналогию признать допустимой, то поэтичность можно сравнить с качеством хлеба, т. к. добротные «сделанные» стихи — это ещё не поэзия, а только смысл в стихотворной форме.

Однако следует отметить, что сколь разнообразны гастрономические вкусы людей в отношении того же хлеба, столь же различны и эстетические симпатии читателей в обла-

сти поэзии. Универсальных критериев здесь нет.

Безусловно, найдутся искренние почитатели как самой примитивной поэзии, так и весьма «заумной». Ведь и в живописи одним нравятся картины примитивистов, другим — абстракционистов.

В зависимости от духовного, интеллектуального, культурного уровней развития человека, его мировоззрения, нравственности, психического склада личности и даже возраста содержание, характер поэтичности (и образующих её элементов) могут быть весьма различны в его восприятии. Что волнует одного — оставляет безучастным другого, хотя для большинства какие-то общности предпочтений всё же имеют место.

Если лирику рассматривать не как стихи на темы любви, философии... или как отражающие чувства, размышления... а как само переживание, выраженное в стихотворной форме, то главным в стихотворении всё-таки является не содержание, не форма, а то душевное состояние (переживание), которое оно вызывает при прочтении (именно на его возникновение и развитие должны совокупно «работать» все компоненты стиха). Чего стоит «красивое» и «грамотно» написанное стихотворение, которое ни сердца не волнует, ни разум не тревожит, или картина? Впрочем, такую картину, подаренную по случаю, можно повесить в прихожей... на даче, а стихотворение?

Предваряя возмущение учёных-филологов вышеприведёнными рассуждениями, не в оправдание, а в защиту их, прошу отнестись к ним, во-первых, как к видению стихосложения глазами поэта (т. е. изнутри), а во-вторых, как к обращению, адресованному мо-

лодым поэтам и многочисленным любителям поэзии, а не элитарным ценителям изысканных рифм.

Поэт, озабоченный поиском новых ярких, никем не использованных рифм, похож на человека, скрывающего растерянность от незнания, что сказать, за оправданиями в затруднении выразить свою мысль, т. е. как сказать. Его также можно сравнить с посредственным художником, который ищет новые краски, необычные сюжеты и формы творчества, пытаясь компенсировать таким образом недостаток таланта и мастерства владения кистью, — и кому-то это удаётся. Но при этом он становится не хорошим художником, а тем, кто лучше других умеет, например, прикреплять кусок деревяшки (или иной предмет) к холсту в обрамлении рамы. Впрочем, это уже из разговора на другую тему.

Возвращаясь к центральному вопросу статьи «Имеют ли место разного рода недостатки в стихах известных поэтов?» полагаю, что, опираясь на проведённое рассмотрение стихов, можно ответить однозначно — «Безусловно!». Насколько они существенны?! На этот счёт каждый любитель поэзии, видимо, имеет своё мнение. Вряд ли кто-нибудь станет меньше любить понравившееся ему ранее только потому, что некто усмотрел в нём недостатки, ошибки, шероховатости. Мы же не изменим отношение к симпатичному нам человеку, если наше внимание обратили на его изъяны, о которых мы даже не догадывались, или знали, но мирились как с несущественными. Так и со стихами, однако взгляд наш на них, вероятно, несколько изменился, правда, мы об этом пока ещё не догадываемся.

Р. С. Последний из приведённых на с. 119 катренов является шуткой автора, к которой, хочу надеяться, благосклонный читатель отнесётся с улыбкой. Кстати, для тех, кто посчитает всё вышенаписанное лишь проявлением зависти автора к великим именам по причине его личной неспособности писать стихи, то ниже он предлагает на суд читателя несколько стихотворений, родившихся в период работы над данной статьей.

Стихи Евгения Морозова

* * *

Люблю я жёлтые тюльпаны,
Цветы-предвестники беды:
Измены, тайного обмана,
Излома горького судьбы.

Лимонно-нежные бутоны,
Под ветром наклоняясь ниц,
Кивают мне непринуждённо,
Дрожа тычинками ресниц.

Абрис изящен, листья ломки,
Растенья сочно зелены,
Я гладил их по шейкам тонким,
Пьянея в запахах весны.

И целовал смущённо, нежно
В росе прохладные цветы,
В душе пленяясь безнадежно,
Очарованьем красоты.

Сияло солнце, пели птицы,
Гудели пчёлы на ветвях,
Сновали юркие синицы,
Стрижи носились в облаках,

Цвет с яблонь сыпался неспешно
На зелень в травы и кусты...
И ты... глядела так безгрешно,
Лелея тайные мечты...

Знак судьбы

Увидеть тайный знак судьбы,
Заметить вехи провиденья —
В извивах жизненной тропы
Едва заметные ступени.

Их распознать не мудрено.
Истолковать, принять решение —
Вот где премудрости зерно,
Где нужно внутреннее зренье.

Как много маленьких примет
И суеверных опасений:
Завял до времени букет...
И зеркало... и сновиденья...

Остановись на краткий миг,
Припомни всё, что за день было —
Что ты сознанием не постиг,
Однако память сохранила.

Подумай: выбрать ли тепло,
В руках трепещущей синицы
Или манящее крыло
Неуловимой синей птицы.

* * *

Эти сизые зимние сумерки,
И закат над полями розовый,
Как застывшая цвета музыка
В чёрных сетях ветвей берёзовых.

Запорошен бурьян некошенный,
А под елями мхи зелёные,
Пробираюсь лесной дорожкой
Под земными ольхи поклонами.

Осыпается с веток кружево,
Затянуло даль поволокою,
Вечер снежною дышит стужей,
Зажигает звезду далёкую.

Добираюсь до дома затемно:
Тени на снег легли под вишнями,
Догорело заката зарево,
Звёзды с месяцем в небо вышли.

Скрип шагов далеко разносится,
Запах дыма, огни в окошках,
Лай собачий разноголосицей,
По тропинке крадётсЯ кошка.

Чай горячий с наливной пьяною
Несказанно с мороза радует,
Светит в окна звезда Полярная,
Рассыпая в узорах радугу.

Посижу у окошка в сумраке,
Окунусь незаметно в прошлое,
Не тревожась о завтра думами,
Вспоминая одно хорошее:

Детство раннее, и лица светлые,
И слова, что когда-то сказаны,
И любовь, и мечты заветные...
Снег искрится пылью алмазною.

ДВЕ ИПОСТАСИ ПОЛИТИКИ ХРУЩЁВА: СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КУЛЬТУРА

По вопросу о «раскрестьянивании» сельской местности Сталиным, особенно в сравнении с деятельностью Н. С. Хрущёва в этом же направлении, уместно вспомнить хорошо известный анекдот. «У одной дамы одновременно вышла замуж дочь и женился сын. Через некоторое время знакомая поинтересовалась у нее, как живут молодые. Дама ответила: “У дочери такой отличный муж оказался, он молодец, всё ей по утрам кофе в постель подаёт. А у сына жена такой негодяйкой оказалась, что он, бедняга, всё ей по утрам кофе в постель подает”». Это анекдот к вопросу о различиях в политике по отношению к сельскому населению СССР Сталина и Хрущёва.

Сталина все современные «демократы» постоянно ругают за «раскрестьянивание» села и уменьшение количества сельского населения, большинство которого, потеряв возможность работать на селе или вообще не желая этого, ринулось в города. А Хрущёва хвалят, в том числе именно за то, что при нём в СССР впервые количество городского населения превысило количество сельского.

Но хулители Сталина, невольно или вполне осознанно, это уже совсем другой вопрос, забывают упомянуть одно весьма важное обстоятельство. Ведь при Сталине «раскрестьяненное» сельское население, в начале 1930-х годов устремившееся в города, в основном устроилось на новые заводы и другие промышленные предприятия. Бывшие крестьяне стали в основном рабочими, причём, чтобы не бедствовать на чернорабочих должностях, стали худобно, но повышать свою квалификацию. И страна получила резкий рост, пусть опять же и слабо подготовлен-

ных, но все-таки рабочих, степень квалификации которых росла быстрыми темпами. А это в том числе позволило, снова не в такой степени, как бы хотелось, но заметно увеличить мобилизационные возможности СССР в период предстоящей неизбежной военной схватки с развитой страной или даже коалицией стран. Предлагаю смоделировать гипотетическую ситуацию. В 1941 году, при нападении Гитлера на СССР, хорошо подготовленный и отлично вооруженный вермахт встречает не РККА, а Крестьянская Красная Армия, сформированная по типу холопского ополчения. И вооружена данная армия преимущественно кавалерийскими пиками, устарелыми винтовками, а то и косами с дрекольем. При этом современных образцов вооружений у армии СССР ноль целых и немного десятых процента. Представили? В данном случае приведен как раз весьма возможный вариант развития событий, если бы в 1920—1930-е годы крестьян никто не трогал, и все они тихо и мирно жили-поживали в деревнях, составляя прежние 85—87 процентов всего населения СССР. И вот тогда мы имели бы к 1941 году, весьма вероятно, достаточно хлеба, мяса и масла. Но одновременно и очень слабую, в целом совсем отсталую промышленность, а оборонную в особенности. И имели бы всего 13—15 процентов городского населения. А среди этих горожан соответственно маленькую прослойку разудалых ухарей-мастеровых в жилетах нараспашку, плисовых портах, сапогах всмятку и лихо заломленных картузах, с хризантемами в зубах и гармошками через плечо. И эти немногочисленные мастеровые, в своем развитии не ушедшие далеко

от уровня конца XIX века, без сомнения, могли бы в приличных количествах кое-как клепать револьверы Нагана, мосинские трехлинейные винтовки, острые сабли и кавалерийские пики. Ну и, разумеется, конскую упряжь с подковами, а также весьма неплохие обозные телеги. А вот танки, бронев автомобили, сложные артиллерийские системы, передовое стрелковое оружие, не говоря уже о боевых самолетах, изготавливать на современном, то есть 1939—1941 годов, мировом технологическом уровне, было бы попросту некому. В случае большой войны из направленных по трудовой мобилизации на немногочисленные заводы разбитных деревенских молодяков, лихих на тряску подолами, но совершенно необразованных, за 2—3 месяца квалифицированных городских рабочих сделать бы никак не удалось. Да и не было бы достаточно заводов для всех этих сельских молодяков. Армия СССР была бы вполне обеспечена продовольствием, но, ещё раз повторим, не имела бы современного вооружения, что автоматически влекло за собой применение ею устарелых тактических приемов боевых действий. И к 1945 году СССР, точнее, то, что от него к этому времени осталось, имел бы совершенно иной географический вид и соответственно политический вес на мировой арене. Если предложенные рассуждения кажутся уж очень фантастическими, то рекомендуем читателю вспомнить один бесспорный исторический факт. К концу Второй мировой войны императорская Япония в промышленном отношении была гораздо более развитой, чем СССР периода начала 1930-х годов. Тем не менее её правительством решался вопрос о том, чтобы ввиду острейшей нехватки стрелкового оружия вооружить народное ополчение срочно изготавливаемыми миллионами бамбуковых пик для сопротивления вооруженным до зубов американским десантникам, уже готовым высадиться в метрополии.

Теперь о Хрущёве. Для начала разговора упомянем вкратце о сельскохозяйственной политике Никиты Сер-

геевича. Это был один из его любимых коньков. Одна «целинная эпопея» чего стоит. Действительно, распахали и засеяли огромные площади, десятки миллионов гектаров ранее нетронутых земель. Первый урожай на новых, неистощенных землях был поистине гигантским. Об этом бодро отрапортовали на всю страну. Урожай практически полностью собрали и повезли автотранспортом к железным дорогам, часто на расстояния в почти тысячу километров, да ещё по плохим грунтовкам. Довезли и... Вот тут-то «вдруг» всплыли прелюбопытнейшие детали. То, что обнаружилась острая нехватка погрузочных механизмов для зерна, это меньше, чем полбеды. На худой конец, для СССР всегда была возможность, срочно мобилизовав все трудоспособное местное население и войска, погрузить зерно в вагоны обычными совковыми лопатами. Как всегда, «непредвиденными» почему-то оказались гораздо более существенные обстоятельства. Выяснилось, что железнодорожные магистрали региона обладают недостаточной провозной способностью для такого количества поездов с зерном, которые становились очень существенной добавкой к обычному грузовому и пассажирскому потокам. Кроме того, для зерна не хватало вагонов. Не говоря уже о специальных вагонах-зерновозах, не хватало обычных крытых вагонов и открытых сверху полувагонов. А на местах, в Казахстане, обнаружилась острая нехватка элеваторных мощностей, пригодных для хранения такого богатого урожая. В результате подвезенное автомобилями к железным дорогам зерно стали просто сваливать на голую землю почти у всех станций и полустанков. И наступил коммунизм, правда, только для зерноядных птиц. Тучи голубей, воробьев и ворон поселились вблизи мест открытого складирования ценной продукции. Объевшись до предела и быстро разжирев, они сыто дремали вокруг зерновых холмов или лениво расхаживали неподалёку. Через небольшое время значительную часть ещё несклеванного пти-

цами зерна развеяли по степям сильные осенние ветры.

Выяснилось и другое обстоятельство. Для посевной и уборочной кампаний на целину была направлена новая сельскохозяйственная техника, которой для обрабатываемых площадей оказалось недостаточно. И ей вдогонку послали ранее выпущенную сельскохозяйственную технику, срочно изъятую из колхозов и совхозов других областей СССР. Благодаря этому, о чем, само собой разумеется, никто реляций не писал и вслух по радио не объявлял, посевная и уборочная кампании во многих других, кроме целинных, областях СССР прошла хуже, чем обычно. А по указанным выше причинам малой провозной способности железных дорог также оказалось невозможным быстро вернуть изъятую технику назад. Соответственно и весь урожай, который было возможно использовать для государственных целей, оказался меньше запланированного. За громом отчетов о небывалом целинном урожае тихо умолчали о том, что действительно дошедший до элеваторов объем зерна по стране в целом оказался не такой уж и большой. Проявился и целый ряд других, связанных с освоением целины проблем. «...Первый год освоения целины, несмотря на хороший урожай, все-таки принес убытки: бездорожье, отсутствие складских ёмкостей, высокие затраты на переброску техники, горючего, стройматериалов, переселение больших масс людей склонили весы в убыточную сторону. И в последующие годы хлебная проблема так и не была окончательно решена, зерна в стране по-прежнему не хватало. Так что раздавать в столовых хлеб бесплатно было рановато. Но тогда ещё никто не знал, что Никита Хрущёв, горячая голова, склонен был к таким широким жестам, не подкреплённым реальным обеспечением» [1].

В 1961 году населению было торжественно объявлено, что в СССР началось развёрнутое строительство коммунизма. Итоги же славной сельскохозяйственной политики Хрущёва в

окончательном виде подвел 1963 год. «Той же осенью [1963 года. — В. Петров] почти по всей территории России разразилась засуха. Через два года после обещаний молочных рек с кисельными берегами люди выстроились в очереди за хлебом» [2]. На совещании в правительстве не знали, что делать. Сам Хрущёв каких-то разумных решений не предлагал, но зато он буквально взорвался при высказанном Косыгиным мнении о необходимости импортных закупок зерна. «На эту меру пришлось пойти, когда министр сельского хозяйства доложил, что страна буквально осталась без хлеба: Хрущёв закупил 6,8 миллиона тонн пшеницы в Канаде, 1,8 миллиона тонн в Австралии, почти 2 миллиона в Соединенных Штатах и даже 400 тысяч тонн в нищей Румынии» [3]. С тех самых пор и вплоть до конца своего существования в 1991 году СССР закупал зерно за границей. А Черчилль так выразился про сельскохозяйственную политику и прочие управленческие качества Хрущёва: «Нужно быть гением, чтобы оставить Россию без хлеба».

Такого же свойства было и руководство Хрущёвым культурными процессами в стране. Первый, ещё очень и очень тихий звоночек, прозвучал уже в конце 1957 года. В литературе он остался практически незамеченным, но нашёл свое неожиданное отражение в устном «народном» творчестве. Появился и быстро стал популярным следующий анекдот. В Одессе по набережной гуляют мама с маленьким сыном. Недалеко в море стоит на якоре корабль под названием «Сергей Есенин». Мальчик спрашивает: «Мама, кто такой Сергей Есенин?» Мама отвечает: «Не знаю, отстань». Мальчик не отстает: «Мамочка! Ну, скажи мне. Ну, скажи мне, кто же такой Сергей Есенин?» Мама ему снова: «Не знаю, отстань!» К ним подходит одессит: «Мадам! Перестаньте мучить ребенка! Скажите ему, наконец, что Сергей Есенин это бывший Лазарь Каганович!» Дело в том, что корабль «Лазарь Каганович» после Пленума 1957 года и разгрома на нём «антипартийной группы» срочно пере-

именовали. И стал этот корабль с тех пор называться «Сергей Есенин». Отвлекаясь от собственно Хрущёва и забегая почти на 40 лет вперед, отметим, что в начале 1990-х годов моряки, правда, уже военные, таким же образом узнали, что «Петр Великий» — это на самом деле бывший «Юрий Андропов».

Но основные события в области культуры произошли в начале 1960-х годов, уже после разрешения Карибского кризиса. В сильно упрощённом виде причины атаки Хрущёва на интеллигенцию привел, например, небезызвестный Гавриил Попов. «Прежде чем потребовать от Хрущёва подчинения аппарату, надо было его изолировать не только от масс, но и от интеллигенции... На Хрущёва обрушился шквал “информации” о неблагодарных интеллигентах, сочиняющих о нём анекдоты, принижающих достигнутые за годы руководства дорогого Никиты Сергеевича результаты, настраивающих народ на критиканство» [4]. Можно предполагать, что Г. Попов здесь далеко не во всём прав. Вероятно, дело обстояло следующим образом. Хрущёв к концу 1962 года с треском провалился во внешней политике по отношению к США, на что указывали итоги Карибского кризиса. Вся его сельскохозяйственная политика предыдущего времени ощутимо приближалась к краху, который и последовал в 1963 году, о чём написано выше. Поэтому нужно было найти фронт, на котором быстро и убедительно можно было бы получить недвусмысленные результаты. Как очевидно показалось Хрущёву, этим внутривластным волшебным ключиком и должно было явиться наступление в сфере культуры. Бурная деятельность на ниве подъёма культуры в стране началась с посещения им московского Манежа в конце ноября 1962 года. Там была развёрнута выставка художников. Даже начало посещения уже было нетривиальным. «Неизвестно, что в точности наговорили Хрущёву консервативные чиновники от искусства: однако они убедили его посетить выставку. Перед тем как он появился с большой свитой, чиновни-

ки выстроили художников в два ряда для встречи с ним, причём в первый ряд поставили людей с ярко выраженными еврейскими чертами. Хрущёв вошел, обвел взглядом зал — и выражение его лица (этот момент запечатлен на киноплёнке) начало меняться: от усталости — к любопытству, от любопытства — к недоумению и неуверенности в себе, от неуверенности — к раздражению, от раздражения — к ярости. Художники заплодировали Хрущёву, однако он заставил их потрясённо замолчать первыми же своими словами: “Дерьмо собачье!.. Осел хвостом мажет лучше!” Затем он набросился на одного молодого художника: “Ты же с виду хороший парень, как ты можешь такое рисовать? Снять бы с тебя штаны да всыпать крапивой, пока не поймёшь свои ошибки. Как не стыдно! Ты пидарас или нормальный мужик?..» [5]. Дальше пошло ещё интереснее. Ряд авторов выставленных работ был также обвинён, если перевести слова Хрущёва на официальный язык, в принадлежности к нетрадиционной сексуальной ориентации, что привело к крупному скандалу. «Этого богатыря [скульптора Эрнста Неизвестного. — В. Петров] Хрущёв тоже обвинил в нетрадиционной сексуальной ориентации. Повернувшись к министру культуры Екатерине Фурцевой (единственной женщине в свите Хрущёва), Неизвестный извинился перед ней за то, что вынужден сейчас сказать, а затем рявкнул: “Никита Сергеевич, дайте мне сейчас девушку, и я вам докажу, какой я гомосексуалист!” После такого пришлось замолчать даже Хрущёву. По крайней мере, на несколько секунд» [6]. Жадно внимавшие дармовому и редкому зрелищу участники выставки почерпнули для себя незабываемые впечатления от рассуждений Хрущёва. «...Свидетелям удалось буквально записать следующие его реплики: “Дмитрий Степанович Полянский [член Президиума] рассказывал мне пару дней назад: когда дочь у него вышла замуж, ей на свадьбу подарили картину. Якобы был изображен лимон.

Так вот, вместо лимона там было какое-то месиво из желтых линий: выглядело, извините меня, как будто ребенок, когда мать отвернулась, сделал свои дела на холст, а потом растер рукой. Не люблю джаз. У меня от него колики начинаются... Или возьмите эти новомодные танцы. Они же совершенно неприличные! Танцоры вертят, извините за выражение, определенной частью тела. Это же непристойно! Мне Коган однажды сказал: “Я двадцать лет женат и до сих пор не подозревал, что это называется фокстрот!..” Нам такие картины не нужны. Неужели, вы думаете, мы потащим эту мазню с собой в коммунизм? Кто нарисовал вот это? Я хочу с ним поговорить. Ну и зачем нужна такая картина? Унитаз ею закрывать?” [7].

Эпохальное событие быстро нашло свой отклик в устном, так называемом народном творчестве.

«Хрущев на выставке художников.

— Эй, ты! Абстракционист?

— Нет, педераст! Но взгляните, какие краски!» [8].

Через короткое время плодотворная деятельность на культурном фронте была продолжена. Уже 17 декабря 1962 года во Дворце культуры на Ленинских горах собрались около четырёхсот специально приглашённых гостей. Пожалуй, что наиболее впечатляющее описание этой и последующих встреч Хрущёва с творческой интеллигенцией принадлежит их участнику, видному советскому кинорежиссёру М. Ромму.

Началась встреча в спокойных тонах, но быстро перешла на резкие. Одним из первых под раздачу снова попал скульптор Э. Неизвестный. Не исключено, что по следам его острой полемики с Хрущёвым в Манеже за три недели до этого. «А потом [Хрущёв. — В. Петров] постепенно как-то взвинчивался, взвинчивался и обрушился раньше всего на Эрнста Неизвестного. Трудно было ему необыкновенно. Поразила меня старательность, с которой он разговаривал об искусстве, ничего в нём не понимая, ну ничего решительно. И так он старается объяснить, что такое красиво и что

такое некрасиво; что такое понятно для народа и непонятно для народа. И что такое художник, который стремится к “коммунизму”, и художник, который не помогает “коммунизму”. И какой Эрнст Неизвестный плохой. Долго он искал, как бы это пообиднее, пояснее объяснить, что такое Эрнст Неизвестный. И наконец нашел, нашел и очень обрадовался этому, говорит: “Ваше искусство похоже вот на что: вот если бы человек забрался в уборную, залез бы внутрь стульчака и оттуда, из стульчака, взирал бы на то, что над ним, ежели на стульчак кто-то сядет. На эту часть тела смотрит изнутри, из стульчака. Вот что такое ваше искусство. И вот ваша позиция, товарищ Неизвестный, вы в стульчаке сидите”» [9]. Дальше дорогой Никита Сергеевич и пошёл и поехал без всякого перерыва, не давая никому слова сказать. Всё его выступление было чрезмерным как по эмоциональному накалу, так и по объёму, но в то же время очень плохо понятным и совершенно не запоминающимся для слушателей, которые, напомним, были людьми в массе своей достаточно образованными и культурными. «Долго длилось, часа два, это выступление, но никак я не могу вспомнить, что он говорил. Стихи даже читал какого-то шахтёра. Он все старался объяснить, какое искусство хорошее, и, в частности, привёл стихи, такие плохие стихи, что диву даёшься. Запомнил их, очевидно, с молодости, с тех пор стихов-то не читал. Вот стихи прочитал: вот шахтёр написал. Правда, шахтёр не очень грамотный, но стихи хорошие по содержанию. И вот как красиво рисуют одни художники. Вот там есть автопортрет товарища такого-то — залюбуешься, красавец. А посмотрите, что эти пишут! Жутко смотреть» [10]. Для того чтобы показать свою близость к простому народу, Хрущёв пошел на совершенно нестандартный для первого лица СССР того времени ход. «...В перерыве между банкетом и речами Хрущёв встал в общую очередь в туалет, чем поверг впереди стоявших в замешательство; они не понимали: “Что делать? Уступить место? Вроде подха-

лимаж. Не уступить — тоже неловко”. Слышались возгласы: “Проходите, Никита Сергеевич, пожалуйста, Никита Сергеевич, проходите!” — но Хрущёв скромно отвечал: “Да нет, что вы, что вы, я постою”» [11].

Спустя непродолжительное время состоялась ещё одна встреча с творческой интеллигенцией, уже в Свердловском зале Московского Кремля, что, очевидно, должно было подчеркнуть её особую значимость. Продолжалась она целых два дня, так как в один день уложиться не удалось. Началась встреча уже с самого утра. Разные участники оценивали число приглашённых на неё в 600, а то и в 650 человек. Хрущёв открыл встречу, начал свое выступление, но почти сразу и прервал его для того, чтобы вновь поразить всех участников. Начался невиданный при Сталине поиск и посрамление бесов из числа присутствующих, с последующим изгнанием оных прямоком в уборные. Итак, Хрущёв открыл встречу, а затем началось.

«Помолчал. Потом вдруг без всякого перехода:

— Добровольные осведомители иностранных агентств, прошу покинуть зал.

Молчание. Все переглядываются, ничего не понимают: какие осведомители?

— Я повторяю: добровольные осведомители иностранных агентств, выйдите отсюда.

Молчим.

— Поясню, — говорит Хрущёв. — Прошлый раз после нашего совещания на Ленинских горах, после нашей встречи, назавтра же вся зарубежная пресса поместила точнейшие отчёты. Значит, были осведомители, холуи буржуазной прессы! Нам холуев не нужно. Так вот, я в третий раз предупреждаю: добровольные осведомители иностранных агентств, уйдите. Я понимаю: вам неудобно сразу встать и объявиться, так вы во время перерыва, пока мы все тут в буфет пойдём, вы под видом того, что вам в уборную нужно, и проскользните и смойтесь, чтобы вас тут не было, понятно?

Вот такое начало. Ну а потом пошло, пошло — то же, что на Ленинских

горах, но, пожалуй, хуже. Уже никто возражать не смел. Щипачёву просто слова не дали. Мальцев попробовал было что-то вякать про партком Союза писателей, на который особо нападали, но его стали прерывать и просто выгнали, не дали говорить. А те, кто говорил, благодарили за то, что в искусстве наконец наводится порядок и что со всеми этими бандитами (иначе их уже не называли — абстракционистов и молодых поэтов), со всеми этими бандитами наконец-то расправляются» [12]. Здесь мы немного остановимся и заметим, что, судя по словам М. Ромма, творческая интеллигенция сама благополучно раскололась по меньшей мере на два лагеря. Один лагерь составили те, кто хотел быть, назовём их условно, абстракционистами и молодыми поэтами. Второй лагерь составили те деятели, которые вполне понимали выгоды своего нахождения у кормушки традиционных направлений творчества, поддерживаемых государством.

На следующий день встреча была продолжена. С самого начала выяснилось, что все бесы культурного фронта были окончательно и бесповоротно посрамлены ещё вчера. «И тут вошёл президиум, вошёл добрый, весёлый, полный жизненных сил Н. С. Хрущёв, за ним все остальные. Постояли и поаплодировали, сели. Козлов уставлял своими ледяными глазами в зал...

А Хрущёв начал очень весело, начал так:

— Ну что ж, товарищи, должен сказать — вчерашнее предупреждение подействовало. Подействовало! Ничего не просочилось. Даже могу сказать: вчера были приёмы в некоторых посольствах, так просто из осторожности, очевидно, не явился почти никто. Даже вот так. Так что, в общем, хорошо, хорошо. Ну-с, давайте продолжать. И начали продолжать» [13].

Далее все в том же духе.

«Потом стал объяснять нам, что такое хорошее искусство, на образных примерах.

— Вот идёшь зимой, ночью, лунная ночь, по лесу... А ведь бывает в жизни

эта красота! Зачем же ходить в сортир за вдохновением? Вот был у меня друг-шахтёр... — И опять читает какие-то стихи какого-то шахтёра...

А после этого пошла уж совсем странная игра. Начал Хрущёв рассказывать такие вещи, что, по-моему, и президиум при всей своей выдержанности этого не ожидал.

— Вот, товарищ Эренбург пишет — он-де уже понял, после тридцать седьмого года он понял или после войны понял, что такое Сталин и прочее, — понял, но вынужден был молчать; выходит, он понял, а мы не понимали. А если понял, почему молчал? Выходит, все молчали? Нет, товарищ Эренбург, не все молчали, многие не молчали. А вы, товарищ Эренбург, говорите: все молчали. Не все молчали. Здесь товарищ Эренбург?

Но товарищ Эренбург уже ушёл. На нём уже верхом проскакали и столько его поминали, что старик не выдержал и ушёл с этого второго заседания, кажется, именно в тот момент, когда рёв шёл и Вознесенского долбали.

— Нет Эренбурга? М-да. Вот он говорит. Вы думаете, легко было нам? Ведь между нами говоря, — говорит Хрущёв, понизивши голос и забывая о том, что в зале сидят ровным счетом 650 человек, — между нами говоря, это же был сумасшедший последние годы жизни, сума-сшед-ший. На троне — замечьте... Нет, не все молчали, товарищ Эренбург. А вот товарищ Эренбург думает, что это легко» [14].

По результатам этой встречи были сделаны, как говорили тогда, оргвыводы. Союзу кинематографистов удалось сохраниться, перед этим повиснув, буквально, на волоске. С писателями получилось значительно хуже, о чем речь пойдёт далее. И на эту встречу вскоре появились бодрые отклики так называемых трудящихся, пожелавших остаться неизвестными.

«Опять Хрущёв в гостях у абстракционистов.

— Это ещё что за писсуар?

— Портрет женщины, Никита Сергеевич!

— Ну и намалевали! А это что за квадрат с точками?

— Это рабочие спешат на завод.

— Ну, мать твою! А это что за задница с ушами?

— Это... зеркало, Никита Сергеевич» [15].

Буквально на следующий же день после этой встречи произошли серьёзные последствия для Союза писателей. Их партийную организацию «...действительно разогнали и членов партии — писателей раскрепили кого куда: кого на “Мосфильм”, кого в издательство, а некоторые к парторганизации зоопарка прикрепились, потому что она рядом, зоопарк-то рядом с Союзом писателей. Вот так. И не стало парторганизации в Союзе писателей. Единственный Союз, где нет парторганизации. В случае чего, нет парткома. Есть парторг, а это совсем-совсем другое. Ну дальше как дела шли, все известно...» [16].

В апреле 1963 года Хрущёв выступал перед промышленной элитой государства. И там он не преминул затронуть в числе прочих вопросы культуры. «Кто только не попал ему на язык в апреле 1963-го в речи перед руководителями промышленности и ведущими конструкторами!.. Досталось и обычным нарушителям общественного порядка — “ворам, мошенникам и прочим мерзавцам”, которых надо “давить, как тараканов”, и литераторам, которые “копаются в мусорной яме, выкапывают мусор, сосут его и, конечно, плюют”, и писателям, которые увидели за границей “невиданной у нас расцветки панталоны для своей жены и стали вздыхать — вот она какая, Америка, она панталоны лучше нас делает...”» [17].

В июне этого же года состоялся Пленум ЦК КПСС, посвящённый идеологии и культуре. Данный Пленум продолжался несколько дней. На него со всей страны съехалось большое количество народу, одних приглашённых гостей было более двух тысяч человек. Вначале Пленум шёл вполне чинно и Хрущёв сохранял взвешенный подход. Правда, обойтись без личных выпадов

и тут не удалось. Причём Хрущёв явно перестал обращать внимание на должностное положение лиц, которым он делал публичные выволочки. «Шло заседание, опять говорит очередной оратор. И вдруг очередного этого оратора опять прерывает Хрущёв.

— Минуточку, — говорит он. И, обращаясь к двум членам ЦК, говорит: — Вы что здесь ухмыляетесь? Вы, товарищ такой-то... И такой-то (казахская фамилия, один из секретарей Казахстана)... Что вам тут смешно? Вы находитесь на заседании ЦК, надо уметь вести себя прилично. Что, вы не хотите работать? Можно освободить! Как вы себе позволяете вести себя в присутствии членов Центрального Комитета партии! Бе-зо-бразие!

У меня даже сердце упало. Я, признаться, и не думал, что на членов ЦК можно орать вот таким образом, как на мальчишек. Я, правда, слышал, как он орал на Вознесенского, на Голицына, но на членов ЦК!» [18].

Пленум подходил к концу, и никаких дополнений вроде бы не предвиделось. «Но спектакль был ещё не окончен. Когда Суслов и Ильичёв готовы были подвести итоги, Хрущёв вдруг снова вышел к микрофону, заявив, что хочет произнести ещё одну небольшую речь. Небольшая речь растянулась на два с половиной часа: касалась она самых разнообразных предметов — от писателей, которых следовало бы исключить из партии, до Мао Цзэдуна, который пытался унижить Хрущёва демонстрацией своих способностей пловца. После этого, когда членам ЦК осталось лишь единодушно одобрить принятые на пленуме резолюции, Хрущёв в припадке демократического великодушия призвал всех гостей — две тысячи человек — проголосовать вместе с ними. Члены ЦК были неприятно поражены; гости, как вспоминает Михаил Ромм, тоже. “И все поднимают, как один человек, руки за резолюцию, которую никто не читал... Вот такой был человек этот Хрущёв”» [19].

Вообще, отечественным писателям в начале 1960-х годов хронически не везло. До этого инцидента неприятно-

сти подкралась к ним с совсем уж неожиданной стороны. Начиная с осени 1962 года, в Союз писателей СССР, с пугающей его руководство частотой, стали приходить письма. Все они имели странный адрес: «Советским писателям» и не менее странную подпись: «Неистовый Виссарион». Из содержания писем было совершенно непонятно, в честь кого был избран этот псевдоним. Большинство посвящённых склонялось к мнению, что в честь В. Г. Белинского. Но некоторые не исключали возможность и того, что аноним намекал на отца И. В. Сталина. Тексты писем содержали чрезвычайно интересные для того времени обороты.

«“...Партия превращена в машину, которой управляет плохой шофёр, часто спьяну нарушающий правила уличного движения. Давно пора у этого шофёра отобрать права и таким образом предотвратить катастрофу...”

“...Для нас сейчас чрезвычайно важно, чтобы трудящиеся и производственная интеллигенция разобрались в существе политического режима, в условиях которого мы живём. Они должны понять, что мы находимся под властью худшей формы самодержавия, опирающегося на огромную бюрократическую и вооружённую силу”.

“Нам необходимо, чтобы люди начали мыслить, вместо слепой веры, превращающей нас в живые машины. Наш народ, если сказать коротко, превращён в политически бесправного международного батрака, каким он никогда не был”» [20]. По стилю своего изложения эти письма в чём-то перекликались с «прелестными грамотами» и «универсами», которые противники Петра I от лица царевича Алексея во множестве рассылали донским казакам, ругая царя и суля неслыханные блага тем, кто поддержит антицарскую позицию.

Все письма шли в Москву только из Ростова-на-Дону. Так как в Ростове-на-Дону заметной политической оппозиции отродясь не водилось, а его законопослушные обитатели были в основном склонны к деятельности из

области карманной тяги и других промыслов общеуголовного профиля, без малейших покушений на сотрясание основ строя, то задача поиска «Неистового Виссариона» значительно упрощалась. Но когда местные органы КГБ его сравнительно быстро установили, то поняли, что лучше бы и вообще не находили. Оказалось, что автором всех писем был Герой Советского Союза и прочая, и прочая, и прочая, а самое главное — и. о. командующего Северо-Кавказским военным округом, генерал-лейтенант Матвей Кузьмич Шапошников. Темными вечерами, он, наподобие Гарун-аль-Рашида, переодевшись в цивильное, шнырял по улицам и, уловив подходящий момент, украдкой кидал свои творения в настенные почтовые ящики. Толчком для начала разоблачительных писаний, по его дальнейшим уверениям, послужили события в Новочеркасске 1—2 июня 1962 года. «Неистовый Виссарион» принимал в них участие в качестве тогда ещё заместителя командующего округом генерала армии И. Плиева и одного из руководителей войск, подавлявших беспорядки. По версии, которую гораздо позднее озвучили журналисты, во время беспорядков произошло следующее. «Когда он ехал на завод, то в его “газик” полетел булыжник. Попал в плечо, сорвал левый погон. Генерал высунулся из машины и сказал тому, кто кидал: “Дурак ты!” И поехал дальше» [21]. Можно предполагать, что камень попал не только в погон, но и сильно задел голову генерала. Разумеется, обнаружение военного оппозиционера такого калибра сразу же должно было поставить перед руководством КГБ при СМ СССР вопрос. А куда может завести должностное лицо в ранге и. о. командующего округом так обильно декларируемое им «неистовство»? Очевидно, что также было необходимо выяснить, почему генерал-лейтенант разлетелся со своими «неистовыми» письмами именно к писателям, а, скажем, не к художникам, музыкантам или, например, к деятелям эстрады либо цирка. В общем, руководство

Союза писателей СССР было напугано этими письмами преизрядно.

Гораздо позднее, спустя четверть века после этих событий, их герой вспоминал: «Я хотел сказать о многом, но на актив меня не пустили. Тогда я решил писать письмо и попросил адъютанта найти мне тома Ленина, в которых он дает оценку Ленскому расстрелу и Кровавому воскресенью» [22]. Заметим здесь, что обычно генералы в отношении своих адъютантов употребляют термин «приказал», а не «попросил». Но это к слову. А вот интерес к первоисточникам марксизма-ленинизма со стороны генерал-лейтенанта, которого раньше нельзя было загнать на политзанятия даже палкой, вызывает определённые вопросы.

Известный диссидент, генерал-майор Петр Григоренко, за примерно такие же высказывания очень быстро угодил в психиатрическую больницу. А «Неистовый Виссарион», если верить публикации, почему-то занимался своей анонимной политико-просветительной деятельностью на протяжении почти пяти лет, пока не был привлечен к уголовной ответственности, да и то отделался, как говорится, легким испугом. Против него возбудили уголовное дело, которое тут же было прекращено «по нереабилитирующим обстоятельствам». Он благополучно ушёл на генеральскую пенсию и только расстался с партийным билетом. Но всё это произошло уже после отставки Хрущёва, гораздо позднее октября 1964 года.

А пока вся многохлупотная деятельность дорогого Никиты Сергеевича была досрочно прервана его отставкой. Когда-то он все мечтал запустить ежа в штаны империалистам. Но попытка этого в 1962 году окончилась провалом. И спустя всего два года уже ему самому запустили в штаны, да не ежа, а целого дикобраза. Причём запустили вовсе не какие-то там империалисты, а собственные соратники.

Народ весьма бодро прореагировал на смещение Н. С. Хрущёва. Один поэт, из благоразумия пожелавший остаться неизвестным, откликнулся на знаменательное событие трогательно-

ми в своей поистине детской простоте строками:

Десять лет лизали ж...,
Оказалось — что не ту.

Другие запели:

Но в октябре Никитушку
немножечко того...
И мы узнали вдруг всю правду про него.
Что он Насера наградил,
что он в три х... накрутил,
И что вообще нам будет лучше без него.

Третьи же и вообще:

А в это время со своих постелей
Вставали члены Пленума ЦК.
Они с капустой пирогов хотели,
Была готова к выдаче мука.
Никита сильно осерчал на Пленум,
С обидой Микояну крикнул: «Б...!»,
Жалея, что не дал под зад коленом
Днепропетровцам, растуды их мать.

В просвещённых европах отклики на отставку Хрущёва, разумеется, были гораздо утончённее. В одной из парижских редакций довольно долгое время висел плакат с крупным портретом известного всей стране газетного деятеля хрущёвской эпохи. Надпись под портретом гласила: «Бывший главный редактор главной советской газеты “Известия” Алексей Иванович Аджубей. Уволен из газеты в связи с преклонным возрастом и плохим состоянием здоровья его тестя Никиты Сергеевича Хрущёва». И знаменитая в СССР много и часто повторяемая при Хрущёве поговорка: «Не имей сто рублей, а женись, как Аджубей» также канула в лету.

За один лишь октябрьский день 1964 года современная реинкарнация Ленина, краса и гордость КПСС, надежда рабочего класса всей Земли, выдающийся теоретик и практик коммунистического строительства в СССР и во всём мире Н. С. Хрущёв стремительно превратился в никому уже совершенно не нужного и практически всеми забытого «персонального пенсионера союзного значения». Само собой разумеется, что все его статьи и речи, «открывающие новые горизонты в

марксистско-ленинском учении» тут же получили хорошего пинка под зад, как и их номинальный автор. Громадный вклад генерала Хрущёва в Великую Победу 1945 года, ещё совсем недавно резчайшим образом превышающий вклад самого Верховного Главнокомандующего Сталина, вдруг моментально сдулся до размеров, не различимых даже в самый мощный микроскоп. Он в полной мере, если бы только её знал, мог оценить значение и глубокий смысл давней римской поговорки: «Sic transit gloria mundi» («Так проходит мирская слава»). Некоторое утешение пришло к нему при написании мемуаров. В них он как следует прошёлся по Сталину и по многим другим видным людям, отвечивая им прямые упрёки или весьма сомнительные комплименты. В общем, власть помахал кулаками после драки.

Но народ не забыл Хрущёва. Ещё долгое время ходила легенда, что якобы в 1965 году в ЦК КПСС обратилась большая группа жителей Одессы с просьбой вернуть Хрущёва к управлению государством. На вопрос о том, чем вызвана их такая странная просьба, был дан следующий ответ: «Лучше десять лет прожить без хлеба, чем один год без анекдотов». Им было отказано. Правда, десять с небольшим лет спустя нашу страну заполонили анекдоты о «дорогом Леониде Ильиче». Но это уже совсем другая история. Ну а потом началась тихая пенсионная жизнь Хрущёва. Как писал поэт:

Хлебнувши хорошенечко «Столичной»,
Никита в сквере кормит голубей.
И к парторганизации первичной
Зятек его приписан Аджубей.

Автор отдаёт себе отчёт в том, что работа получилась во многом похожей на длинный юмористический рассказ. Но, видимо, такова уж личность главного героя. Описываешь содеянное им вроде бы с серьёзных позиций, а из изученного материала постоянно вылезает сплошной анекдот.

Вообще, когда изучаешь эпохи Сталина и Хрущёва, то невольно напрашиваются следующие соображения.

Эпоху Сталина можно сравнить с классической оперой в исполнении многих трагических персонажей и с главным героем шекспировских страстей и масштабов. А эпоху Хрущёва уместно сравнивать с постоянными переводными курсовыми экзаменами двоечника циркового училища, далеко не дотянувшего до выпускного представления, обещанного быть развесёлым, да так и не состоявшегося.

ВЫВОДЫ

На основе изученных материалов можно сформулировать ряд аспектов исторической роли Хрущёва в судьбе СССР.

1. Сталин создал атомную бомбу, а Хрущёв сделал так, чтобы толку от неё стало очень мало. Если при Сталине империя достигла максимальной мощи, то при Хрущёве эта империя стала ломаться.

2. Следует повторить уже сказанные ранее слова У. Черчилля: «Нужно быть гением, чтобы оставить Россию без хлеба». Можно предположить, что именно начало массовых закупок зерна за границей в 1963 году и стало формальной точкой отсчёта превращения СССР из аграрно-индустриальной страны в индустриально-аграрную. Провал сельскохозяйственной политики стал действительностью.

3. Благодаря деятельности Хрущёва стало «сужаться» внешнеполитическое поле СССР. Улучшение отношений с Югославией в 1955 году отнюдь не компенсировало ухудшение отношений с КНР, Венгрией, Польшей, Албанией и США.

4. В области культуры Хрущёв внёс резкий раскол внутри творческой интеллигенции на, условно назовем их, «государственников» и «абстракционистов». Последние были официально отвержены. Но от этого «государственникам» не стало лучше. Они не получили внятных руководящих указаний.

5. Хрущёв отменил суровую ответственность за «шалости», инициировал «оттепель» в культуре, приведшую к

сильной устремлённости многих творцов на безответственное самовыражение, на желание попасть в число «небожителей», занимающихся исключительно лично приятным для себя делом. Кроме этого, Хрущёв породил безответственные общественные ожидания, полагая этим увлечь массы народа. Обобщая, можно сказать, он совершил акт умаления всякого серьёзного поведения в пользу яркого, броского, но пустого в перспективе образа бытия, лишив тем самым коммунистическую идею её сути — преобразования человека.

6. Хрущёв поступал безответственно с государственных позиций. Для заведующего сельским клубом его поступки по наведению порядка в культуре, может быть, и были бы оправданными. Но для руководителя такого ранга и такого государства его деятельность была совершенно безответственной. Как политик, а не заведующий сельским клубом, он должен был действовать совершенно иначе.

7. Дела в сельском хозяйстве и в области культуры — это лишь две яркие грани того системного кризиса, в который Хрущёв вогнал взятый им в управление СССР.

Литература

1. Носов Е. Кострома не Айова // Никита Сергеевич Хрущёв: Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989. С. 99.
2. Таубман У. Хрущёв. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. С. 655.
3. Там же.
4. Попов Г. Два цвета времени, или Уроки Хрущёва // Страницы истории. Дайджест прессы. 1989. Июль — декабрь. Л.: Лениздат, 1990. С. 265—266.
5. Таубман У. Указ. соч. С. 636—637.
6. Там же. С. 637.
7. Там же.
8. Романов С. Усыпальница. Биография советских «царей» в анекдотах. М., 1994. С. 27.
9. Ромм М. Четыре встречи с Н. С. Хрущёвым // Никита Сергеевич Хру-

- щёв: Материалы к биографии. М.: Политиздат, 1989. С. 139—140.
10. Там же. С. 141.
  11. Таубман У. Указ. соч. С. 638.
  12. Ромм М. Указ. соч. С. 142—143.
  13. Там же. С. 148—149.
  14. Там же. С. 152.
  15. Романов С. Указ. соч. С. 27.
  16. Ромм М. Указ. соч. С. 153.
  17. Таубман У. Указ. соч. С. 635.
  18. Ромм М. Указ. соч. С. 153—154.
  19. Таубман У. Указ. соч. С. 647.
  20. Содержание писем приводится по: Фомин В., Щекощихин Ю. Тогда, в Новочеркасске // Страницы истории. Дайджест прессы. 1989. Январь — июнь. Л.: Лениздат, 1990. С. 254.
  21. Там же. С. 254.
  22. Там же.

Уроки правления Никиты Хрущёва

(редакционный комментарий)

Правление Н. С. Хрущёва — это яркое и практически единственное в своём роде явление правителя в истории России. Почему так? Да потому, что он получил в свои руки страну, у которой тогда ещё были значительные шансы обрести невиданную в мировой истории судьбу. Однако этому правителю не только не удалось реализовать имевшиеся тогда возможности, но он к тому ещё лишил СССР каких-либо серьёзных надежд и на будущее. Хрущёв, не имея внятной стратегии развития первой социалистической державы, за годы своего нахождения у власти практически дискредитировал и Советскую власть как таковую, и вовлек весь советский народ в процесс постыдной имитации строительства коммунизма, который впоследствии продолжили все руководители Советской страны без исключения. То есть главная вина Никиты Хрущёва была в том, что он, взойдя на чужое место, распорядился на нём таким образом, что практически свёл на нет все усилия своего поколения по строительству нового и невиданного доселе общества. Поэтому-то, анализируя предательскую линию этого горе-руководителя, сегодня возможно сделать ряд важных выводов, которые позволят будущим достойным претендентам на роль первого лица в стране не совершать впредь подобных роковых просчетов.

Первая и простая мысль напрашивается сама собою. Всякое умелое правление российским государством несёт в себе колоссальные и физические и психологические нагрузки. Поэтому срок правления без ущерба для качества правления в России не может быть продолжительным. Второе. Грамотный правитель государства должен заранее иметь чёткое представление о стратегии развития взятого им в управление объекта (страны). Третье. Честный правитель в России предопределён уметь быстро и точно находить требуемые ему кадры, о необходимых деловых свойствах которых он также изначально обязан иметь ясное представление. Четвертое. Он должен работать непосредственно над ключевыми направлениями развития страны. То есть на этих направлениях ему лично придется корпеть буквально дено и ночью. Почему? Да потому, что он будет вынужден собирать и обрабатывать статистические данные в связи с выделенными участками практически в режиме реального времени. Зачем? А затем, чтобы быстро вскрывать попытки каких-либо приписок, с одной стороны, а также для своевременного оказания действенной помощи отстающим звеньям — с другой. Иначе говоря, правитель в России — это светская форма монашеского служения. Точка. Все иное погубит российское государство окончательно в исторически сжатые сроки.

Комментарий редакции. В настоящей рубрике журнал пробует публиковать работы, которые возникают буквально в наши дни. Что в них примечательного? Они несут в себе непосредственно характерные отпечатки России начала XXI века. Скажем даже больше, большинство из них имеет специфическую родовую травму народившейся постсоветской эпохи. Так, читателю предлагается ознакомиться с произведениями очень молодого автора. Не скроем того факта, что в редколлегии журнала в связи с ними возник острый спор. В частности, один противник рассматриваемой публикации посчитал, что автор имеет серьезные проблемы личного свойства, которые скрываются за художественными образами и которым не место в публичном пространстве. Другая точка зрения свелась к тому, что автор не любит своих героев, а может быть, и людей вообще. Третья же позиция выразилась в том, что предельно искренно пишущий человек в данном случае представляет не только самого себя, что за ним скрывается, вероятно, уже народившееся общественное явление невиданного ранее масштаба. Какого же именно? Тотальной прагматизации сознания, в которой категорически нет места умильному гуманизму стремительно уходящих в прошлое воззрений. То есть нашим современникам, видимо, впереди предстоят еще неведомые по известной нам ныне истории испытания морального порядка. Редакция, в свою очередь, рассчитывает, что серьезный читатель журнала сумеет и сам понять, что собой представляют на самом деле эти произведения.

Анастасия Сабянина

ИСТОРИЯ ОДНОГО НЕУДАЧНИКА

(рассказ)

Игорь Сушкин был несомненно хорошим человеком.

Он усердно работал в местном ЖКХ, медленно водил свою подержанную «копеечку», любил свою жену Полину, был ей верен и честен с ней и, как и всякий мужчина в его возрасте, глубоко в душе, где-то на подсознательном слое своего серого вещества, уже давно подумывал о детях.

Но в один момент его спокойного размеренного существования каким-то образом, ни с того ни с сего, судьба преподнесла ему на голубом подносики череду неприятных неожиданностей, и прекрасная мадам Фортуна развернулась к нему известным местом.

Иными словами, началось хроническое невезение...

Сначала заболела его Полина. Что-то в животе закололо, он вздулся и стал похож на гелевый розовый шар. Врачи долго не могли определить, что же это за болезнь, но в конце концов пришли к устрашающему выводу: «Это всё серьезно, и поэтому Полину надо оперировать». Игорь Сушкин, конечно, очень постарался, выложил врачам ту сумму, которая им требовалась и которая была заработана честнейшим трудом пречестнейшего среднего госслужащего.

Полину кромсали три часа, в итоге вырезали ей аппендикс и отправили отдыхать. Валялась Полина в больнице три недели, из которых две первые Игорь Сушкин просидел в палате у изголовья больной, глядя ей в лицо и сжимая родную ручку. Когда же Полина перестала

походить на сельдь и на её лице появился здоровый румянец, Игорь Сушкин пошёл дорабатывать свои пропуска.

Потом Полину выписали. Игорь Сушкин отвёз её на своей «копеечке» домой, попутно заехав в местный магазинчик и купив по случаю такого быстрого выздоровления вафельный тортик, покрытый восхитительной хрусткой глазурью. Приехав домой, они торжественно сели за стол, предварительно позвав соседку, и распили ароматный бергамотовый чай, закусывая его привезённым наисвежайшим тортом и пришедшимися как раз кстати, но немного дольше, чем надо было бы завалявшимися сушками с маком...

Казалось, что жизнь прекрасна. Но именно на этих вот самых сушках с маком Игорь Сушкин сломал один из своих, казалось бы, крепких и здоровых зубов.

По дороге к стоматологу он очень разволновался, но, войдя в здание стоматологии и надев на ботинки синие полиэтиленовые мешочки, он вдруг почувствовал, что ему немного полегчало.

— Доктор, что со мной? Что мне делать? — дрожащим голосом спросил Игорь Сушкин у стоматолога после осмотра.

— Я думаю, что надо поставить на вашу шестёрку штифт, — ответил тот прокуренным баритоном, — дело, понимаете ли, серьёзное...

Игорь Сушкин напрягся. Он сразу в красках начал рисовать этот загадочный штифт.

— Почему вы себе веныры на эти два зуба не поставили? — ткнул дантист в челюсть Игорю мозолистым пальцем.

«Господи, что ж мне делать-то?» — с отчаянием подумал Игорь и грустно повёл плечами.

— Ну что, дорогой, — Полина вышла из кухни в коридор навстречу мужу, — как сходил?

— Мне будут ставить штибельт и Венеры, — обречённо вздохнул супруг и обвёл потухшим взором свою маленькую коллекцию магнитов на холодильнике.

— Ну ничего, ничего, — вздохнула в свою очередь Полина и погладила по голове грустного Игоря Сушкина. От неё пахло мыльным-мыльным средством и докторской колбасой в нарезке, которую складывают в такую пластиковую белую коробочку, обматывают мутным полиэтиленом и выкладывают на прилавок, где она может валяться сколько угодно. Потом её впопыхах схватит какая-нибудь тётенька, забыв взглянуть хоть одной ресничкой на срок годности, а дома этой самой тётке уже ничего и не остаётся, как отварить эти куски или отдать их на поедание любимому Чаки (лохматому золотистому ретриверу). Ведь ему всё равно что жрать, не правда ли?

Челюсть болела, конечно, сильно, больно, долго и нудно, но самое, наверное, неприятное для Игоря Сушкина было то, что в самом разгаре приступов судорожной боли в подбородке он потерял работу и напрочь забыл про день рождения Полины.

Бывает.

Ну, в общем, так он оказался на улице без крыши, без жены, без работы и с уныло подвывающей болью в челюсти.

Зато у него была машина! Да-да! Его чудесная маленькая «копеечка» с уютно поскрипывающим и протёршимся сиденьищем сзади и постоянно отваливающейся откуда-то сверху панелькой. И когда наш герой ложился спать, скрючившись на заднем сиденье, он подолгу смотрел в потолок автомобиля и плакал.

Теперь Игорь Сушкин много катался и гулял по городу. Пока бензин не закончился.

Он отыскал не одно очень любопытное место, где любил ранее посидивать, или постаивать, или полёживать, теребя свои отросшие клоки бородёнки, думая свою тяжёлую думу или мечтая иногда когда-нибудь привести сюда своих детей...

Сказать, чтоб Игорь Сушкин совсем уж бездельничал и ничего не пытался предпринять? Нет, ничуть не бывало. Игорь Сушкин раздумывал, строил грандиознейшие планы и даже иногда переходил к действиям: просил прощения у Полины, чуть ли ей не пятки её розовые лизал, искал временную работу с приличным заработком. Но, глядя на его изнурённый вид, Полина и работодатели не останавливали на нём свой выбор.

И вскоре Игорю Сушкину показалось, что его высосали, выжали, как выжимает половую тряпку профессиональная домохозяйка. Он износился, заглох, взорвался, загорелся, потух и сошёл с дистанции.

В какой-то момент Игорь Сушкин заметил, что у него дёргается левый глаз, борода отросла в полпальца и он не чувствует своего собственного присутствия. Он думал, что хуже быть уже не может, но судьба так не считала. Она издевательски ухмыльнулась и преподнесла ему ещё один неожиданный и каверзный сюрприз. У него отобрали права.

Нет, Игорь Сушкин не был виноват в том, что произошло. По крайней мере, он искренне так считал. В этом, конечно, виноват был тот, кто сидел в том «мерседесе» с ужасным номером БА666Х. Вот и вышел, как говорится, полный БАХ.

И конечно, понятно, что доблестная милиция обвинила во всём честного Сушкина, который остался без гроша в кармане, а грузного, тучного и совершенно лысого водителя «БАХа» отпустила лёгким движением руки, предварительно этой же рукой пересчитав свежие хрустящие банкноты.

Скажите мне, уважаемый читатель, есть ли выход из сложившейся ситуации? Игорь Сушкин, наверное, подумал, что он все-таки есть.

Наш герой вышел из метро. Куда ж ему идти? У него теперь нет никого на всем свете. Ему негде приютиться и не у кого попросить помощи.

И тогда он решил для самого себя, что мир не терпит таких неудачников и пришло время предать холодному осеннему ветру на полное растерзание одного такого остолопа.

«Мне сразу станет легче!» — воскликнул Игорь Сушкин с почти детским восторгом, и с козырька дома рядом вспорхнуло несколько голубей и окропило тёмный асфальт и плечо нашего героя.

«Да, это знак!» — восторженно проговорил он, и в его обезумевших глазах засветилась тупая гордость. Рванувшись, наш герой по-

бежал навстречу идущим по небу грязным облакам и через десять минут оказался на самом верхнем этаже облезлой высотки. Перед винтовой лестницей на крышу Игорь Сушкин остановился, запыхавшись, и прислонился к стенке. Ни одной мысли не билось в его голове. Только звездело в глазах и стучало в висках от быстрого бега. Выровнив дыхание, он тронулся с места и взлетел по винтовой лестнице на крышу.

На крыше было жутковато: сильный ветер здесь набрал свою северную мощь, и казалось, что вместо могучих потоков воздуха с неба низвергается громада горной ледяной воды. Облака здесь были настолько низки, что можно было потрогать их руками. Игорь Сушкин попробовал, но ничего не получилось. Он прыгал, прыгал, но так и не смог схватиться за седые тяжёлые космы чьей-то волнующейся бороды. Игорю Сушкину эта крыша казалась прекрасной. Он тёрся об одинокие столбики, ложился лицом на голый цемент. Его будоражил свист ветра, а сильные порывы раззадоривали. Он хохотал небу в лицо, танцевал какой-то один известный ему танец с ветром в обнимку, рыдал, скрючившись на грязном цементе.

Вдруг его торкнуло — он вспомнил, зачем пришёл сюда. Игорь Сушкин поклонился, раздал благосклонные «спасибо за поздравления» наблюдавшим за ним небесным существам и подошёл к краю крыши.

Город как на ладони. Но Игорь Сушкин не видел эту прелесть городских сумерек, кое-где зажигающихся огней. Он перегнулся через бортик и глянул вниз.

Перед ним разразилась могучая бездна, полная густого воздуха, сквозь который, казалось, невозможно пробиться.

Несчастный залез на бортик и осторожно распрямился. Перед ним распростерлась сама вечность, перед ним был единственный путь.

Сначала Игорь Сушкин посмотрел вниз, на свою ступню. «Она такая большая, — подумал он, — намного больше, чем автомобиль внизу».

Потом Игорь некоторое время наблюдал за снующими туда-сюда людишками, разгружающими какой-то грузовик внизу, у одного из подъездов. «Уж извините, — ухмыльнулся он, — я, видимо, не очень вовремя...»

Затем он поднял свой взгляд выше. Город. Родной его город... единственное, что он обожал в своей жизни, — такая мысль вдруг возникла в его голове.

Игорь Сушкин запрокинул голову. Небо... Зачем ты принесло ему столько мучений! Но он обманул тебя, обманул!

И тут Игорю Сушкину вдруг стало страшно. По телу побежала жгучая судорога, подогнулось колено, и он чуть не улетел раньше времени в густоту сумерек.

«Повернись-ка я спиной — так будет легче». Игорь Сушкин осуществил свою идею и закрыл глаза. Его тело расслабилось до последней клеточки, страх ещё беспокоил его, но уже не так сильно. Никогда не был он так прекрасен, как в эти минуты. Спина его, распрямлённая до хруста, делала его облик мужественнее; его руки, раскинутые в разные стороны, напоминали крылья; дыхание его было

глубоким и размеренным. Лицо его было спокойно, только изредка подрагивали веки... На их внутренней стороне он вырисовывал себе картину городского пейзажа, находящегося впереди, за границей металлической темноты. Хотелось последний раз взглянуть на город, но Игорь Сушкин чувствовал, что если откроет глаза, то уже не сможет совершить задуманное.

И он шагнул вперёд. Глаза его распахнулись от ужаса ощущения свободного полёта, но тут же он понял свою ошибку — он полетел вперёд, стоя спиной к желанной кончине.

Нет, ну Игорь Сушкин, без сомнений, хороший человек. Но, простите, — дурак дураком.

P. S.

Если читателю интересна дальнейшая судьба нашего героя, то автор может вкратце о ней рассказать. После того как Игорь Сушкин грохнулся всей своей тушкой на такой любимый им, но оказавшийся неприятно жёстким цементный пол крыши, то сразу же потерял сознание от ужаса, боли и от гулкого удара головой о рядом находившийся столбик. Очнулся он уже в больнице после трёх бессознательных часов на крыше, после получасового спуска по лестнице несколькими взволнованными мужиками, также бессознательного часа езды в больницу сквозь немалые «пробки», двух часов откачивания и трёх часов сна в палате. Открыв глаза, он обнаружил, что перед ним его Полина, ЕГО! Эти волосы, эти глаза, губы, нос, ушки, шейка, грудки, ручки, животик, ножки... В общем, понял он, что, а точнее кто, делает его доподлинно счастливым.

Игорь Сушкин пролежал в больнице месяц — всё-таки хоть и маленькое, но падение произошло. Полина просидела с ним три недели, практически не отлучаясь от койки пострадавшего.

С этого момента биографии Игоря Сушкина автор рассказа, увы, потеряла все ниточки и уздочки и уже не смогла более раздобыть про него ровным счетом никаких вестей. Он как бы исчез для нее, испарился. Правда, она его тут недавно видела: холёный, в костюме, с Полиной, такой же довольной, прикрепленной к нему за ручку. Он шёл и улыбался своей, оказывается, даже милой улыбкой... на рекламном плакате.

Начато в середине ноября. Закончено 19 декабря 2009 года.

ПИАНИСТ

Из-под его пальцев летели громовые звуки морских волн. Каждое нажатие клавиши — новый вал. Вся комната была наполнена звуками: они отлетали от одной стены к другой, перемешивались друг с другом и, казалось, что в воздухе образуются сгустки музыки.

Обрывки мелодий витали по комнате и вдруг соединялись воедино, в одну волну, которая с головой накрывала экзаменационную комиссию.

Рояль содрогался и ревел, как деревянная шхуна в огромном штормовом океане.

Комиссия состояла из четырёх человек. Один из них — мужчина уже почтенных лет, с седой головой и в огромных профессорских очках, сидел за столом и, смачивая кончики пальцев слюной, с полным удовлетворением читал какой-то журнал. Вторая — дама, лет сорока с небольшим, сидела прямо, облокотившись на стол и покачивалась из стороны в сторону, то и дело поправляя очки на переносице. Она втягивала щёки, дула губки и внимательно глядела на летающие пальцы пианиста.

Третий — старикан, с лысой макушкой и с висящими с боков головы седовато-желтоватыми паклями, развалился на стуле и нагло дрых, запрокинув голову назад так, что оставались видны лишь две мирно посапывающие старческие ноздри. Четвертый же член комиссии вообще стоял у огромного окна и смотрел на мокрые осенние улицы города. Но если бы можно было бы увидеть его лицо, отвёрнутое от класса, показалось бы, что он тоже заснул, как и его коллега, ведь глаза его были закрыты, а грудь его мерно поднималась и опускалась.

И вот — последние аккорды, и пианист убрал с клавиатуры руки.

— Молодой человек, вы же понимаете, в чём ваша проблема? — после некоторой паузы затянул разговор мужчина с журнальчиком. — Отсутствие среднего музыкального образования — это не шуточки.

— Да это не просто шуточки, это просто немыслимо, чтобы к нам приходил без красного диплома, да ещё и на бюджет претендовать! — прогнусавила пружинистая учительница. — Это вам не какое-нибудь среднечастотное заведение, сами понимаете!

Пианист поник.

— Да, Елизавета Григорьевна права, мы не учим с нуля, мы делаем из уже готовых учеников мастеров за четыре года, а вы, молодой человек, уже упустили своё.

Старикан проснулся, сел прямо и прохрипел сонным голосом:

— Скоко времени, коллеги? Не пора ли закругляться?

— Ещё парочку послушаем, и по домам, — зевнул мужчина в профессорских очках и снова принялся перелистывать журнальчик. — У меня сегодня Лялочка утку делает. Молодой человек, вы свободны, позовите следующего.

Пианист медленно встал и с каменным лицом вышел из кабинета.

— Ещё два-три человека будут слушать и всё, — сообщил парень толпе талантов и направился к выходу.

Выйдя из школы, он посмотрел на светлеющее небо, расправил белоснежные крылья и взлетел навстречу расступающимся облакам.

— Всё-таки надо было взять того парня, — сказал мужчина, который стоял у окна, — мне кажется, мы об этом ещё пожалеем...

Комментарий редакции. В настоящей рубрике журнал пробует открыть дискуссию по самому актуальному в жизни всякого человека вопросу. Какому же именно? Восприятие или различение подлинного содержания жизни и есть таковой. Иначе говоря, не владея подлинным восприятием или смысловым различением, каждый из нас попросту обречён на жизнь в оковах превратностей, на безысходные муки и страдания, связанные с ними. Кто-то возразит, что учить разумному восприятию жизни невозможно, так как никто не знает её с гарантией на исчерпывающую правду о ней самой. Да, с последним вряд ли поспоришь. Но, с другой стороны, ничего не делать в связи с этим утверждением также недостойно всякого человека разумного станет. Поэтому-то разговор об этом насущном для всех деле все-таки начинается...

Владимир Хилько

В ДЕБРЯХ ПОНИМАНИЯ, ИЛИ ЗАБЛУДИВШИСЬ В ТРЁХ СОСНАХ

Интересное сейчас время. Бытовых удобств и информации так много, и они стали настолько доступными, что многие, особенно молодёжь, уверены в прогрессе во всём и достижении существенного превосходства даже над ближайшими предками. Действительно, когда такое было в истории человечества, чтобы всего за одно поколение не только возникло, но и успело «умереть» как ненужное, например, производство бытовых кассетных аудио- и даже видеомагнитофонов, появились принципиально новые возможности — мобильная сотовая связь, GPS-навигаторы, цифровые фотоаппараты и, наконец, Интернет, в котором можно найти сведения почти обо всём. Сами компьютеры изменились до неузнаваемости и по габаритам, и по возможностям.

С этого момента предлагаю пытливому читателю попытаться вместе со мной осмыслить самих себя и подобных нам не как пользователей бытовой техники и сведений Интернета, а как мыслящих, разумных, творящих существ. Если вам это интересно, конечно. Речь пойдёт о том, что и как мы понимаем в этом мире. Или почему не понимаем.

Начну вроде как издаleка. Попробую объяснить почему.

Известен факт, когда Р. Рейган, став президентом США, потребовал предоставлять ему на доклад материалы в объёме не более одной-двух страниц. Это сначала вызвало насмешки среди чиновников и журналистов — что, мол, ещё можно ожидать от бывшего актёра, попавшего в политику, — понять сложный документ большего объёма он не в состоянии... а потом комментарии изменились на противоположные — оказалось, краткость не только облегчала задачу понимания смысла текста для читающего, но и способствовала концентрации такого понимания для пишущего.

От себя добавлю — если и читающий (управляющий) и пишущий (аналитик) умеют это делать правильно. Краткость, конечно, сестра таланта... Но мы говорим о сложных случаях, когда приходится работать с огромными массивами информации, а время для обработки (принятия решения) ограничено. В идеале, чтобы кратко изложить смысл, нужно весь объём информации проанализировать на наличие взаимозависимости (причинно-следственных связей). Представьте

себе ситуацию, когда аналитик в исполнение требования быть кратким просто отбрасывает (не учитывает) часть обрабатываемой им информации и поэтому делает не совсем корректные выводы. А управляющий не подвергает сомнению истинность выводов, не принимает мер для проверки (или не имеет для этого ресурсов) и на их основе принимает решение. А потом ещё и ещё не раз таким же образом. Похоже, это в лучшем случае путь к межгосударственным конфликтам, в которых у каждой стороны так называемая «своя» (разумеется, единственно верная) правда.

В повседневной жизни мы сталкиваемся с худшей ситуацией — перед нами колоссальные массивы разнообразной информации, проникнуть в её суть при таком количестве уметь надо, поэтому роль аналитиков часто выполняют политики, журналисты, авторы фильмов, телеведущие и др., которые нам «подсказывают» — высказывают разнообразные мнения, очень часто при этом отбрасывая часть информации. Мы же вроде и управляющие собственными действиями, но часто — на основе мнений «подсказчиков». В советские времена вопросы типа «критика буржуазных теорий...» были обязательными при сдаче экзаменов по научному коммунизму. При этом изучения самой «буржуазной теории» не требовалось (кстати, это было сделать ещё и затруднительно из-за ограниченности источников информации) — достаточно было прочитать доступную литературу с изложенной там «критикой».

Сейчас количество информации существенно увеличилось, её доступность — также. Тепло, свет, вода, еда и даже развлечения в целом общедоступны. Неважно, как устроен электрочайник, телевизор или компьютер — их легко может включить и использовать даже маленький ребёнок. По этой же причине — из-за лёгкой доступности и простоте эксплуатации сопровождающих комфортный быт вещей — практическая необходимость думать в повседневной жизни как бы даже уменьшилась. Реклама подскажет, что покупать.

Однако стоп. Давайте не-много подумаем — ведь мы в основном имеем дело не с самой информацией о предмете или явлении, а с мнениями разных людей по этим поводам, т. е. очень часто — с хитроумно искажёнными аналитическими выводами или штампами, которые нередко намеренно пытаются прочно укоренить в нашем сознании.

Скажите, то, что написано выше, понятно, не правда ли? Тогда по объёму изложения я уложился в требования Р. Рейгана. Но я предполагаю, что, ограничиваясь «рублеными» фразами, достучаться до глубин вашего понимания я не смогу хотя бы потому, что для этого нужен либо заинтересованный диалог (люди даже если и говорят на одном языке, но понимают по-разному), либо нечто более фантастическое — открытый канал связи, способность к мгновенному восприятию, что ли.

В области техники ясности больше. Если вы вскрыете, например, телевизор, отсоедините провода, а потом не все их обратно соедините — даже сомневаться не будете, что нормальная работа невозможна. Это потому, что существование причинно-следственных связей в области техники очевидно (нарушил правильное соединение — немедленно можно наблюдать отрицательный результат). Техника — творение человека. Однако при этом из «кирпичиков» — веществ, полей, молекул, атомов и пр., не человеком созданных.

В социальной жизни сложнее. Причинно-следственные связи существуют, между поведением и его результатами часто можно увидеть связь довольно быстро («что посеешь, то и пожнёшь»), но не всегда. Возможно потому, что любые действия человека всё равно не смогут выйти за рамки «программы», предусмотренной для него Творцом. И неумные люди, не осознавая наличие «программы», в спокойные времена допускают возможность «делать что хочется», а в тяжёлые не могут или не хотят понять связь между «вдруг» свалившимися на них и их близких бедами и предшествующим поведением.

Я полагаю, что многие люди даже не понимают, что они не понимают, немногие — понимают, что они не понимают, а среди тех, которые считают, будто они понимают, что понимают, большинство относится к первым. С моей точки зрения, наши современники отнюдь не умнее предшественников — просто обладают гораздо большими возможностями доступа к информации, причём уточнить, факты ли это или мнения по их поводу, становится всё труднее. Я пытаюсь привлечь внимание дотошного читателя к самой проблеме понимания как важнейшей для существования человека разумного. На первый взгляд задача кажется сложной (отсюда «дебри»), но если постараться подумать — сложное можно попытаться объяснить просто (т. е. не нужно «блуждать в трёх соснах»). Здесь опасность. Просто — не означает «усечено». Нам нужна правильная простота. Правильно — это когда при необходимости можно просмотреть цепочку причинно-следственных связей до любой степени глубины. Возвращаясь к примеру с докладами для президента, их можно сравнить с вершиной пирамиды, которая опирается на расширяющиеся информационные массивы. Понимать — это значит уметь предъявить правильные источники информации, разобраться в их взаимосвязи, получить на этой основе прогноз — устремлённые в будущее выводы.

Простой пример о «штампе» в понимании. В качестве «причины» катастрофы самолётов или серьёзных аварий других видов транспорта нам сообщаются «плохие погодные условия» (гроза, гололёд, ограниченная видимость и пр.). Указание такой «причины», по моим наблюдениям, большинству вполне достаточно. Но давайте задумаемся — в системе (технике), созданной человеком и им же управляемой, являются ли погодные условия «причиной»? Разве не среда ли это (в том числе неблагоприятная, конечно), в которой может (или не должна) эксплуатироваться техника чело-

веком? В таком случае в качестве причины аварии нужно рассматривать только действия или бездействия людей, например:

- невыполнение пилотом инструкции;
- несовершенство самой инструкции (кем-то составленной);
- плохая подготовка экипажа к действиям в сложных погодных условиях;
- конструктивные недостатки (кем-то допущенные или не выявленные при испытаниях), или параметры конструкции, не допускающие возможность эксплуатации техники в рассматриваемой среде при таком-то скоростном режиме;
- недостатки технического обслуживания (кем-то и каким-то образом осуществляемого), в результате чего не вовремя выявлены (предупредительно заменены) потерявшие надёжность узлы и приборы;
- ошибки в метеопрогнозе;
- недостатки контроля багажа, личного досмотра пассажиров, охраны самолёта, в результате чего на борту самолёта возможно появление опасных устройств (взрыво- и пожароопасных, создающих помехи в системе управления) и пр.

«Списание» причины аварии на погоду (впрочем, и на погибший экипаж) позволяет не только уйти от ответственности за аварию конкретным фактически причастным к ней лицам. Это только часть проблемы. Не в наказании её сущность, но в том, что таким образом принципиально размывается понимание того, какие действия людей и почему привели к аварии.

Другой пример. Эту статью я пишу 14 февраля — в т. н. День святого Валентина. По радиотрансляционной сети в новостях мне сообщают, что в зоопарке «этот праздник» отметят вручением особых медалей животным, отличающихся «особой верностью» — волкам, лемурам, ещё кому-то... Скажите, эта акция имеет отношение к влюблённым, тем более к святому Валентину, или всё-таки это коммерческая акция по дополнительному привлечению посетителей (пусть даже вы-

нужденная, в условиях хронического недофинансирования, вина за которое — вовсе не на работниках зоопарка, большинство которых, я уверен, искренно любят своих подопечных)? На этом конкретном примере попробуем представить следующее. Приводят в зоопарк детей. Они являются свидетелями «праздника святого Валентина» с волками, лемурами и другими замечательными животными. Я не оговорился — и волки, и лемуры, и другие животные вызывают у меня восхищение как совершенные создания (вспомните, кто видел, целый документальный сериал про кошачьих лемуров о. Мадагаскар, или сегодня, 14 февраля, показываемую по телеканалу «Культура» вторую часть американского документального фильма «Жизнь с волками». Кто не видел — рекомендую разыскать и посмотреть). Но вернёмся к людям. Многие ли из родителей будут (и захотят и способны) объяснять своим детям разницу между шоу по поводу святого Валентина и тем, кто такой был святой Валентин в истории, какое отношение он имеет к влюблённым, почему у влюблённых только один день в году, что такое любовь, какое к ней имеют отношение медали, а к медалям — волки и лемуры? Уверен — многие дети наделены врождённой интуитивной способностью догадаться, что спектакль отличается от действительности, но точно не все, чем именно. Придётся либо объяснять, либо уйти от объяснения, предоставив это доступному самообразованию — с помощью книг, Интернета, друзей и пр.

Теперь простой пример с совсем взрослыми. Рекламируется «помощь пенсионерам» от коммерческой организации — ООО с названием типа «Фонд помощи пенсионерам». Название принимается за функцию. Результат — обманутые надежды. Как вы думаете, если старшее поколение не может отличить функцию от коммерции, не может этому научить младших, но активно надеется, что младшие, придя во власть, будут «лучше» и даже будут о них заботиться, достаточно ли обоснованы эти надежды?

Строго говоря, моя заметка тоже направлена на молодёжь. Я считаю, что старшим поколением наше общее дело стратегически проиграно до такой степени, что молодёжь почти не может найти применение своим силам и способностям в родной стране, не прибегая к различным уловкам (отдельные всплески разума старших не в счёт — они не являются определяющими). Беда в том, что эти уловки ассоциируются с нормой жизни. В результате катимся по наклонной плоскости. Кто не согласен — оглянитесь в своей квартире. Можно даже мысленно себя раздеть. Оцените, чьими мозгами созданы окружающие вас вещи и одежда. Только не надо приводить примеры собранных нашими руками на иностранном оборудовании иностранным же инструментом телевизоров и автомобилей иностранных марок — это «не наши мозги». Если же у вас вещи с «нашими мозгами» — вспомните их возраст. Но меня удивляет не это, а то, как многими нашими людьми всерьёз воспринимается «мнение» наших же высокопоставленных чиновников о нашей «неспособности» производить, например, собственные легковые автомобили, при необходимости сосредоточения усилий нас «как великой державы» в производстве самолётов и в развитии нанотехнологий. Я лично убеждён, что танки или атомные подводные лодки сделать сложнее, чем легковые автомобили, и что страна, способная их сделать, может вообще производить всё, начиная от швейных иголок с нитками. Надо только разобраться, что и кто нам мешает творить в собственной, кстати, невероятно богатой ресурсами и не обделённой талантами людей стране. Я считаю, что если в целом мы не лучше других народов, то уж и не хуже, а в некоторых областях — например, в области искусства — наделены особыми талантами.

Кстати, немного об искусстве. Этот пример посложнее. Обращаюсь одновременно к молодёжи и людям старшего поколения. Рассмотрим техническое средство воспроизведения музыки —

плеер т. н. MP3 формата. Немного отвлекусь.

Если читателям будет интересно продолжение разговора на заданную тему, я часто буду обращаться к музыке как самому таинственному и непостижимому из искусств. Недаром к музыке так тянется молодёжь — в транспорте иногда открытых ушей немного больше, чем заткнутых наушниками. Как-то по радио брали интервью у нашего выдающегося учёного, лауреата Нобелевской премии Ж. Алферова. Тема интервью — причина, по которой он лично согласился представлять фестиваль церковной музыки при том, что сам неоднократно идентифицировал себя как атеиста. Не гарантирую точность, но, кажется, Ж. Алферов рассказал о том, что согласен с высказыванием одного умного человека о возможности с помощью музыки почувствовать присутствие Бога... От себя добавлю — с помощью музыки можно почувствовать и не только Бога.

Но я возвращаю вас не к музыке, а к её воспроизведению в MP3 формате. Характерной особенностью этого формата является т. н. «сжатие» при записи и т. н. «восстановление» при воспроизведении. А теперь хотя бы поверхностно разберёмся. Это компьютерный текстовый файл можно «сжать» без потери качества, потому что в нём есть повторяющиеся строчки с буквами (полезная информация) и повторяющиеся междустрочные интервалы, в которых такая информация отсутствует, но место при записи они («паузы») требуют. Если при записи строчки придвинуть вплотную друг к другу и вместо записи пауз записывать гораздо меньшую по объёму информацию о регулярности их расположения, мы сэкономим место на носителе и при этом сможем точно «раздвинуть» строчки при чтении.

«Сжатие» музыкального файла вообще-то невозможно потому, что музыка меняется непрерывно — в ней нет

аналога «междустрочных интервалов». Поэтому на самом деле «сжатие» представляет собой «отбрасывание» части информации по определённом алгоритму. А восстановление — попытка «сглаживания прорех» на основе оставшихся данных. А теперь представьте себе статую Венеры Милосской. Руки у неё, как известно, «отброшены» при невыясненных обстоятельствах. Их можно попытаться представить, «доделать и приставить». Но это не будут руки этой статуи в задумке автора, причём никогда. Примерно так же воспроизводимая в MP3 формате музыка никогда не будет точно соответствовать записываемой. Я знаю, что развитым музыкальным личностям достаточно услышать структуру, «скелет», — и они способны «достроить музыку» согласно своему уровню развития. Однако MP3 искажает даже «скелет» (со «скелетами» в музыке полезно было бы разобраться отдельно). Отмечу при этом, что применение формата MP3 для записи-воспроизведения музыки — иностранное изобретение. Однако отрицательный результат в том, что молодёжь слушает в основном музыку именно в MP3, при этом классику в MP3 не слушает, да её и трудно слушать — тонкости сложной, непрерывно меняющейся ткани огрубляются и искажаются, и если не хватает развития, то в лучшем случае — просто неинтересно. Доступно передаётся ритм — причём тем лучше, чем он примитивнее. Так, если плыть по течению предлагаемых технических средств и не напрягать извилины, кроме «бум-бум» можно ничего и не расслышать. Разрушительные для личности последствия при этом колоссальны, но до сих пор трудно осознаваемы. Возможность приближения к Богу отодвигается на неопределённый срок, а отсюда нарастание агрессии в отношениях друг с другом. Как это преодолеть — попробуем обсудить, если вам это будет интересно. Тогда напишите в редакцию. Возможно, до встречи!

Андрей Каратыгин

БУРАТИНО FOREVER?

В ключевой воде купаюся,
пятернёй чешу волосыньки,
урожаю дожидаясь
с непосеянной полосыньки!

Н. А. Некрасов. Калистрат

Интересуясь тем, что сейчас читают наши дети, мы натолкнулись на сведения о том, что всем известные сказки о Пиноккио и Буратино пользуются сильно отличающимся спросом. И выбор наших родителей, а с ними и детей, падает в сторону русской версии знаменитого итальянского образца. Почему же? А потому, что-де сказка о Пиноккио морализаторская и жестокая. Сказка же о Буратино веселая и добрая. Так, по крайней мере, считают многие. Давайте вместе порассуждаем об этом выборе.

Итак, всемирно известная сказка «Пиноккио» написана Карло Лоренцини в конце XIX века (первая журнальная публикация в 1881 г., первое отдельное издание вышло в 1883 г.). Карло Лоренцини взял творческим псевдонимом имя своего родного города и стал Коллоди, таковым и вошел в историю. Полное название сказки «Le aventure di Pinocchio. Storia d'un burattino» по-русски звучит как «Приключение Пиноккио. История одного буратино». Сказка переведена на 87 языков, впервые переведена и издана в России в 1906 г. с 480-го (!!!) итальянского издания. Пиноккио на тосканском наречии значит — крепкий орешек, буратино же — деревянная кукла-марионетка.

А. Н. Толстой взял за основу своей сказки сказку Коллоди, использовав

его имя в качестве имени родителя Буратино. Имя автора оригинальной версии сказки — Карло (с тех пор выражение «работать, как папа Карло» стало обозначать тяжелый и неблагодарный труд). В качестве имени главного героя советский писатель берет само название куклы-марионетки. Уже в сказке папа Карло выбирает это имя по следующей причине: «Я знал одно семейство — всех их звали Буратино... все они жили весело и беспечно». Запомним это. Толстой довольно буквально следует тексту оригинала до момента «вложения денег в рост», то есть закапывания оных на Поле Чудес в известной стране. Дальше пути авторов расходятся, и расходятся принципиально. Прежде чем говорить подробнее, следует ещё сказать, что нам известны литературоведческие заключения о том, что этой сказкой Толстой метил в символистов, и она, в сущности, контекстна. Но её контекст ушёл, а сказка осталась, и многие ли знали, а тем более знают о наличии подтекста? Нет, сказка живёт потому, что она написана талантливо и увлекательно. Тут спору нет. В сказке есть замечательный детский юмор. Хороши ведь итальянские деды, которые «...тузили друг друга под микитки». Затем, в сцене искушения Буратино, которую разыгрывают кот Базилио и лиса Алиса,

возникает ворона, пытающаяся предупредить Буратино о последствиях сделки. В ответ Базилио запрыгивает на дерево и мутузит ворону, выдирает ей полхвоста, а на вопрос Буратино, не слишком ли круто, кот отвечает: думал, собака! А чего стоит сцена из сказки Толстого, где охранители тела губернатора Страны Дураков, обнаружив скоропостижную и бесследную пропажу тела охраняемого ими лица, придумали в своё оправдание блестящую версию: «Губернатор был взят живым на небо!» А клятва Тортилы с поднятой лапой? Хорош и по-настоящему русский язык Буратино, скажем, в сцене урока математики: «Я же не отдам Некту яблоко, хоть он дерись!» Или, например, в сцене боя Буратино с Карабасом: «Наладить такой шишкой по голове, так ой-ой!» Хотя ведь и до момента расхождения с оригиналом Толстой-таки допускает небольшое, но говорящее изменение. Если в оригинале Пиноккио добровольно расплачивается за банкет с хозяином харчевни, то «наш пострел» пытается удрать и тем избежать расчёта. Только поимка беглеца и неизбежность наказания заставляют его оплатить гульбу. Казалось бы, мелочь, но мелочь, сознательно применённая автором Буратино.

Что же, в сущности, происходит в сказке Толстого? Руками папы Карло из полена рождается на свет чудный мальчишка, озорной шалун, совсем не злой, но с большими «проблемами», первая из них — это нос. Из оригинала сказки понятно, что нос этот — символ греха и размеры его заметно по ходу сюжета меняются. В частности, это происходило всякий раз, когда Пиноккио лгал или, напротив, говорил правду. У Буратино же нос остаётся неизменным на протяжении всей сказки. Изначальные попытки Карло уменьшить его нос были безуспешны (то есть это, видимо, «карма», которую должен был отработать сам Буратино). В сказке Толстого Буратино, несмотря

на явное нежелание учиться, в полном смысле этого слова предстает как настоящий боец — неунывающий и энергичный. И если сначала он ловко «сдаёт» отца в полицию, то затем уже он становится непримиримым борцом как за отца, так и за собственных друзей. Поистине с таким не пропадёшь. В трудный момент он проявляет значительные организаторские способности и всякий раз спасает ситуацию. То есть он хорош для критической ситуации — побег, бой и т. д.

А собственно, из-за чего весь сыр-бор? А из-за золотого ключика, который придумал Толстой и которого нет в оригинальной сказке. Это ключ от некоей потаённой дверцы, ведущей к манящим тайнам, становящимся явью уже в конце сказки. Владельцем золотого ключика изначально был Карабас-Барабас, который, во-первых, не знал, где искомая дверца, а во-вторых, опрометчиво уронил ключик в пруд Тортилы. То есть выходит так, что «старый плавучий чемодан» распоряжается чужим имуществом, отдавая ключик Буратино. Отвергая все предложения об учёбе, преодолевая все трудности, Буратино с друзьями и папой Карло, наконец, открывает желанную дверцу, за которой оказываются ступени, ведущие вниз, в подземелье, где, к великому разочарованию героев сказки, никаких денег-то и нет. Зато там есть волшебный театр, который после неких манипуляций раскрывает своё происхождение — там возникает милиционер (тогда как в «той жизни» были полицейские) и мальчишка, едущий на трамвайной «колбасе». Ошибка исключена — это Страна Советов! Затем этот театр материализуется в непосредственной близости от театра Карабаса, и деревянные человечки решают, что им большего для счастья и не надо. На вопрос Карло: «Постойте, ребята, а учиться когда же?», следует незатейливый ответ: «Учиться будем утром, а играть вечером». Следующие подробности сюжета сказки вполне

опровергают сказанное выше. На вопрос кукол: «А собственно, что мы будем играть в театре?» — Буратино отвечает: «Чудаки, в комедии я буду играть самого себя и прославлюсь на весь свет!» Всё — амба! Дверца захлопнулась, Буратино закольцевал свою судьбу и судьбу всех поверивших в него. Он обеспечил себе и компании известную часть сюжета из кинофильма «День сурка», как говорится, по полной программе. Никакой учебы, никакого развития впредь не предвидится, ведь Буратино собирается теперь жить уже прожитым, то есть старыми заслугами. На надежду же, что кольцо, в которое замкнул себя Буратино, мол, может со временем само превратиться в известную «спираль развития», у читателя нет никаких оснований. В результате в сказке Толстого нет никакого преобразования его героев, нет даже видимости решения каких-то моральных проблем. Самое главное, что Буратино очень даже устраивает перспектива остаться деревянным человечком с тем же самым длинным носом, с которым он и был создан, — увы и ах! Единственными действующими персонажами сказки, которые его принимают за человека, являются обитатели пруда Тортилы. Иначе говоря, они наивно полагают, что как раз у Буратино все само собою образуется к лучшему. Финал же сказки никак не обещает это.

Теперь мы обращаем наше внимание на содержание сказки Коллоди. В ней главному герою предстоит преодолеть множество трудных испытаний, и, прежде всего, нравственных испытаний, испытаний выбором. Вначале герой похож на Буратино, те же ошибки, та же безоглядность. Однако по мере развития сюжета картина медленно, но верно меняется — Пиноккио начинает сопротивляться искушению, затем опять падает и опять же встает, но встает уже чуточку иным. Далее, практически став благополучным и даже лучшим учеником в шко-

ле, но все еще оставаясь при этом деревянным (буратино), Пиноккио участвует в буквальной схватке с семью смертными грехами. Они находятся совсем рядом с ним и только и ждут момента, чтобы заняться Пиноккио. Выбравшись из этого серьезного испытания, он попадает в ещё более серьёзное — его манит страна «развлечений и наслаждений», из которой уже выбраться практически невозможно по своей воле. И конечно, с помощью ангела-хранителя он преодолевает и это искушение. Затем подлинный герой попадает в ад. Кстати, вспомним страшных рыб, пожирающих грешников на старинных картинах, изображающих Страшный суд. И там Пиноккио во чреве страшной рыбы с тех картин находит своего к тому времени уже возлюбленного отца, который, отчаявшись от горя потери любимого сына, в свою очередь, предпринял самоубийственную попытку найти его, отправившись на утлой лодчонке в открытое море, уже не видя своей жизни без сына. Кстати, не о том ли рассказывают финский эпос «Калевала» или американский фильм «Куда приводят мечты»? Пиноккио спасает отца, и не только его. В самом конце сказки он возлагает на себя бремя служения сначала отцу, а затем и ангелу-хранителю. Последним же испытанием мальчика становится поистине Авраамова жертва, которую он с готовностью приносит своему ангелу. Пускай это были деньги, но это было все, чем располагал ребенок, и они были заработаны им подвижническим и самоотверженным трудом. И после этого следует самое главное — ПРЕОБРАЖЕНИЕ! Пиноккио становится полноценным человеком. При этом он лишается своего неудобного носа вовсе не по мановению волшебной палочки или по повороту трижды золотого ключика, а по факту преодоления им всех искушений, по наполнению себя настоящей сыновьей любовью к своему творцу и к ангелам,

которые его никогда не покидают и о которых же он твердо помнит.

Да, круги, совершаемые Пиноккио, похожи на круг, в который заключает сам себя Буратино. Но Пиноккио в отличие от своего собрата с каждым испытанием делается все лучше — он меняется, восходит духовно, а, как известно, без восхождения нет и преобразования, что и показывает Толстой вполне отчетливо уже своей сказкой. Конечно, сказка Коллоди насквозь пропитана христианством, но она тем и дорога! У Толстого же в сказке есть и искушение, есть и плетка-сехивостка, по сути своей символизирующая семь смертных грехов, но эти символы так и остаются символами, они не работают — это театральный реквизит!

Сказка Коллоди чудесна, она учит читателя на примере Пиноккио, формирует его понимание, подводит к сути, казалось бы, самых простых христианских истин. Иначе говоря, это незаменимый учебник для всех, кто хочет жить и давать жить другим, а не «жить весело и беспечно», прожигая соответствующие дары, как мечтает папа Карло! Не случайно надпись на памятнике Пиноккио на его «родине» гласит, что он дорог всем людям от четырех до семидесяти лет. Но ведь какое грустное дело: наши капризные читатели совсем не хотят «моральностей», а хотят они «веселухи» — легкой и беспечной жизни. Бесспорно, сказка Толстого предоставляет им эту возможность. Но хорошо ли это для них? Конечно, в смехе, в юморе нет ничего плохого. Вопрос в соотношении серьезного бытия и легковесного существования. Скажем, всем понятно, что соль и перец улучшают вкусовые качества пищи и делают её более полезной, но только до определённой степени. Ведь никому не приходит же в голову питаться солью с перцем, запивая это кушанье постным маслом. О том и речь наша — сначала сделай уроки, а потом вола верти, если захочешь, ко-

нечно. Тогда как при полновесных уроках вряд ли кому-либо захочется вертеть этого самого вола.

Человек в отличие от животных рождается с «чистой» памятью (да простят нам компьютерную аналогию). В него изначально загружено лишь минимальное количество драйверов, остальное загружается ТОЛЬКО через опыт жизни, то есть через собственное решение её задач: сначала вполне лёгких, а потом всё более и более сложных. Конечно, они решаются с помощью любящих родителей и учителей, а главное — с полнокровной верой в Бога! Известно, что ребёнок, не имеющий зрительного опыта в первые месяцы от рождения, остается слепым на всю жизнь. И это происходит при полной исправности его зрительного анализатора. Известны ещё случаи детей-маугли, что так и не могут стать членами человеческого сообщества даже после серьёзных усилий по их «вочеловечиванию». Поэтому-то нас так тревожит то, что «загружается» сегодня в нас и в наших детей. Часто под видом внешне весёлого и полезного «софта» во всех нас вводится программа с вирусом, который может «выстрелить» уже завтра. А противовирусная прививка — это способность различать добро и зло, дающаяся нам через воспитание, через постоянную проверку на эти самые добро и зло. Ведь то, во что мы верим, рано или поздно становится реальностью. И здесь мы должны остановиться на выборе взрослых людей.

Какое такое произведение испытало множество экранизаций, постановок, разошлось на цитаты и в своё время продавалось лишь тем страждущим, кто сдавал 20 кг макулатуры? Конечно же, это нетленный «Золотой теленок» (опять же — золотой!) Ильфа и Петрова. Талантливо и смешно написанная по форме книга, а по сути? Она есть чистая осанна всем жуликам и бандитам. Один её герой крадет еду у голодающих детей и стариков, выгодно её

продает, другие уже шантажом и насилием эти денежки у него «отжимают». Главные герои при этом такие милые и приятные, к тому же очень веселые, прямо как Буратино, что именно им и симпатизирует наш доверчивый читатель, за них, родных, страстно болеет, желает им всяческой удачи. Правда, когда эти «сладенькие» персонажи впоследствии «оживают» и окружают всех нас в нашей повседневности, они вдруг перестают быть такими уж милыми, как нам когда-то казалось. Но мы сами пригласили их к себе в душу, и они, не мешкая, вошли в неё и хозяйничают в ней по своему усмотрению. Не нравится? А не надо было их звать! Взрослый Буратино куда как грустнее юного. Помните Шуру Балаганова? Шура — это уменьшительно-ласкательное от Александра, что значит — победитель. Выходит, он лишь победитель балаганов. Балаган — временное здание для театральных и цирковых представлений. То есть он как раз место обитания Буратино, который именно его (балагана) герой. Так что Шура, на самом деле, лишь взрослый Буратино. Тем более что в конце книги он «закольцовывает» себя самого мелкой кражей, то есть возвращается на круги своя, чего и хочет Буратино. Бендер — персонаж не в пример серьёзнее. *Bender* в переводе с английского языка означает «клещи» — то есть то, чем вытаскивают, выдирают и нагибают, а второе значение этого слова — «пьянка». Хвост-то у него павлиний, да по уровню притязаний этот персонаж недалеко уходит от Балаганова. У него та же жидкая и в основе своей шкурная цель. Симпатичный персонаж, не правда ли? Сегодня такие «герои» удостоены всевозможных фестивалей. Мы имеем в виду прежде всего «Золотого Остапа», и опять же, замечьте, — золотого! Так вот, праздность, веселуха, избегание какого-либо преодоления и есть по сути только когда-то неслеланные уроки. Вот то, к чему ведет «завирусованная» информация.

Конечно, она не страшна тем, у кого установлен «антивирус», то есть тем, кто с детства учится различать добро и зло, кто честные книжки читает и рядом с кем всегда заботливый человек, могущий дать разъяснения и, главное, желающий этого разъяснения вполне искренне.

Упомянутые выше неприятные свойства присущи обществу потребления, которое с вкрадчивой настойчивостью твердит нам: «Ведь вы этого достойны». А устраивает ли нас такая оценка? Хотим ли мы быть достойными «молодильных пиявок Дуремара» или лучше пускай они нас будут достойны? Задумайтесь над этим вопросом из рекламы — он же перевернут в своей основе! Общество потребления прискорбно и больно. Актер А. Краско как-то сказал: «Алкоголизм и капитализм — одна болезнь». В английском языке слово «потреблять» — *consume* имеет ещё и следующие значения: пожирать (о зависти), истреблять, расточать, проматывать, истощаться, чахнуть. Нужны ли комментарии? Вероятно, что нет. Зато нужно преображение, тяжелый и трудный путь Пиноккио. И искусство в целом, и литература в частности тут незаменимы. Нам скажут, что Рэй Бредбери писал: «Не надо сжигать книги, чтобы уничтожить культуру, достаточно отучить людей читать». Верно, но уничтожить культуру можно и «троянскими конями», умело внедрёнными в ту читаемую информацию, что ещё востребована. Понятно, что было бы наивно сводить все наши проблемы к детской литературе, но ведь и снежная лавина складывается из внешне милых и безобидных снежинок по отдельности. Сказать, какая из них явится критической, невозможно. Особенно это будет поздно, когда лавина сойдёт. Мы все сегодня обречены на серьёзный разговор о сути нашего бытия. Иначе так и будем жаловаться, что буржуины поганые не дают нам секрета их мелкосхем многоумных и не открывают

нам правил какоделания мудрёного (сиречь электроники и технологий), а все норовят всю жижу подземную да воздуха огнепламенные у нас-то, зело хороших парней и девчат, повысосать. Но ведь еще А. Гайдар предупреждал, что Плохиш и буржуинам поганым не нужен. Он вообще никому не нужен — только деток смысленных им страшать. Другое дело — Кибальчиш. Но где ты, родной? Помог бы нам грешным, знаешь, как без тебя-то ныне худо. Простил бы ты нас, а?

Вместо эпилога

Во времена славные ходила в нашем народе песня. И были в той песне слова: «Наш паровоз вперед лети, в Коммуне остановка. Другого нет у нас пути...» Да, мы были на паровозе, то есть в лидере, поистине впереди планеты всей, а стрелку на Коммуну нам не открыли потому, что перестали мы уголёк-то кидать в топку нашего паровоза и катались-то мы по кругу, отставая даже от себя самих. И когда наш паровоз стал остывать, нам предусмотрительно подогнали товарный

вагон, и мы ринулись в него именно из-за того, что он товарный, да к тому ж ещё и рыночный в придачу. И невдомёк нам было тогда, что вагон-то этот никудышный, весь в дырах, да и в плесени вредоносной, и поедет-то он туда, куда чужому машинисту за благорассудится, да и хромает-то он где-то в хвосте состава. Так, может быть, встанем и, помолясь, плечом к плечу, душа в душу, да и раздвем топку СВОЕГО паровоза? И тогда нам истину никто не страшен! Приступим же с Верою!

Услышав вопрос рецензента — а где, собственно, ответ на вопрос: что делать? Признаем необходимость выводов. Пристальное и аналитическое восприятие произведений искусства — не только средство гигиены рассудка, но и мощный ресурс формирования личности, способности и под позолотой найти голого короля и не столько чтобы разоблачить его, сколько закалить собственные способности к РАЗЛИЧЕНИЮ добра и зла, причин и следствий, формы и содержания. Наша статья — лишь скромный пример ответа на вопрос, почему, посеяв рожь, нельзя ожидать пшеничных колосьев.